

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ТЕМЫ НОМЕРА

- ♦ Правое регулирование киберпространства: международные аспекты
- ♦ Сетевые коммуникации между обществом и государством
 - ♦ Нематериальное культурное наследие в контексте медиаправа
 - ♦ Управление правами на технологии
- ♦ Вопросы жизни и смерти в медицинской интеллектуальной собственности
 - ♦ Личность автора в общей теории авторства
- ♦ Метод объективного расчета роялти
- ♦ Правовые загадки искусственного интеллекта

ISSUE TOPICS

- ♦ Cyberspace Law: International Aspects
- ♦ Network Communications Between Civil Society and State
 - ♦ Intangible Cultural Heritage in the Context of Media Law
 - ♦ Technology Rights Management
- ♦ Questions of Life and Death in the Medical IP
 - ♦ The Personality of the Author in the General Theory of Authorship
- ♦ Royalty Calculation Method
- ♦ Legal Enigmas of Artificial Intelligence

Том 50 #3
2024

50 #3 2024

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

WORKS
ON INTELLECTUAL
PROPERTY

Vol. 50 #3 2024

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPICS

- ♦ *Cyberspace Law: International Aspects*
- ♦ *Network Communications Between Civil Society and State*
- ♦ *Intangible Cultural Heritage in the Context of Media Law*
- ♦ *Technology Rights Management*
- ♦ *Questions of Life and Death in the Medical IP*
- ♦ *The Personality of the Author in the General Theory of Authorship*
- ♦ *Royalty Calculation Method*
- ♦ *Legal Enigmas of Artificial Intelligence*

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2024

Том 50 #3 2024

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЕМЫ НОМЕРА

- ♦ *Правое регулирование киберпространства: международные аспекты*
- ♦ *Сетевые коммуникации между обществом и государством*
- ♦ *Нематериальное культурное наследие в контексте медиаправа*
- ♦ *Управление правами на технологии*
- ♦ *Вопросы жизни и смерти в медицинской интеллектуальной собственности*
- ♦ *Личность автора в общей теории авторства*
- ♦ *Метод объективного расчета роялти*
- ♦ *Правовые загадки искусственного интеллекта*

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2024

UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation

The journal is registered on
September 16, 2021 in the Federal
Service of Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate of registration of mass media
ΦC77–81925.

The reproduction of articles and other
materials against the will of the copyright
holders is prohibited in accordance with
paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code of
the Russian Federation.

The RLS "ConsultantPlus" was used when
preparing the journal.

The journal is included in the List of
peer-reviewed scientific publications
recommended by the Higher Attestation
Commission of the Ministry of Higher
Education and Science of Russian
Federation for the publication of the
main research results for the degree of
candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue "Russian Press" 11287

Address:
National Research University Higher
School of Economics

20 Myasnitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 *23017
e-mail: tis@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

© National Research University
Higher School of Economics, 2024

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 50 #3 2024. DOI: [10.17323/tis.2024.v50](https://doi.org/10.17323/tis.2024.v50)

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media
018878 dated 28/05/1999 and ΦC77–45963 dated 15/07/2011)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

The journal is published according to the Agreement between UNESCO and the Higher School of Economics on the establishment of the UNESCO Chair in Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dated August 7, 2020. The authors are responsible for the choice and presentation of views contained in this journal, and for opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

MARIA KATKOVA (HSE, Russian Federation)

Editorial Board:

BATURIN YURI (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)
BLIZNETS IVAN (Griboedov Moscow University, Russian Federation)
GADZHIEV GADIS (HSE University, Russian Federation)
GAVRILOV EDUARD (HSE University, Russian Federation)
DIETZ ADOLF (Max Planck Society, Germany)
IVLIEV GRIGORY (Eurasian Patent Office)
IMANOV KAMRAN (Intellectual Property Agency, Republic of Azerbaijan)
KOVALEVA NATALIA (HSE University, Russian Federation)
KRASNOV MIKHAIL (HSE University, Russian Federation)
MAGGS PETER (University of Illinois, USA)
NAUMOV VICTOR (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
NERETIN OLEG (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)
NUSSBERGER ANGELIKA (University of Cologne, Germany)
PASCALI MICHELANGELO (University of Naples Federico II, Italy)
POLYAKOVA TATIANA (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
POTAPENKO SERGEY (Kuban State University, Russian Federation)
RASOLOV ILYA (Moscow City University, Russian Federation)
SAIDOV AKMAL (National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan)
SERGEEV ALEXANDR (HSE University, Russian Federation)
SERGO ANTON (Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Federation)
TEDEEV ASTAMUR (Shenzhen MSU-BIT University, PRC)
SHAKHNAZAROV BENIAMIN (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)
SHAKHRAIY SERGEY (HSE University, Russian Federation)
VOINIKANIS ELENA (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

unesco

Кафедра

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77–81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: tis@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, д. 33, кор. 4, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел. +7 495 772 95 90 *15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:
Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2024

Напечатано с готового оригинал-макета. ООО «Фотоэксперт», 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42.

Подписано к печати 23.08.2024
Формат 60×90 1/8. Усл.печл. 17,25.
Тираж 200 экз. Заказ №

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 50 #3 2024. DOI: 10.17323/tis.2024.v50

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ
№ 018878 от 28. 05.1999 и ФС77–45963 от 15.07.2011)

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Журнал издается по Соглашению между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам от 7 августа 2020 г. В соответствии с Соглашением авторы статей, опубликованных в журнале, несут ответственность за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор

ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

КАТКОВА М.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет:

БАТУРИН Ю.М. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

БЛИЗНЕЦ И.А. (Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация)

ВОЙНИКАНИС Е.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАДЖИЕВ Г.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)

ИВЛИЕВ Г.П. (Евразийское патентное ведомство)

ИМАНОВ К.С. (Агентство интеллектуальной собственности, Азербайджанская Республика)

КОВАЛЕВА Н.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)

НАУМОВ В.Б. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности, Российская Федерация)

НУССБЕРГЕР А. (Кёльнский университет, ФРГ)

ПАСКАЛИ М. (Неаполитанский университет имени Федерико II, Италия)

ПОЛЯКОВА Т.А. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет, Российская Федерация)

САИДОВ А.Х. (Национальный центр по правам человека, Республика Узбекистан)

СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СЕРГО А.Г. (Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российская Федерация)

ТЕДЕЕВ А.А. (Университет МГУ-ППИ в Шеньчжэне, КНР)

ШАХНАЗАРОВ Б.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ШАХРАЙ С.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

TABLE OF CONTENTS

5.1.2; 5.1.3. Juridical Sciences

INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS

V.P. TALIMONCHIK. International Institutional Competition as an Obstacle to the Formation of the System of International Legal Regulation of Information and Communication Systems	8
E.V. PEREPELTSIA. Functional Resource of Network Communications and Public-Government Interaction	20
S.A. ABRAMOV. Intangible Ethno-Cultural Heritage of Russian Regions in the Context of Media Law	30
E.I. DISKIN. Problem of the "Digital Cancellation" of the Russian Citizens.	39
A.A. NAKHUSHEV. Prospects for the Integration of Information and Communication Technologies into the Sphere of Public Administration as a Mechanism for its Reconstruction.	49

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

V.B. NAUMOV. Design and automation of business processes for technology rights management.	57
P.B. MAGGS. Medical Intellectual Property: Questions of Life and Death.	70
A.Kh. ULBASHEV. The Personality of the Author in the Era of Artificial Intelligence: Lessons from the General Theory of Authorship	74
S.A. AGAMAGOMEDOVA. Customs Control of Goods Containing Intellectual Property: Directions of Digitalization	83
D.V. IVANOVA. Use of Photographic Works in Media: Certain Aspects of Civil Liability	92
A.G. JRAGHATSPANYAN. The Legal Nature of Computer Games as Complex Objects of Intellectual Property Law: comparative legal analysis.	99
A.V. KOSTIN. Objective Royalty Calculation Method for Forensic Examinations and Commercial Transactions.	107

ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW

M.N. KOMASHKO. ChatGPT, Text, Information: Critical Analysis	118
S.V. DE APRO. Creativity Criteria for Artificial Intelligence	129

ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS AT THE HSE UNIVERSITY	137
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.2; 5.1.3. Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

В.П. ТАЛИМОНЧИК. Международная институциональная конкуренция как препятствие формированию системы международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем	8
Е.В. ПЕРЕПЕЛИЦА. Функциональный ресурс сетевых коммуникаций и общественно-государственное взаимодействие.	20
С.А. АБРАМОВ. Нематериальное этнокультурное достояние регионов России в контексте медиаправа	30
Е.И. ДИСКИН. Проблема «цифровой отмены» граждан России.	39
А.А. НАХУШЕВ. Перспективы интеграции информационно-коммуникационных технологий в сферу государственного управления как механизм ее реконструкции	49

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В.Б. НАУМОВ. Построение и автоматизация бизнес-процессов управления правами на технологии.	57
П.Б. МЭГГС. Интеллектуальная собственность в сфере медицины: вопросы жизни и смерти	70
А.Х. УЛЬБАШЕВ. Личность автора в эпоху искусственного интеллекта: уроки общей теории авторства.	74
С.А. АГАМАГОМЕДОВА. Таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности: направления цифровизации	83
Д.В. ИВАНОВА. Использование фотографических произведений в сфере медиа: отдельные аспекты гражданско-правовой ответственности	92
А.Г. ДЖРАГАЦПАНЯН. Правовая природа компьютерных игр как комплексных объектов права интеллектуальной собственности: сравнительно-правовой анализ	99
А.В. КОСТИН. Метод объективного расчета роялти для судебных экспертиз и сделок	107

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

М.Н. КОМАШКО. ChatGPT, текст, информация: критический анализ.	118
С.В. ДЕ АПРО. Критерии творчества для искусственного интеллекта.	129

О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ, СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»	135
--	-----

Научная статья

УДК: 341.162

DOI: 10.17323/tis.2024.22294

Original article

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНСТИТУЦИОННАЯ КОНКУРЕНЦИЯ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ INTERNATIONAL INSTITUTIONAL COMPETITION AS AN OBSTACLE TO THE FORMATION OF THE SYSTEM OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF INFORMATION AND COMMUNICATION SYSTEMS

Валентина Петровна ТАЛИМОНЧИК

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация,
talim2008@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-5302-460X

Информация об авторе

В.П. Талимончик — профессор, старший научный сотрудник кафедры общетеоретических правовых дисциплин, доктор юридических наук

Аннотация. Прованализированы проблемы проявления международной институциональной конкуренции в процессе выработки правил развития и использования информационно-коммуникационных систем международными организациями.

Цель исследования — выявление особенностей международной институциональной конкуренции при регламентации информационно-коммуникационных систем и поиск путей ее преодоления. Для достижения цели исследования решались задачи: проанализировать международные механизмы регулирования информационно-коммуникационных систем на универсальном

- уровне; выявить области «пересечения» компетенций международных организаций и конференций; выработать предложения по координации деятельности международных институциональных учреждений в сфере информации.
- При анализе использовались формально-логический, проблемно-теоретический методы исследования, метод анализа и синтеза.
- По результатам анализа деятельности международных организаций и конференций выявлено «пересечение» компетенций при регулировании информационно-коммуникационных систем в четырех ключевых областях: образование, наука, культура, здравоохранение. Учтены общие направления развития системы международного правового регулирования информационно-коммуникационных систем, а именно: формирование специальных принципов международного права, регулирующих сферу информации в целом и использование информационно-коммуникационных систем в частности; адаптация существующих международных договоров к потребностям развития информационно-коммуникационных систем; развитие lex electronica в направлении формирования технических стандартов, регулирования интеллектуальной собственности при

использовании информационно-коммуникационных систем, разрешения споров онлайн, электронных финансовых инструментов, использования информационно-коммуникационных систем в интересах всего человечества. Международная институциональная конкуренция создает препятствия упорядоченному развитию международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем. Она может быть преодолена в результате создания единого координационного механизма для деятельности международных организаций и конференций в рамках ООН.

Ключевые слова: международное право, международные организации, международные конференции, международная институциональная конкуренция, информационно-коммуникационные технологии, информационно-коммуникационные системы, ООН, ЮНЕСКО, МСЭ, ВОИС, Глобальный цифровой договор

Для цитирования: Талимончик В.П. Международная институциональная конкуренция как препятствие формированию системы международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 8–19; DOI: 10.17323/tis.2024.22294

Valentina P. TALIMONCHIK

Northwest Branch of the Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation,
talim2008@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-5302-460X

Information about the author

V.P. Talimonchik — Professor, Senior Researcher of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, Doctor of Legal Sciences

Abstract. The article contains an analysis of the problem of international institutional competition in the process of the regulation of information and communication systems by international organizations.

The purpose of the study is to identify the features of international institutional competition in the regulation of the functioning of information and communication systems and to propose possible ways to overcome it. To achieve the purpose of the study, the following tasks were solved: to analyze international mechanisms for regulating information and communication systems at the universal level; to identify areas of "interconnection" of the competence of international organizations and conferences; to develop proposals for

- coordination of the activities of international institutions in the field of information.
- Formal-logical, problem-theoretical research methods, the method of analysis and synthesis were used in the study.
- According to the results of the analysis of the activities of international organizations and conferences, the "intersection" of competence in the regulation of information and communication systems in four key areas — education, science, culture, and healthcare, has been revealed.
- The general directions of the development of the system of international legal regulation of information and communication systems are taken into account, namely: the formation of special principles of international law governing the field of information in general and the use of information and communication systems in particular; the adaptation of existing international treaties to the needs of information and communication systems development; the development of lex electronica towards the formation of technical standards, regulation of intellectual property in the use of information and communication systems, online dispute resolution, electronic financial instruments, the use of information and communication systems in the interests of all mankind. International institutional competition creates obstacles to the development of international legal regulation of information and communication systems. It can be overcome by creating a unified coordination mechanism for the activities of international organizations and conferences within the framework of the United Nations.

Keywords: international law, international organizations, international conferences, international institutional competition, information and communication technologies, information and communication systems, UN, UNESCO, ITU, WIPO, Global Digital Compact

- **For citation:** Talimonchik V.P. International Institutional Competition as an obstacle to the formation of the System of International Legal Regulation of Information and Communication Systems // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 8–19; DOI: 10.17323/tis.2024.22294

ВВЕДЕНИЕ

Основной тенденцией развития информационного общества на универсальном, региональном и национальном уровнях в XXI в. является радикальное преобразование объекта международных и «внутренних» информационных отношений. К передовым технологиям относятся, в частности, информационно-коммуникационные системы — искусственный интеллект (ИИ), большие данные (Big Data), нейронные сети, распределенные реестры. В категорию информационно-коммуникационных систем они объединены с учетом их объективных свойств: сложной структуры, позволяющей осуществлять разнообразные функции, в том числе близкие к когнитивным функциям мозга человека; относительной автономии от оператора системы.

Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта, принятая Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) на 41-й сессии, проходившей в Париже с 9 по 24 ноября 2021 г. (далее — Резолюция ЮНЕСКО), прямо устанавливает, что системы на основе ИИ рассматриваются как технологические системы, способные обрабатывать данные и информацию способом, напоминающим разумное поведение и включающим, как правило, такие аспекты, как рассуждение, обучение, распознавание, прогнозирование, планирование и контроль.

Большие данные также можно рассматривать как технологические системы, способные обрабатывать информацию способом, напоминающим разумное поведение, поскольку языки программирования (например, Python, Java, Julia) используются как для машинного обучения, так и для обработки больших данных с помощью готовых библиотек и фреймворков.

Наиболее близки к функционированию человеческого мозга и в силу этого многофункциональны нейронные сети, которые создаются с использованием метода глубокого обучения.

Распределенные реестры представляют собой децентрализованную информационно-коммуникационную систему. Их функционирование также напоминает разумное поведение. Каждый узел составляет и записывает обновления реестра независимо от

других узлов. Затем узлы «голосуют» за обновления. Этот процесс выполняется автоматически с помощью алгоритма консенсуса. Если консенсус достигнут, распределенный реестр обновляется, и последняя согласованная версия реестра сохраняется в каждом узле.

Формируются также сочетания информационно-коммуникационных систем — информационно-коммуникационные системы более высокого уровня (метавселенная), в которых сочетаются на данном этапе научно-технического развития искусственный интеллект и большие данные.

В XX в. сложилась категория «информационная система» как база данных, управляемая алгоритмическими компьютерными программами [1, 2]. Появление логического программирования обусловило необходимость пересмотра категории «информационная система», поскольку функционирование информационных систем не содержало элементов когнитивности и не было даже относительно автономным. В 2020 г. при участии в книжном проекте «Artificial Intelligence. Scope and Limitations» автором этой статьи введен термин «информационно-коммуникационная система», которым обозначаются все сложноструктурные информационные объекты, обладающие единством и многофункциональностью, а также на данном этапе научно-технического прогресса относительной автономией от оператора такой системы. Термин охватывает как существующие информационно-коммуникационные системы, так и те, которые появятся в будущем. Информационно-коммуникационные системы рассматриваются как особая разновидность объектов международных информационных отношений наряду с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) и «традиционными» телекоммуникациями. В рамках международно-правового регулирования международных информационных отношений существует объективная потребность в формировании отдельного института для регулирования создания и использования информационно-коммуникационных систем, что связано с правотворческой деятельностью международных организаций.

Понятие «информационно-коммуникационные системы» практически не исследовано в правовой

доктрине, поскольку основное внимание уделяется отдельным видам такого рода систем: искусственному интеллекту, большим данным, блокчейну.

Монографические исследования по правовым вопросам использования искусственного интеллекта Шин-и Пенга, Шин-фу Лина и Томаса Стрейнза [3], Симона Честермана [4], Мити Ковач [5], Натали Ребе [6] основаны преимущественно на сравнительно-правовом подходе и затрагивают только право ВТО (Всемирной торговой организации).

В фундаментальных исследованиях охрана больших данных рассматривается с учетом сложившейся системы охраны данных как таковых [7, 8].

Следует констатировать, что исследования «разделились» по отдельным типам информационно-коммуникационных систем. Исключение составляет исследование «Big Data and Global Trade Law» под редакцией Миры Бурри [9], где рассмотрены большие данные и блокчейн.

Трансформация объекта международных информационных отношений должна привести к пересмотру концепций глобального и регионального информационных обществ и выработке релевантных юридических механизмов регулирования международных информационных отношений.

Пересмотр концепции информационного общества уже осуществляет Международный союз электросвязи (МСЭ), под эгидой которого ранее проводился Всемирный саммит по информационному обществу. МСЭ с 2017 г. реализует новую инициативу — проведение Всемирного саммита «Искусственный интеллект во благо человечества».

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) работает над проблемами искусственного интеллекта и интеллектуальной собственности (ИС). В 2019 г. было положено начало нормотворческому проекту этой организации — «Дискуссии ВОИС по вопросам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта» (в настоящее время проект преобразован в «Дискуссию ВОИС по вопросам интеллектуальной собственности и передовых технологий»).

Разнообразные инициативы на универсальном уровне реализуются в условиях отсутствия единого координационного механизма, что порождает международную институциональную конкуренцию. Феномен международной институциональной конкуренции недостаточно исследован в международно-правовой доктрине. Его объяснение мы находим в работе Рут Окедиджи [10] применительно к конкуренции ВТО и ВОИС. Для анализа конкуренции ВТО и ВОИС предлагаются специальные термины: *forum proliferation* (характеризует пересечение компетен-

ции международных организаций) и *international institutional competition*. В рамках настоящего исследования международная институциональная конкуренция рассматривается в аспекте обеспечения единства формирующегося международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем.

В отечественной доктрине международная институциональная конкуренция не стала предметом рассмотрения. Исследования в области экономики сосредоточены на международной конкуренции как таковой [11–15] и ее отдельных видах — международной рыночной конкуренции [16, 17], международной налоговой конкуренции [18–22], международной валютной конкуренции [23], международной спортивной конкуренции [24, 25]. Была также издана книга по проблеме международной конкуренции и лидерства в цифровой среде [26]. В исследованиях рассматривается международная конкуренция в ее традиционном виде — как между хозяйствующими субъектами на международных рынках, так и между странами. Конкуренция международных институциональных учреждений, наделенных правосубъектностью государствами, не носит экономического характера, она связана с «пересечением» компетенций и обостряется при возникновении новых групп международных отношений в условиях научно-технического прогресса.

ОСНОВНЫЕ ОБЛАСТИ «ПЕРЕСЕЧЕНИЯ» КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУЦИОННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Для того чтобы информационно-коммуникационные системы использовались на благо человечества, необходима их тщательная адаптация к четырем ключевым областям, определяющим гуманистический характер современной цивилизации: образованию, науке, культуре, области здравоохранения.

Декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» Всемирного саммита по информационному обществу № WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R от 12 декабря 2003 г., принятая в Женеве, положила начало деятельности постоянных рабочих групп. Вопросы образования затрагивались в двух направлениях: С3 («Доступ к информации и знаниям») и С4 («Наращивание потенциала»).

Участники Всемирного саммита по информационному обществу исходили из общего положения, согласно которому каждый должен обладать необходимыми навыками, чтобы в полной мере пользоваться преимуществами информационного общества. Он поставил проблему грамотности в области ИКТ.

Также было отмечено, что ИКТ могут способствовать «достижению всеобщего образования во всем мире». Эта цель в настоящее время не реализована, поскольку не преодолен «цифровой разрыв».

Одновременно перед государствами были поставлены следующие задачи:

1) разработать внутреннюю политику для обеспечения полной интеграции ИКТ в образование и профессиональную подготовку на всех уровнях, включая разработку учебных программ, подготовку учителей, институциональное администрирование;

2) разрабатывать и продвигать программы по искоренению неграмотности при использовании ИКТ на национальном, региональном и международном уровнях;

3) продвигать навыки электронной грамотности для всех, используя преимущества существующих объектов, таких как библиотеки, многофункциональные общественные центры, точки общественного доступа, а также путем создания местных учебных центров по ИКТ;

4) обеспечить условия, чтобы молодые люди обладали знаниями и навыками для использования ИКТ, включая способность анализировать и обрабатывать информацию творческими и новаторскими способами, делиться своим опытом и в полной мере участвовать в жизни информационного общества;

5) разработать пилотные проекты для демонстрации воздействия альтернативных систем предоставления образования на основе ИКТ;

6) работать над устранением гендерных барьеров в образовании и профессиональной подготовке в области ИКТ и поощрять равные возможности обучения в областях, связанных с ИКТ, для женщин и девочек; запускать образовательные и подготовительные программы с использованием информационных сетей для традиционных кочевых и коренных народов;

7) разрабатывать конкретные учебные программы по использованию ИКТ в целях удовлетворения образовательных потребностей специалистов в области информации, таких как архивисты, библиотекари, музейные работники, ученые, учителя, журналисты, почтовые работники, и специалистов других соответствующих профессиональных групп. Подготовка специалистов в области информации должна быть сосредоточена не только на новых методах и приемах разработки и предоставления информационно-коммуникационных услуг, но и на соответствующих управленческих навыках для обеспечения наилучшего использования технологий. При подготовке учителей акцент должен быть сделан на технических аспектах ИКТ, разработке контента, а также на возможностях и вызовах, связанных с ИКТ.

Предлагаемые меры были связаны с ИКТ, они объективно не могли охватывать информационно-коммуникационные системы. Однако их реализация в отношении ИКТ могла бы создать прочную основу для использования информационно-коммуникационных систем в образовании.

В настоящее время ИКТ остаются технологической основой информационного общества наряду с «традиционными» телекоммуникациями и информационно-коммуникационными системами. Необходимо обеспечивать преемственность мер, предложенных в отношении ИКТ, для информационно-коммуникационных систем.

Всемирный саммит по информационному обществу работает под эгидой МСЭ, в чью компетенцию вопросы образования не входят. Однако инициатива МСЭ была широко поддержана. В рамках ООН создан специальный орган — Группа ООН по информационному обществу (UNGIS, ЮНГИС). Основной целью деятельности ЮНГИС является координация общественных и политических вопросов, касающихся имплементации организациями системы ООН мер, разработанных в рамках Всемирного саммита по информационному обществу.

По мере развития информационно-коммуникационных систем стало понятно, что существующая институциональная система регулирования ИКТ не приспособлена под новое технологическое явление. МСЭ создал новый форум вместо совершенствования деятельности Всемирного саммита по информационному обществу, компетенция ЮНГИС не была изменена.

С учетом концепции международной институциональной конкуренции обратимся к вопросам, которые рассматривались на Всемирном саммите «Искусственный интеллект во благо человечества», проходившем в Женеве 28–31 мая 2019 г. Основное внимание на нем уделялось значению ИИ в развитии образования, здравоохранения и благосостояния, в достижении социально-экономического равенства. Также обсуждались непредвиденные последствия ИИ и взаимосвязь ИИ с искусством и культурой. Вместо совместного рассмотрения вопросов образования, культуры и здравоохранения в отношении ИКТ и информационно-коммуникационных систем в рамках единой дискуссионной площадки вопросы использования информационно-коммуникационных систем стали обсуждаться обособленно.

Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО на 41-й сессии, проходившей в Париже с 9 по 24 ноября 2021 г., также содержит раздел об образовании. Образование отнесено к приоритетной

области 8. Для применения информационно-коммуникационных систем в образовании необходимо учитывать перечисленные ниже основополагающие положения.

1. Образовательные учреждения должны способствовать эффективному распространению грамотности в области информационно-коммуникационных систем на всех уровнях среди населения всех стран в интересах повышения самостоятельности людей и сокращения цифрового отставания и неравенства в доступе к цифровым технологиям.

2. Необходимо обеспечивать людям приобретение компетенций, «изначально требуемых» для обучения навыкам использования информационно-коммуникационных систем, таких как базовые навыки грамотности и счета, умение работать с данными и цифровыми технологиями, медийно-информационная грамотность, а также критическое и творческое мышление, умение работать в команде, коммуникативные, социально-эмоциональные навыки и навыки этичного применения информационно-коммуникационных систем.

3. Государствам следует содействовать осуществлению программ, направленных на повышение общей осведомленности о достижениях в области информационно-коммуникационных систем, в том числе о данных и потенциальных возможностях и проблемах, обусловленных развитием информационно-коммуникационных систем, об их воздействии на права человека и последствиях, в том числе для прав ребенка. Такие программы должны быть доступны как для подготовленной, так и для не обладающей специальными знаниями аудитории.

4. Поощряются исследования по вопросам ответственного и этичного применения информационно-коммуникационных систем, в том числе в сфере преподавания, подготовки преподавательских кадров и электронного обучения, в целях расширения потенциальных возможностей, минимизации потенциальных трудностей и смягчения рисков в этой области. Такие инициативы должны подкрепляться адекватной оценкой воздействия применения информационно-коммуникационных систем на качество образования, на самих обучающихся и их преподавателей.

5. В учебном процессе необходимо обеспечить условия, чтобы информационно-коммуникационные системы способствовали повышению самостоятельности обучающихся, преподавателей и обогащению их опыта. При этом межличностные и социальные аспекты, а также ценность традиционных форм обучения имеют важнейшее значение для развития отношений обучающихся с преподавателями и с другими учащимися и должны приниматься в расчет

при обсуждении вопросов, касающихся внедрения информационно-коммуникационных систем в сфере образования. Информационно-коммуникационные системы должны поддерживать процесс обучения, не приводя к сокращению когнитивных возможностей и не извлекая чувствительную информацию в соответствии со стандартами защиты личных данных.

6. Государства должны принять меры к тому, чтобы учебные программы по тематике информационно-коммуникационных систем охватывали девочек и женщин, лиц с инвалидностью, представителей разных этносов и культур, маргинализированных и уязвимых групп населения и лиц, оказавшихся в уязвимом положении, меньшинств и всех тех, кто лишен возможности в полной мере пользоваться преимуществами цифровых технологий.

7. Поощряются разработка учебных курсов по этическим аспектам информационно-коммуникационных систем для всех ступеней образования и совмещение обучения техническим навыкам применения информационно-коммуникационных систем с социально-гуманитарными и этическими аспектами использования информационно-коммуникационных систем.

Нетрудно заметить, что меры в области образования, разработанные Всемирным саммитом по информационному обществу в отношении ИКТ, сходны с мерами ЮНЕСКО в отношении информационно-коммуникационных систем. Это связано с особенностями области образования, где исторически сложились методики и традиции, которые необходимо сохранять независимо от использования каких бы то ни было технологий.

В настоящее время в обособленную область выделяется проблема метавселенной. На Седьмом раунде Дискуссии ВОИС, прошедшем в Женеве 29 и 30 марта 2023 г., обсуждался феномен метавселенной, его технические, экономические и юридические аспекты. Общим подходом к метавселенной было посвящено групповое обсуждение 1 «Вся информация выглядит, как шум, пока не взломан код: расшифровывая метавселенную». Была отмечена дискуссионность понятия «метавселенная». Согласно одному подходу, метавселенная — это следующая ступень развития, революционное явление, которое затрагивает то, как мы взаимодействуем с технологиями и вообще живем. В соответствии с другим подходом в метавселенной нет ничего нового по сравнению с существующими игровыми платформами или она вообще не существует (и не может существовать).

По итогам Дискуссии ВОИС не принимались какие-либо резолюции, были только рассмотрены следующие вопросы:

- Что такое метавселенная? Отличается ли она от онлайн-игр, существующих виртуальных миров или Web 3.0?
- Какова ее технологическая структура?
- Может ли метавселенная обеспечить решение глобальных проблем и помочь устранить технологический разрыв?
- Какие стандарты необходимы для метавселенной?
- Какие риски она несет и какие возможности предоставляет?

В рамках этого группового обсуждения были рассмотрены соответствующие технологические компоненты: оборудование, платформы, контент и вспомогательные средства, такие как цифровые идентификаторы и невзаимозаменяемые токены (NFT), а также их текущий уровень развития. Кроме того, участники дискуссии обсудили, что необходимо для создания метавселенной, какова ее нормативно-правовая база и какую роль может сыграть в данной сфере информационная система.

Полагаю, что обсуждение отдельных передовых технологий должно сочетаться с выработкой общих подходов к информационно-коммуникационным системам как целостному технологическому явлению. Сложившаяся система международных отношений связана с закономерностями, которые обуславливают сходные «реакции» на новые технологии, независимо от свойств таких технологий.

Вопросы образования настолько значимы, что вошли в Концептуальную записку 5 (доклад «Наша общая повестка дня»), именуемую «Глобальный цифровой договор: открытое, свободное и защищенное цифровое будущее для всех», подготовленную Генеральным секретарем ООН в мае 2023 г. Для реализации Глобального цифрового договора предлагается новый институциональный механизм — Форум цифрового сотрудничества. К компетенции Форума предлагается отнести в том числе содействие трансграничному обучению в вопросах цифрового управления. При этом не прорабатывается вопрос, как соотносится компетенция Форума с компетенцией уже сложившихся дискуссионных площадок — Всемирного саммита по информационному обществу, Саммита «Искусственный интеллект на благо человечества», Дискуссии ВОИС по интеллектуальной собственности и передовым технологиям.

Научные исследования тесно связаны с образованием. Всемирный саммит по информационному обществу не выделил науку в отдельное направление. «Электронная наука» вошла в направление С7 («Применение ИКТ: преимущества во всех аспектах жизни»). Были предложены следующие меры:

1) содействие доступному и надежному высокоскоростному подключению к интернету для всех университетов и научно-исследовательских институтов, чтобы поддержать их важнейшую роль в производстве информации и знаний, в образовании и профессиональной подготовке;

2) продвижение инициатив по электронному изданию, дифференцированному ценообразованию и открытому доступу, чтобы сделать научную информацию доступной;

3) содействие долгосрочному систематическому и эффективному сбору, распространению и сохранению важнейших научных цифровых данных;

4) продвижение принципов и стандартов метаданных для содействия сотрудничеству и эффективному использованию собранной научной информации. Эти меры обеспечивали использование ИКТ для различных научных исследований при сохранении эволюционного подхода к развитию науки.

Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО на 41-й сессии, проходившей в Париже с 9 по 24 ноября 2021 г., содержала концепцию научных исследований в условиях развития информационно-коммуникационных систем. Несмотря на то что концепция разрабатывалась в отношении искусственного интеллекта, она в равной степени применима ко всем информационно-коммуникационным системам.

Основным компонентом предложенной ЮНЕСКО концепции стала этика научных исследований. Государствам необходимо обеспечить:

1) условия, чтобы занимающиеся проблематикой информационно-коммуникационных систем исследователи имели подготовку в вопросах учета этических аспектов при проведении научных исследований; надо требовать от них включения этического компонента в планы проведения исследований, результаты исследований и публикации;

2) обоснование любых будущих нововведений, связанных с использованием информационно-коммуникационных систем, углубленными и независимыми научными исследованиями, а также проведение междисциплинарных исследований в области информационно-коммуникационных систем, предусматривающих наряду с естественно-научным, инженерно-техническим и математическим компонентами включение других дисциплин, таких как культурология, образование, этика, международные отношения, право, лингвистика, философия, политология, социология и психология;

3) осознание научными сообществами плюсов, ограничений и потенциальных рисков, связанных с использованием информационно-коммуникацион-

ных систем; это предполагает стремление обеспечить надежность и обоснованность выводов, основанных на подходах, моделях и режимах работы, управляемых данными.

Незавершенность предложенной ЮНЕСКО концепции проявляется в отсутствии положений о социальной ответственности самих ученых, непосредственно обращенных к научному сообществу. Это может быть связано с компетенцией ЮНЕСКО как организации межгосударственной. На наш взгляд, ЮНЕСКО вправе унифицировать положения о социальной ответственности ученых в условиях развития передовых технологий. Эти положения постепенно приобретали бы характер международных обычаев.

В условиях развития информационно-коммуникационных систем происходит трансформация культурного наследия. Оно постепенно преобразуется в цифровую форму, а ряд объектов культурного наследия изначально создаются в цифровой форме, а то и искусственным интеллектом или нейронными сетями.

Система охраны культурного наследия создана в рамках ЮНЕСКО. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 21 ноября 1972 г. учитывала, что культурному и природному наследию все больше угрожает разрушение, вызываемое не только традиционными причинами, но и эволюцией социальной и экономической жизни, которая усугубляет их еще более опасными, вредоносными и разрушительными явлениями. В Конвенции также констатируется, что повреждение или исчезновение любых образцов культурной ценности или природной среды представляет собой пагубное обеднение достояния всех народов мира. В Конвенции выделено две категории культурного наследия: памятники и достопримечательные места.

Международной конвенцией об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 г. предусмотрено, что «нематериальное культурное наследие» означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и (в некоторых случаях) отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым проявлению уважения культурного разнообразия и творчеству человека. Каждое государство-участник составляет один или несколько перечней нематериального культурного наследия,

имеющегося на его территории. Конвенция вводит систему мер по охране нематериального культурного наследия. При ЮНЕСКО учреждается Межправительственный комитет по охране нематериального культурного наследия. В настоящее время возникает проблема реализации компетенции Межправительственного комитета в отношении нематериального культурного наследия, выраженного в цифровой форме.

ЮНЕСКО сформулировала две ключевые проблемы культуры в информационном обществе: охрана культурного разнообразия и охрана цифрового наследия.

Генеральной конференцией ЮНЕСКО 2 ноября 2001 г. принята Всеобщая декларация о культурном разнообразии. В ней рассматривается культурное разнообразие как общее достояние человечества. В Декларации отмечено, что защита культурного разнообразия является этическим императивом, она неотделима от уважения достоинства личности. Фактором, благоприятствующим культурному разнообразию, являются культурные права человека. Они определенным образом сформулированы в международных документах — в ст. 27 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. и в ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г.

Культурные права человека в полном объеме должны быть реализованы в цифровой среде. Уважение культурной самобытности, культурных традиций должно быть характерно для информационных материалов, помещаемых в цифровую среду. Кроме того, цифровая среда должна предоставлять возможности для культурного самовыражения.

Несмотря на создание ЮНЕСКО системы охраны культурного наследия, выработку решений проблемы культурного разнообразия, в рамках Женевского этапа Всемирного саммита по информационному обществу, проходившего 10–12 декабря 2003 г., был проведен круглый стол 2 «Разнообразие в киберпространстве», посвященный неоднозначному решению проблемы разнообразия контента. Было отмечено, что частный сектор сам по себе не может добиться разнообразия контента. В связи с этим подчеркивалась роль университетов и неправительственных организаций для обеспечения культурного разнообразия. В качестве предпосылки разнообразия определена свобода слова. Ряд выступающих подвергли критике концентрацию СМИ в глобальном масштабе. Для обеспечения демократии и диверсификации контента следует не допускать того, чтобы крупные медиаконцерны контролировали доступ к информации.

Электронная информация может стать культурным и историческим достоянием человечества. В Хар-

тии о сохранении цифрового наследия, принятой на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 15 октября 2003 г., цифровое наследие рассматривается как общее наследие человечества. Оно охватывает ресурсы в области культуры, образования, науки и управления, а также информацию технического, правового, медицинского и другого характера, созданную в цифровом виде или переведенную в цифровую форму из существующих аналоговых ресурсов. К цифровому наследию относятся не все электронные информационные ресурсы. Необходимыми чертами цифрового наследия являются ценность и значимость для человечества.

В Хартии определены риски утраты цифрового наследия, связанные со старением техники и программного обеспечения, необходимого для доступа к цифровым материалам, с неясностью в отношении ответственности и способов технического обслуживания и обеспечения их сохранности, а также с отсутствием соответствующих норм.

Компетенция ЮНЕСКО позволяет использовать институциональный механизм ЮНЕСКО для охраны культурного разнообразия и цифрового наследия. В условиях развития информационно-коммуникационных систем институциональный механизм ЮНЕСКО сохраняет свою эффективность.

Концептуальная записка 5 в докладе «Наша общая повестка дня», подготовленная Генеральным секретарем ООН в мае 2023 г., содержит раздел «Глобальное цифровое достояние». Для обеспечения Глобального цифрового достояния предлагается решить следующие задачи:

- 1) разработка цифровых технологий и управление ими таким образом, чтобы обеспечивать устойчивое развитие, расширять возможности людей, предвидеть появление риска и вреда и эффективно их устранять;
- 2) обеспечение того, чтобы цифровое сотрудничество было инклюзивным и позволяло всем заинтересованным сторонам вносить значимый вклад;
- 3) осуществление регулярного и последовательного обмена по различным вопросам в целях содействия извлечению уроков и обобщению передовых наработок, управленческим инновациям и формированию потенциала.

Фундаментом сотрудничества являются Устав ООН, Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и рамки, задаваемые общепризнанными правами человека и нормами международного гуманитарного права.

Глобальное цифровое достояние не может быть создано без опоры на имеющееся материальное и нематериальное культурное наследие. Недостатком Глобального цифрового договора является то, что

он создает альтернативный механизм формирования цифрового достояния человечества, а не имплементирует систему охраны культурного наследия, созданную в рамках ЮНЕСКО, и не учитывает достаточность компетенции ЮНЕСКО в области культуры.

Всемирный саммит по информационному обществу «Электронное здравоохранение» рассмотрел направление С7 «Применение ИКТ: преимущества во всех аспектах жизни». Он предусмотрел следующие меры:

- 1) поощрение совместных усилий международных организаций, правительств, работников здравоохранения и других учреждений по созданию надежной, своевременной, высококачественной и доступной по цене медицинской помощи и информационных систем здравоохранения, а также по содействию непрерывному медицинскому обучению, просвещению и научным исследованиям с использованием ИКТ;
- 2) облегчение доступа к мировым медицинским знаниям и соответствующим местным информационным ресурсам для совершенствования научных исследований и профилактических программ в области общественного здравоохранения;
- 3) оповещение, мониторинг и контроль за распространением инфекционных заболеваний посредством совершенствования общих информационных систем;
- 4) содействие разработке международных стандартов обмена медицинскими данными с должным учетом соображений конфиденциальности;
- 5) поощрение внедрения ИКТ для распространения медицинской помощи и информационных систем здравоохранения на отдаленные и недостаточно обслуживаемые районы и уязвимые группы населения;
- 6) поддержка инициатив по оказанию медицинской и гуманитарной помощи при стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях.

В рамках Всемирного саммита «Искусственный интеллект во благо человечества» была создана оперативная группа МСЭ-Т «ИИ для здравоохранения». Ее создание не обострило международную институциональную конкуренцию, поскольку она сформирована совместно со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Группа представляет собой открытую платформу, в которой могут участвовать все заинтересованные стороны, относящиеся к разным областям деятельности. В ее состав входят представители органов, которых интересует стандартная структура эталонного тестирования.

Группа МСЭ-Т оказывает содействие ВОЗ в разработке технических решений по применению информационно-коммуникационных систем в медицине. Тем самым два специализированных учреждения ООН взаимодействуют в рамках своей компетенции.

Однако такое взаимодействие было бы возможно и вне рамок Всемирного саммита «Искусственный интеллект во благо человечества».

Попытку преодолеть международную институциональную конкуренцию мы видим в деятельности ООН. В рамках ООН 21 сентября 2020 г. принята Декларация о праздновании семьдесят пятой годовщины Организации Объединенных Наций (A/RES/75/1), в которой содержится обязательство по улучшению цифрового сотрудничества. ООН предоставила платформу для участия всех заинтересованных сторон в обсуждении проблем цифровой трансформации.

Согласно упомянутой выше Концептуальной записке 5, именуемой «Глобальный цифровой договор: открытое, свободное и защищенное цифровое будущее для всех», в Глобальном цифровом договоре предполагается сформулировать общее видение открытого, свободного и защищенного цифрового будущего, в котором во главу угла поставлены люди и которое зиждется на целях и принципах Устава Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека и Повестки дня на период до 2030 г. Категория «общего видения» не является правовой категорией и относится к сфере идеологии. Представляется, что должны быть определены принципы и правила, которыми государствам и негосударственным акторам следует руководствоваться при построении глобального информационного общества, основанного как на «традиционных» ИКТ, так и на информационно-коммуникационных системах.

Также предполагается, что предназначение Договора будет состоять в развитии многостороннего сотрудничества для претворения этого видения в жизнь. Он должен создать глобальный рамочный механизм, позволяющий поддерживать диалог и кооперирование между региональными, национальными, отраслевыми и экспертными организациями и платформами. В связи с этим возникает вопрос: как включить уже принятые международными организациями меры и реализуемые ими проекты в области информационно-коммуникационных систем в глобальный рамочный механизм и обеспечить единство международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем?

Ранее в рамках ООН был создан специальный орган — Группа ООН по информационному обществу (ЮНГИС). В сферу деятельности ЮНГИС входят:

1) внесение вклада в имплементацию Женевского плана действий и Тунисской программы для информационного общества, в первую очередь на международном уровне, путем проведения их в жизнь в деятельности и программах членов СЕВ (Главного исполнительного совета);

2) создание механизма сотрудничества между организациями системы ООН для концентрации усилий, избежания дублирования и достижения эффективности в осуществлении целей Всемирного саммита по информационному обществу;

3) обеспечение публичного доступа к информации о процессе имплементации документов Всемирного саммита по информационному обществу в рамках системы ООН.

В рамках своей деятельности ЮНГИС готовит информацию для СЕВ, касающуюся актуальных вопросов построения информационного общества (например, кибербезопасности), помогает СЕВ в определении ключевых вопросов, относящихся к деятельности ООН в сфере использования ИКТ. Представляется, что одновременно с принятием Глобального цифрового договора необходимо пересмотреть компетенции ЮНГИС, чтобы эта группа стала не только координирующим органом для Всемирного саммита по информационному обществу, но и организаций системы ООН, а также международных конференций, рассматривающих вопросы, связанные с ИКТ и информационно-коммуникационными системами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем может развиваться в следующих направлениях:

1) формирование специальных принципов международного права, регулирующих сферу информации в целом и использование информационно-коммуникационных систем в частности;

2) адаптация существующих международных договоров, учитывающих развитие ИКТ, к потребностям развития информационно-коммуникационных систем;

3) развитие *lex electronica* в направлении формирования технических стандартов, регулирования интеллектуальной собственности при использовании информационно-коммуникационных систем, разрешения споров онлайн, электронных финансовых инструментов, использования информационно-коммуникационных систем в интересах всего человечества с учетом различных аспектов такого использования.

Системность международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем обеспечивается преодолением международной институциональной конкуренции путем создания единого координационного механизма для деятельности международных организаций и конференций. В рамках ООН такой механизм может быть создан посредством

пересмотра компетенции ЮНГИС либо создания единого координационного органа для реализации Глобального цифрового договора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wolff M.A. Missouri's Information-Based Discretionary Sentencing System // Symposium: Blakely and the States. Ohio State Journal of Criminal Law. 2006. Vol. 4. Iss. 1. P. 95–120.
2. van der Vinne J.A. Sentencing Information System Named NOSTRA // International Journal of Law and Information Technology. 1998. Vol. 6. Iss. 2. P. 230–234.
3. Artificial Intelligence and International Economic Law: Disruption, Regulation, and Reconfiguration / Ed. by Peng Shin-Yi, Lin Ching-Fu, Streinz Thomas. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 320 p.
4. Chesterman S. We, the Robots? Regulating Artificial Intelligence and the Limits of the Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 300 p.
5. Kovac M. Judgement-Proof Robots and Artificial Intelligence a Comparative Law and Economics Approach. London: Springer/Palgrave Macmillan, 2020. 153 p.
6. Rebe N. Artificial Intelligence: Robot Law, Policy and Ethics. Leiden: Brill — Nijhoff, 2021. 252 p.
7. Compagnucci M.C. Big Data, Databases and "Ownership" Rights in the Cloud. London: Springer, 2020. 308 p.
8. Big Data in Context Legal, Social and Technological Insights / ed. by Thomas Hoeren, Barbara Kolany. London: Springer, 2018. 120 p.
9. Burri M. Big Data and Global Trade Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 376 p.
10. Okediji R.L. WIPO-WTO Relations and the Future of Global Intellectual Property Norms. Netherlands Yearbook of International Law. 2008. Vol. 39. P. 69–125.
11. Кудрова Н.А., Грозовская Е.В. Международная конкуренция как одно из основных преимуществ глобализации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 2-1 (72). С. 113–116.
12. Любимов А.П., Капков А.Ю., Черный В.В. Международная конкуренция без правил в многополюсном мире // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2022. № 1 (16). С. 85–95.
13. Парфенова Л.Б. Международная конкуренция в условиях глобальных вызовов // Финансовая экономика и современное государство: сб. научных трудов. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2016. С. 16–26.
14. Салжанов И.Т. Международная конкуренция, современные черты конкуренции на мировом рынке и тенденции ее развития на современном этапе // Российское предпринимательство. 2009. № 7-2. С. 9–15.
15. Шенфилд М. Международная конкуренция как фактор развития национальных рынков // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. 2013. № 2. С. 209–212.
16. Ефремов Н.А. Международная рыночная конкуренция как фактор повышения конкурентоспособности российской экономики: дисс. ... к.э.н. Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2005. 154 с.
17. Козлов В.К., Рудковский И.Ф., Царева Е.С. Международная конкуренция на товарных рынках. СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. 195 с.
18. Герасименко Н.В. Международная налоговая конкуренция: правовой аспект // Современная конкуренция. 2007. № 3 (3). С. 108–117.
19. Жаворонкова М.С., Шеверновский С.В. Международная налоговая конкуренция за право привлекать капиталы // Калужский экономический вестник. 2020. № 1. С. 14–17.
20. Киреева Е.Ф. Международная налоговая конкуренция — явление в современном мире // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Юбилейный сборник. Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2013. С. 151–158.
21. Левашенко А. Международная налоговая конкуренция — фактор развития инновационной деятельности // Экономико-политическая ситуация в России. 2011. № 1. С. 67–73.
22. Погорлецкий А.И. Международная налоговая конкуренция на современном этапе развития мировой экономики // Проблемы экономики. 2011. № 2. С. 3–9.
23. Биндер А.И., Кононов А.Ю. Международная валютная конкуренция: перспективы юаня // Азия и Африка сегодня. 2013. № 12 (677). С. 15–22.
24. Кузнецова В.А. Международная спортивная конкуренция ведущих стран мира // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 2843–2849.
25. Согоян С.А. Международная спортивная конкуренция ведущих стран мира // Архонт. 2021. № 1 (22). С. 114–117.
26. Безруков А., Мамонов М., Сучков М., Сушенцов А. Международная конкуренция и лидерство в цифровой среде. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021. 28 с.

REFERENCES

1. Wolff M.A. Missouri's Information-Based Discretionary Sentencing System // Symposium: Blakely and the States. Ohio State Journal of Criminal Law. 2006. Vol. 4. Iss. 1. P. 95–120.

2. van der Vinne J.A. Sentencing Information System Named NOSTRA // International Journal of Law and Information Technology. 1998. Vol. 6. Iss. 2. P. 230–234.
3. Artificial Intelligence and International Economic Law: Disruption, Regulation, and Reconfiguration / Ed. by Peng Shin-Yi, Lin Ching-Fu, Streinz Thomas. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 320 p.
4. Chesterman S. We, the Robots? Regulating Artificial Intelligence and the Limits of the Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 300 p.
5. Kovac M. Judgement-Proof Robots and Artificial Intelligence A Comparative Law and Economics Approach. London: Springer/Palgrave Macmillan, 2020. 153 p.
6. Rebe N. Artificial Intelligence: Robot Law, Policy and Ethics. Leiden: Brill — Nijhoff, 2021. 252 p.
7. Compagnucci M.C. Big Data, Databases and “Ownership” Rights in the Cloud. London: Springer, 2020. 308 p.
8. Big Data in Context Legal, Social and Technological Insights / Ed. by Thomas Hoeren, Barbara Kolany. London: Springer, 2018. 120 p.
9. Burri M. Big Data and Global Trade Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 376 p.
10. Okediji R.L. WIPO–WTO Relations and the Future of Global Intellectual Property Norms. Netherlands Yearbook of International Law. 2008. Vol. 39. P. 69–125.
11. Kudrova N.A., Grozovskaya E.V. Mezdynarodnaya konkurensia kak odno iz osnovnykh preimychestv globalizatsii // Ekonomika i Biznes: teoria i praktika. 2021. No 2-1 (72). S. 113–116.
12. Lubimov A. P., Kapkov A. Y., Chernyi V. V. Mezdynarodnaya konkurensia bez pravil v mnogopolusnom mire // Vesnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Mezdynarodnoye pravo. 2022. No 1 (16). S. 85–95.
13. Parfenova L.B. Mezdynarodnaya konkurensia v usloviyah globalnykh vyzovov // Finansovaya ekonomika i sovremennoye gosudarstvo: sb. nauchnykh trudov. Yaroslavl: Yaroslavskiy gosudarstvenniy universitet im. P.G. Demidova, 2016. S. 16–26.
14. Salzanov I.T. Mezdynarodnaya konkurensia, sonremennyye sherty konkurensii na mirovom rynke i tendentsii ee razvitiya na sovremennoy etape // Rossiyskoye predprinimatelstvo. 2009. No 7-2. S. 9–15.
15. Shenfild M. Mezdynarodnaya konkurensia kak factor razvitiya nacionalnykh rynkov // Strategiya predpriyatiya v kontekste povysheniya ego konkurentosposobnosti. 2013. No 2. S. 209–212.
16. Efremov N.A. Mezdynarodnaya rynochyaya konkurensia kak factor povysheniya konkurentosposobnosti rossiyskoy ekonomiki: diss. ... c.e.n. Tsheboksary: Tsuvaskiy gosudarstvenniy universitet im. I.N. Ulyanova. 2005. 154 c.
17. Kovlov V.K., Rudkovskiy I.F., Tsareva E.S. Mezdynarodnaya konkurensia na tovarnykh rynkakh. SPb: St-Peterburgskiy gosudarstvenniy ekonimicheskiy universitet, 2019. 195 c.
18. Gerasimenko N.V. Mezdynarodnaya nalogovaya konkurensia: pravovoy aspekt // Sovremennaya konkurensia. 2007. No 3 (3). S. 108–117.
19. Zavoronkova M.S., Shevernovskiy M.S. Mezdynarodnaya nalogovaya konkurensia za pravo privilecat capytaly // Kaluzhskiy ekonomicheskii vestnik. 2020. No 1. S. 14–17.
20. Kireeva E.F. Mezdynarodnaya nalogovaya konkurensia — yavleniye v sovremennoy mire // Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonimicheskogo universiteta. Yubileyniy sbornik. Minsk: Belorusskiy gosudarstvenniy ekonimicheskiy universitet, 2013. S. 151–158.
21. Levashenko A. Mezdynarodnaya nalogovaya konkurensia — factor razvitiya innovatsionnoy deyatel'nosti // Ekonomiko-politicheskaya situatsiya v Rossii. No 1. S. 67–73.
22. Pogorletskiy A.I. Mezdynarodnaya nalogovaya konkurensia na sonremennom etape razvitiya mirovoy ekonomiki // Problemy ekonomiki. 2011. No 2. S. 3–9.
23. Binder A.I., Kononov A.U. Mezdynarodnaya valutnaya konkurensia: perspektivy uanya // Azia i Africa segodnya. 2013. No 12 (677). S. 15–22.
24. Kuznetsova V.A. Mezdynarodnaya sportivnaya konkurensia vedushih stran mira // Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye. 2020. No 23. S. 2843–2849.
25. Sogoyan S.A. Mezdynarodnaya sportivnaya konkurensia vedushih stran mira // Arhont. 2021. No 1 (22). S. 114–117.
26. Bezrukov A., Mamonov M., Sythkov M., Sushentsov A. Mezdynarodnaya konkurensia i liderstvo v tsyvrovoy srede. M.: Fond razvitiya i podderzky Mezdynarodnogo discussionnogo kluba “Valday”, 2021. 28 s.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРС СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

FUNCTIONAL RESOURCE OF NETWORK COMMUNICATIONS AND PUBLIC-GOVERNMENT INTERACTION

Елена Васильевна ПЕРЕПЕЛИЦА

Белорусский государственный университет, факультет журналистики, Минск, Республика Беларусь, elenaperepelitsa@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-8017-6556

Информация об авторе

Е.В. Перепелица — доцент кафедры медиалогии факультета журналистики Белорусского государственного университета, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам НИУ ВШЭ, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Взаимодействие в прокси-режиме дает массу неочевидных преимуществ и практических улучшений. Общество информационно-цифровых коммуникаций переживает решительные перемены. Однако прогресс взаимоотношений между людьми не достигается технологическими способами, как полагали и декларировали техноутописты. Изобилие онлайн-платформ не обращает оппонентов в единомышленников и автоматически не снимает разногласия. Под действием прорывных технологий возможны преобразования и падения. Коммуникационные средства не вдохнули новые жизненные силы в демократию, их ресурс позволяет имитировать бурную гражданскую активность и принимать нужные, заведомо согласованные решения, минуя какую-либо общественную верификацию. Опыт различных государств, в том числе технологически преуспевающих, показывает, что делиберативное участие граждан в публичном дискурсе — желаемое состояние и одновременно задача огромной степени сложности, окончательных способов решения которой пока нет.

Сетевые коммуникации используются, как правило, монофункционально, а именно для передачи информации от государства — обществу, отчасти поэтому

- высокая технологическая оснащенность управленческих
- структур принципиально не меняет степени участия
- граждан в разработке юридически значимых решений.
- Посчитав смысл коммуникации окончательно раскры-
- тым и равным передаче-получению информации, мы не
- даем себе труда расширить рамки анализа онлайн-вза-
- имодействия. Тем не менее интеракции с участием лю-
- дей настраиваются по более тонкому и чувствительному
- камертону, нежели (пере)направление контента между
- высокотехнологическими устройствами. В этой связи
- предлагается посмотреть немного иначе на правовую
- сущность сетевых коммуникаций — не так, как это
- принято в информационном праве. Функциональный
- ресурс сетевых коммуникаций может служить обеспе-
- чению доступности процесса разработки и принятия
- юридически значимых решений, демократизации юри-
- дических процедур, созданию действенных механизмов
- обратной связи и контроля. Утверждается, что глубокое
- знание природы социального взаимодействия позволит
- употреблять функционал технологических инноваций
- в созидательном ключе и выстраивать релевантную мо-
- дель правового регулирования удаленных обществен-
- но-государственных интеракций.

- **Ключевые слова:** техноутопия, коммуникативное взаи-
- модействие, онлайн-платформы, публичное управле-
- ние, делиберативная демократия, гражданская актив-
- ность, электронное правительство, автоматизированные
- алгоритмы, доступ к информации, электронное участие,
- теория информации

- **Для цитирования:** Перепелица Е.В. Функциональный
- ресурс сетевых коммуникаций и общественно-государ-
- ственное взаимодействие // Труды по интеллектуаль-
- ной собственности (Works on Intellectual Property). 2024.
- Т. 50, № 3. С. 20–29; DOI: 10.17323/tis.2024.22295

Elena V. PEREPELTSIA

Belarusian State University, Faculty of Journalism, Minsk,
Republic of Belarus,
elenaperepelitsa@rambler.ru,
ORCID: 0000-0001-8017-6556

Information about the author

E.V. Perepelitsa — Associate Professor of the Department of Medialogy, Faculty of Journalism, Belarusian State University, Associate Fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the National Research University Higher School of Economics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Abstract. This article deals with the unclaimed potential of network communications. The next stage of technological evolution, the onset of which was associated with optimistic expectations, is associated with the deepest disappointments. It turned out that the widespread distribution of software platforms not only does not save people from discord and mutual misunderstanding, but sometimes brings even greater division, fencing off groups, communities and entire social institutions from each other. Unfortunately, the friendly march of revolutionary technologies did not lead to the flourishing and rebirth of democracy. Degradation, regression of traditional forms of managing the affairs of the state and society and the indifference of public authorities to the lives of ordinary people are not unique properties of any particular legal order, but are observed in jurisdictions with different levels of technological equipment.

The experience of successful development of the potential of network communications by the Republic of Belarus is presented, as well as examples of those locations in which new dividends are expected from modern technological developments. An attempt is made to answer the question under what circumstances the functional resource of network technologies can be more thoroughly involved in the interactions of the state and society, the coordination of conflicting interests of communicating actors.

The work is based on general scientific and local legal methods, as well as axiological, institutional, resource and other interdisciplinary approaches and attitudes. Attention is drawn to the fact that the stereotypical representation of communication as a process of mechanical transmission and receipt of information reduces social interaction and reduces it to an elementary scheme of data transmission. The point of view is defended that changing the approach to communication will help to better cope with the task of organizing a public-state tandem and strengthen the level of trust in the authorities. It is emphasized that a critical condition for the representative participation of citizens in management processes is the presence of a set of feedback

- mechanisms and inclusive institutions that allow ordinary
- people to be present in public discourse.
-
- **Keywords:** techno-utopia, communicative interaction, online
- platforms, public administration, deliberative democracy, civic engagement, electronic government, automated
- algorithms, access to information, electronic participation, information theory
-
- **For citation:** *Perepelitsa E.V. Functional resource of Network*
- *Communications and Public-government interaction // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 20–29; DOI: 10.17323/tis.2024.22295*

Начало информационной эпохи ознаменовалось смелыми предчувствиями и громкими пророчествами. Апологеты линейного подхода к прогрессу рассчитывали, что технические новшества приблизят тот момент, когда люди начнут лучше понимать друг друга. Выдвигались гипотезы об электронном пространстве как ареале распространения демократических ценностей. Многие обольстились ожиданием технократического рая и наукообразными теориями о полетах в безбарьерном мире «на крыльях свободы» [1, с. 222]. Ожидалось, что высокотехнологические средства нормализуют и гармонизируют отношения государства и общества, помогут справиться с социальными кризисами, преодолевать конфликты и разобщения там, где это необходимо.

Как мы знаем теперь, прорывные технологии позволяют переустраивать производство и быт, оптимизировать рабочие процессы. Благодаря тотальным коммуникациям создается электронный рынок, расцветает экономика, реализуются коммерчески успешные проекты. Едва ли нужно кого-то убеждать в выгодах происходящих перемен, но, увы, время рассудило иначе: большинство надежд не сбылось. Действительность далека от нарисованного идеала. Практическую проверку прошла малая толика романтизированных представлений, которые были встречены с энтузиазмом и приняты «на веру». Отчасти идеи «просвещенных технократов» оказались преждевременными и наивными, отчасти — ошибочными и фантазийными. Среди прочего иллюзорностью отличаются пресловутые планы по вступлению демократии в очередную, высокотехнологическую фазу развития. Налицо образцы отрицательной корреляции между количеством оцифрованных платформ и качественным состоянием демократии [2, с. 100–121].

Вывод напрашивается сам собой: компьютерные сети не смогли чудесным образом переустроить иерархию общества, защитить от взаимного дистанцирования группы, коллективы, социальные институты. В противном случае наступили бы всеобщее согласие и гармония, каких не знала аналоговая эпоха. Как ни досадно, в наше время все более мощных технологий и «обвальных потоков информации» [3, с. 77] число тех, кто замкнут в своем собственном мире и кому не

чего сказать другим, не уменьшается, а растет. «Пространство коммуникаций в постмодернистскую “киберэпоху” превращается в пространство симуляций» [4, с. 199].

В проводимых исследованиях получены данные о сокращении непосредственных контактов между людьми при росте числа роботов [5, с. 27]. Есть немало примеров того, что авангардные технологии не столько служат способом устранения преград между людьми, сколько способствуют «созданию, если не приумножению, конфликтов различных смысловых картин мира» [6, с. 15]. Умение договариваться и идти на взаимовыгодные уступки — непозволительная роскошь для техносоциального, интересубъективного общества.

Среди акторов, которых не оградили от взаимной изоляции узлы и линии связи, «агрегированные субъекты — общность, народ, страна, общество, государство и т.п.» [7, с. 21]. Избыток сетевых коммуникаций сам по себе мало препятствует бюрократизации государственного аппарата, «возникновению единой элиты, необычайно далекой от нужд простых людей» [8, с. 8]. Властные структуры, оснащенные современными коммуникативными средствами, заинтересованы прежде всего в алгоритмизации выполняемых ими рутинных функций. Не приходится говорить о служении обществу в ситуации вычислительной поддержки задач, осуществляемых органами управления, когда участие граждан в разработке общеобязательных правил поведения остается символическим. В ряде случаев привлекательный цифровой фасад нисколько не мешает управленческим структурам сохранять замкнутость на самих себе, когда «простые люди выступают в качестве пассивных респондентов при проведении опросов общественного мнения [8, с. 22]». Продвинутые технологии незначительно меняют монологический режим разработки законодательских решений и как будто поддерживают данный паттерн. В свою очередь, социум, которому отведена маргинальная и бездеятельная роль «общества потребления» [9, с. 175], делается неспособным критически оценивать информацию, перерабатывать ее и принимать взвешенные самостоятельные решения. «Стремительное умножение количества коммуника-

ционных актов происходит за счет выхолащивания их содержания и смыслов, сетевая коммуникация все более сводится к самопрезентации и эмоциональным всплескам, которые выступают инструментами демонстрации своей позиции по какому-либо вопросу, независимо от того, является ли он вопросом политических решений или права трансгендеров» [10, с. 57].

В разных юрисдикциях блага киберсвободы так или иначе «оплачиваются» утечкой персональных данных, всепоглощающим мониторингом действий людей, а подчас и их взглядов (в случае профайлинга). При этом ужесточение контроля над приватным пространством часто вызвано «не какой-то особой злонамеренностью государства, а все более обостряющимся информационным противостоянием на международной арене» [11, с. 117]. В то же время нейтральные технологические системы прекрасно приспосабливаются к выполнению неблагородных целей — таких, например, как «взламывание человека на самом глубинном, ценностном уровне» [12, с. 429].

Получается, сетевые коммуникации и рутинные практики онлайн-взаимодействия не столько освобождают нас от старых проблем, сколько создают питательную среду для новых — и работают вхолостую. Значит ли это, что мы приближаемся к технократическому аду? Что нынешние формы социальной интеракции не годятся ни на что, кроме транслирования данных? Что такие формы угнетающе действуют на диалог между государством и обществом и что они дискредитированы?

Положительный опыт применения функционального ресурса сетевых коммуникаций, когда они все же служат объединяющим началом, убеждает в совершенно обратном. И вместо того, чтобы «погружаться в расколы и вражду, искусно разжигаемую Левиафаном» [12, с. 393], надо действовать конструктивно и стремиться искать прорывные решения. Конечно, такое стремление всегда будет омрачено присутствием в коммуникационных актах элементов противоречивости и непредсказуемости. В довершение заметим, что «в технауче успех опаснее неудачи, ибо может включать непредвидимые нежелательные последствия, в том числе — отложенные во времени» [13, с. 63].

Готовность к открытому диалогу и заинтересованному обмену мнениями — труднодостижимое состояние, в том числе для тех, кто «живет в мире преимущественно цифровых по форме информации и знаний» [14, с. 24]. Возможно, причина недостаточной востребованности положительного ресурса новых технологий кроется в неумелом использовании этого достояния цивилизации, и нынешнее поколение все еще не освоило, казалось бы, простое искус-

ство коммуникации и нахождения общего языка. Думается, что из *сетевого взаимодействия будет извлечена большая польза, если будут освежены подходы к нему, подвергнуты ревизии наличные регуляторные решения и предприняты попытки иной организации онлайн-коммуникаций*. Цепочка обозначенных вопросов требует развернутого обсуждения. Здесь уместно такое суждение: «Остановить развитие технологий не получится — или получится лишь на ограниченное время. Другое дело — направить его совсем по-другому руслу. На это потребуются приложить усилия не только отдельным людям, но и сообществам, народам и всему человечеству» [12, с. 436].

Последствия массовой сетевизации следует измерять очень индивидуально. Культурные, ментальные и исторические факторы вносят качественное своеобразие в то, как именно разные юрисдикции распоряжаются потенциалом схожих ресурсов и технических средств связи. Воспользуемся примерами, чтобы быть конкретными.

Каждый национальный правопорядок реализует свою повестку в рамках общепризнанных стандартов электронного правительства. Если говорить о Республике Беларусь, то начиная с 1990-х годов в ней прослеживается активная интеграция информационно-коммуникационных технологий в различные отрасли экономики. Отмечается положительная динамика использования цифровых решений в государственном управлении. В последнее десятилетие в самых разных областях жизнедеятельности происходит переход к электронному обмену информацией и электронному документообороту. В порядке реализации ст. 34 Конституции Республики Беларусь формируются превентивные условия доступа граждан к полной, достоверной и своевременной информации. Ключевую роль в обеспечении такого доступа для всех заинтересованных лиц играют государственные информационно-правовые ресурсы. Единый портал электронных услуг «Е-Паслуга» (e-pasluga) предлагает «простой и эффективный способ получения государственных услуг и административных процедур в электронном виде» [15]. На доступ к государственному контенту работает Национальный центр электронных услуг [16]. Автоматизированные алгоритмы обработки данных органично вписываются в имидж государственных органов (организаций). В республике используется система электронных обращений, дающая положительный кумулятивный эффект. Она обеспечивает оперативное реагирование публичных органов власти на повседневные нужды граждан. Сегодня ставка сделана на искусственный интеллект, крупные дивиденды ожидаются от интеграции «умных» технологий в нормотворчество.

Успехи Республики Беларусь на поприще информатизации иллюстрируются международными рейтингами. В Докладе ООН о человеческом развитии 2023-2024 гг. сообщается, что республика находится на 69-м месте среди 193 стран и отнесена к группе юрисдикций с очень высоким уровнем человеческого развития [17]. Эмпирические данные подтверждают позитивную роль цифровых сервисов при предоставлении электронных услуг в областях недвижимости, страхования, образования, торговли, медицины, транспорта и других. Согласно исследованиям ООН «Электронное правительство 2022», Республика Беларусь входит в число стран с очень высокими уровнями ТП (телекоммуникационная инфраструктура) и НСИ (человеческий потенциал) [18]. В рейтинге ЦУР (цели устойчивого развития) она занимает 24-ю позицию (из 165 государств) [19]. В то же время рейтинговое положение на мировом уровне прямо указывает на внутреннюю рассогласованность достигнутых показателей электронного участия (ЕРІ). Общий показатель электронного участия составляет 0,5318 [18]. Напомню, что это трехэлементный индекс, который объединяет в себе электронное информирование, электронное консультирование, электронное принятие решений. Если первые две номинации отражают степень осведомленности широкой публики о юридически значимой информации, то третья — электронное участие — ориентирована на выстраивание диалектической связи публичной власти и общественности.

По данным 2022 г., электронное информирование и электронное консультирование составили для Республики Беларусь 0,6364 и 0,1429 [18]. В части электронного принятия решений показатель довольно умеренный — 0,05, что соответствует показателям Анголы, Багамских островов, Бахрейна, Эфиопии, Фиджи, Гватемалы, Гайаны, Гондураса, Лаосской Народно-Демократической Республики, Мавритании и ряду других стран.

Высокий и очень высокий уровень «электронного принятия решений» служат своеобразной лакмусовой бумажкой приобщения граждан к процессам разработки и принятия значимых управленческих решений. Критическим условием репрезентативного уровня электронного участия является наличие комплекса механизмов обратной общественно-государственной связи, инклюзивных институтов, позволяющих рядовым гражданам присутствовать в публичном дискурсе. В Республике Беларусь применяется публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов с участием общественности, что лишний раз показывает заинтересованность государства в диалоге с ней. Пример конструктивного разрешения

сложных вопросов при совместном участии общественных и государственных акторов подает Всебелорусское народное собрание [20]. Тем не менее наличные способы общественно-государственной связи не обязательно демонстрируют искомые качества, и для сокращения дистанции, существующей между публичной властью и гражданами, нужны дополнительные правовые механизмы.

Таким образом, налицо разрыв между возможностями сетевых коммуникаций и применением их функционала на практике. Очень немногим юрисдикциям удалось добиться сорешающего участия граждан в публичном дискурсе. Гарантированный доступ к надежной и проверенной информации, а также односторонний процесс ее передачи-получения — состояние, позволяющее расти. Сетевые линии, каналы связи, мессенджеры способны «обогащать» легитимные способы вовлечения граждан в повестку, когда «доступнее становится механизм принятия политико-правовых решений» [21, с. 128]. Благодаря новым технологическим способам социального взаимодействия происходит «перерастание права на информацию в свободу коммуникации» [22, с. 152]; правда, в юридической доктрине и практике большинства стран эти опции не различаются [23].

Возвращаясь к Республике Беларусь, подчеркну, что достигнутый ею уровень электронного принятия решений объясним эксклюзивным характером привлечения общественности к публичному дискурсу. Сказанное подтверждается результатами отраслевых исследований [24, с. 149]. Также в Беларуси не востребованы местные референдумы, хотя такая форма привлечения граждан к управлению делами общества и государства нормативно предоставлена [25]. Дефицит общественно-государственных интеракций также вызван причинами иного свойства. Безусловно, предпринимаются шаги, меняющие сформированное состояние в лучшую сторону. И все же перемены происходят не так быстро, и в сухом остатке присутствует невосребованный потенциал сетевых коммуникаций.

В данной связи важно разобраться, во-первых, в том, какой юридический смысл придается информационному взаимодействию; во-вторых, на каком теоретическом фундаменте зиждется правовая квалификация сетевых коммуникаций; в-третьих, как изменение способа видения коммуникации отзовется на сетевом общественно-государственном взаимодействии.

В правоведении, причем не только в белорусском, установилось согласие относительно того, что представляет собой (сетевая) коммуникация. Это конструкция, состоящая из четырех постоянных элементов: источника информации, передающего устройства,

оператора, приемника информации. Примерно так структура коммуникативного процесса репрезентирована в теории информации.

Причина безоговорочного принятия такого взгляда на коммуникацию объясняется ключевой ролью кибернетики в описании социального взаимодействия, «очаровывающим триумфом» [26, с. 144] соответствующего исследовательского направления и длительным пребыванием теории информации на переднем крае науки. Говоря об истории цифровой революции, Ч. Хунжуй обратил внимание на то, что «в последние 150 лет развитие глобальных информационных и телекоммуникационных технологий опиралось на теорию информации, кибернетику и теорию систем» [27, с. 13]. Помимо прочего здесь срабатывает так называемый эффект колеи, и кибернетические установки переносятся на социально-коммуникативные акты — иными словами: процессы с участием живых существ. В теперешнем технологическом мире такая экстраполяция воспринимается как нечто вполне естественное. Возникает соблазн мерить всякий вариант информационного взаимодействия в категориях доминирующей теории. Разумеется, это удобно, тем не менее при подобном подходе весьма проблематично укреплять общественно-государственное доверие и врачевать демократию.

Найдется не так много юристов, готовых признать то обстоятельство, что теория, безупречно описывающая механику передачи электронных сообщений и обмена ими, почти ничего новаторского не добавляет к постижению коммуникации с участием людей. Программные установки, относящиеся к техническим приемам обмена и распространения информации, оказали определяющее влияние на трактовки социального взаимодействия. Тем не менее технологически сложная процедура переноса информации от ее обладателей к пользователям (реципиентам) не имеет серьезной коммуникативной ценности.

В организации передачи информации гражданам, как и в организации коммуникации, государство придерживается одних и тех же принципов, однако картина взаимодействия с обществом, построенная по общим лекалам с однолинейными транзакциями, оказывается несколько усеченной. Стандартизируя образ коммуникации, можно не заметить, что «взаимодействие человека с человеком» [28, с. 79] и взаимодействие элементов сети — явления разного калибра. Живые участники взаимодействия, будь то индивидуумы, группы, сообщества, не равны «думающим» компьютерам, роботам-протезам и прочим искусственно созданным объектам. Когда между этими неэквивалентными акторами не делается никакой дифференциации, предаются забвению мотивы вступления людей

в коммуникацию. А это стремления, интересы, желания и потребности: в одних ситуациях — в поддержании тесной связи, решении конкретной задачи, в других — «в выживании, сотрудничестве с другими людьми» [7, с. 17]. Такие мотивы содержат мощный творческий импульс. Руководством к коммуникативному действию часто служит заинтересованность в контакте, общении, правовой защите, безопасности, самоактуализации и т.д. Непреложное свойство коммуникации — «зависимость транслируемого и воспринимаемого контента от намерений» [6, с. 11]. За палитрой интересов, намерений и потребностей стоят вполне конкретные индивидуумы и сообщества, а не обезличенные сущности. *Человеческий момент все больше стирается в сетевом взаимодействии.* Хотим мы того или нет, многое уже случилось: «Людей уже сейчас в экспериментах и исследованиях, проводимых частными соцсетями и онлайн-платформами, приравнивают, по сути, к биороботам, к киборгам» [12, с. 150].

Социальные интеракции подчинены принципу «систематических действий субъектов, направленных друг на друга и имеющих целью вызвать ответное ожидаемое поведение, которое предполагает возобновление действия» [7, с. 28], даже если такого рода трактовки отвергаются за ненужностью. Получается, что нетленные теории не решают все. Указанные обстоятельства — свидетельство того, что *авторитет известных концептов может довести над познавательным процессом, создавая труднопреодолимые препятствия поиску и обнаружению его новых и неизведанных путей.* Примеры такого давления встречаются в разных областях науки, когда устоявшаяся сумма знаний, связанная с хорошо известными именами, преподносится в качестве «хранящей в себе свет вечной истины» [29, с. 171]. Новые правовые механизмы, сконструированные в отрыве от намерений, которыми руководствуются взаимодействующие субъекты, не сближат носителей близких, а тем паче асимметричных, противоречивых и враждующих интересов. Причастность общественности к публичному дискурсу достигается посредством «развития коллегиальности, открытости и гласности в принятии правовых решений, демократизации юридических процедур, создания действенных и эффективных форм общественного контроля правоприменительной деятельности» [30, с. 64].

Сегодня внимание авторов профессиональной юридической литературы приковано к доменным именам, процедурным вопросам администрирования цифрового пространства интернета, распространению правовой информации. Редким исключением является вдумчивый разговор о характерных особенностях «субъектов информационного взаимодействия»

[31, с. 167], их интересах [32]. Фактически не поднимаются вопросы о тех стимулах, которые «управляют» людьми и общностями как коммуницирующими субъектами. Потребности таковых остаются при этом обезличенными и в лучшем случае недостаточно от-refлексированными.

Кто-то может категорически возразить, заявив, что коммуникативное поведение не входит в предметное поле (информационного) права и составляет исследовательский интерес неюридических дисциплин, например прикладной коммуникативистики [33, с. 3]. Побудительные мотивы, руководящие коммуникативными действиями человека, интересуют право гораздо меньше, чем технологические преимущества следующего поколения технологий. Право предпочитает иметь дело с прагматичными вещами и исчисляемыми понятиями. Тем не менее регуляторные решения, качество которых напрямую зависит от зрелых юридических подходов, не должны быть отвлеченными до такой степени, чтобы им были совершенно безразличны интересы и потребности людей. Правовое регулирование сетевого общественно-государственного взаимодействия будет более эффективным, если наше понимание коммуникации обретет новые смысловые точки опоры и будет предполагать не только передачу и распространения контента, но и «демонстрацию смыслов» [7, с. 56]. Корректному пониманию сетевой коммуникации может помочь привлечение положений и идей, разработанных Н.Н. Довнар, которая в одном из своих трудов назвала коммуникационное право одним из субинститутов (суботраслей) информационного права [34, с. 57].

Для изменения существующего положения дел нужно учесть, что организуемое по сетевым принципам социальное взаимодействие сначала зависит от включенности в него реальных акторов, их заинтересованного участия в диалоге, а уже затем — от технологических механизмов, всегда носящих обслуживающий и сопутствующий характер. В числе неотъемлемых условий интеракций — «способность к рациональной коммуникации, обмену мнениями» [35, с. 14]. Без учета когнитивных факторов бесперебойно работающие высокотехнологические устройства оказываются малосущественными или вовсе бесполезными. Подчеркну: мы не ищем глубинные изъяны в идеях, предложенных К. Шенноном, Н. Винером и всеми теми, кто сделал судьбоносные для будущей юридической науки открытия. Как таковая теория информации далеко не истожила в своих импульсах [36, с. 23–36]. Тем не менее применительно к цифровым контактам между людьми стоит немного уменьшить ее пафос и найти подход к социальной коммуникации в категориальной сетке, более релевантной языку (информацион-

ного) права, чем это имеет место в текущий момент. Как свидетельствуют многие научные исследования, «[в зависимости] от изменения направлений взглядов, точек зрения существенно меняется и объект анализа» [7, с. 52].

Кибернетический подход к коммуникации нашел объективизацию в отрасли связи, но и та признает непоглощаемость взаимодействия с участием людей чисто техническими аспектами, объясняя данное обстоятельство «обязательным присутствием в социальной коммуникации двух индивидов, каждый из которых — активный субъект» [37, с. 10]. Законы теории информации определяют коммуникацию в общих чертах, не отражая во всей полноте закономерности и специфику взаимодействия человека с человеком.

Есть удивительный парадокс в параллельном существовании вещей, которые порой практически не пересекаются. Это исторически беспрецедентные коммуникативные средства, которыми технологическая эволюция с таким избытком снабдила нынешнее поколение, с одной стороны, и «масса граждан, играющих пассивную, молчаливую, даже апатичную роль, которая откликается лишь на посылаемые им сигналы» [8, с. 19], с другой. Еще один парадокс — одновременное наличие гарантированного доступа к информации, в том числе юридически значимой, и отстраненность рядовых граждан от участия в управленческих процессах и минимально допустимой верификации управленческих решений. Складывается закономерность: с развитием и усовершенствованием технологических возможностей обычные люди не становятся соучастниками повестки. Изменение привычного угла зрения, с которым информационное право подходит к сетевой коммуникации, трактовка последней как процесса, устроенного более сложно, нежели передача-получение информации, помогут разрешению этих парадоксов. В случае изменения способа видения сетевой коммуникации останется надежда, что этот продукт технологической эволюции будет способствовать уравниванию не всегда совпадающих интересов государства и общества, укреплению толерантной основы их отношений и выстраиванию релевантной модели правового регулирования взаимодействия с их участием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скрипченко Д.В., Колесникова Е.И., Мейпин Я. Общественные коммуникации в эпоху цифровых диктатур // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. СПб.: Изд. СПб университета, 2020. С. 221–233.

2. Дейнеко А.Г. Трансформация основных публично-политических прав и свобод человека и гражданина в киберпространстве // Публичное право в киберпространстве (публично-правовое регулирование информационных отношений). М.: Проспект, 2023. 248 с.
3. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 67–108.
4. Информационные технологии и социальная динамика: два показательных случая // Технологии, меняющие мир = World-changing technologies: применение и эффекты в мире и на Востоке: коллективная монография / А.В. Акимов и др.; ред. кол.: А.В. Акимов, С.А. Панарин, Н.Н. Цветкова. СПб: Нестор-История, 2021. 451 с.
5. Мальченко Ф.Г. Этико-психологические аспекты коммуникации человека и робота // Горизонты гум. знания. 2018. № 5. С. 21–28.
6. Тульчинский Г.Л. Прагматика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. Вып. 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество»). СПб, 23–24 июня 2022 г.: сб. науч. ст. СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 9–23.
7. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
8. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: 2-е изд. М.: ИД ВШЭ, 2023. 192 с.
9. Никифоров А.Л. Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс // Коммуникативные основания научной рациональности / под ред. А.А. Аргаматовой, П.С. Куслия. М.; СПб: Центр гуманитар. инициатив, 2023. 270 с. С. 164–181.
10. Гаркуша В.Н. Цифровая цивилизация, цифровое мышление и цифровая культура // Информатика — Коммуникация — Общество (ИКО-2023): Труды XX Всероссийской науч. конф. с междунар. участием / СПб, 2–3 февраля 2023 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2023. С. 55–59.
11. Ивашковская Т.В., Павлов В.А. «Цифровой суверенитет» как информационная стратегия российского государства // Информатика — Коммуникация — Общество (ИКО-2023): Труды XX Всероссийской науч. конф. с междунар. участием / СПб, 2–3 февраля 2023 г. СПбГЭТУ, 2023. С. 116–120.
12. Шнуренко И. Человек взломанный. М.: Наше завтра, 2021. 456 с.
13. Фролова М.И. Проблемы этики технонауки в трудах Э. Агацци // Человек. 2016. № 5. С. 55–68.
14. Монахов В.Н. Право на свободу слова: из офлайн в онлайн // Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект / отв. ред. Э. В. Талапина. М.: Проспект, 2023. С. 17–50.
15. Единый портал электронных услуг. [Электронный документ]. — URL: <https://nces.by/o-nas/news/ereu/> (дата обращения: 12.04.2024).
16. Программный комплекс «Одно окно». [Электронный документ]. — URL: https://nces.by/service/services_oais/oo/ (дата обращения: 16.04.2024).
17. Доклад о человеческом развитии 2023–2024 гг. [Электронный документ]. — URL: <https://www.undp.org/ru/belarus> (дата обращения: 12.04.2024).
18. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Исследование ООН: Электронное правительство 2022. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2022. [Электронный документ]. — URL: <https://publicadministration.un.org/en/publicadministration.un.org/egovkb/en-us/publicadministration.un.org/egovkb/en-us/> (дата обращения: 11.04.2024).
19. Voluntary National Review 2022. [Электронный документ]. — URL: <https://hlpf.un.org/countries/belarus/voluntary-national-review-2022> (дата обращения: 12.04.2024).
20. О Всебелорусском народном собрании. [Электронный документ]: Закон Респ. Беларусь, 7 февр., 2023 г., № 248-З. Принят Палатой представителей 25 янв. 2023 г., одобрен Советом Республики 30 янв. 2023 г. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь, 09.02.2023, 2/2968.
21. Борисов И.Б. Конец цифровой эпохи политических процессов // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1 (19). С. 124–139.
22. Кудрявцев М.А. Свобода информации и проблемы обеспечения информационных прав личности // Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина. М.: ИГП РАН; Канон+РООИ «Реабилитация», 2018. С. 146–170.
23. Каспирович-Шумак А.А. Государственные информационно-правовые ресурсы как объект информационных правоотношений: теоретический аспект // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2023. № 2 (157). С. 87–93.
24. Шахрай И.С. Государственно-частное взаимодействие в контексте расширения диспозитивных способов регулирования отношений природопользования // Проблемы реализации объективного права природопользования. Минск: БГУ, 2022. 291 с. С. 138–151.
25. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь. [Электронный документ]: Закон Респ. Беларусь, 4 янв., 2010 г., № 108-З. Принят

- Палатой представителей 11 дек. 2009 г., одобрен Советом Респ. 17 дек., 2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2024.
26. Милославов А.С. «Цифровая революция» как пространство для историко-эпистемологического исследования: проблемы и перспективы // *Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2020. С. 139–153.*
 27. Хунжуй Ч. Киберпространство и суверенитет. Введение в законодательство о кибербезопасности: учеб. пособие / пер. с кит. Ван. Хунвэй, Ван Личжун, Ван Юе. М.; СПб: Нестор-История, 2020. 304 с.
 28. Винер Н. Кибернетика и общество: сб. статей / пер. с англ. В. Жернинова. М.: АСТ, 2019. 288 с.
 29. Дзялошинский И.М. От божественного откровения к коммуникационному универсуму: поиск адекватной модели изучения текста // *Гуманит. вектор. 2020. № 1. Т. 15. С. 163–175.*
 30. Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. Минск: Университетское, 1989. 135 с.
 31. Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // *Lex Russica. 2016. № 3(112). С. 164–182.*
 32. Черемисинова М.Е. Реализация законных интересов в сети Интернет // *Журнал российского права. 2018. № 9. С. 120–130.*
 33. Дзялошинский И.М. О новом подходе к проблемам коммуникации // *Медиа. Информация. Коммуникация. 2013. № 4. С. 1–22.*
 34. Довнар Н.Н. Правовое обеспечение информационной безопасности СМИ в условиях трансформации медиасистемы. Минск: БГУ, 2019, 236 с.
 35. Вайзер Т. Другой Хабермас? // *Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Ю. Хабермас; пер. с нем. Т. Атнашева. М.: Нов. лит. обозрение, 2023. 104 с. С. 13–20.*
 36. Батулин Ю.М. Метаморфозы информационного права // *Трансформация информационного права / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, В.Б. Наумов. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 256 с.*
 37. Техника коммуникации и основы командообразования: практикум для учащихся всех специальностей: в 2 ч. Ч. 1 / сост.: А.О. Григорьева, Л.Э. Ведерникова. Минск: Белорус. гос. академия связи, 2023. 112 с.
 - otv. red. L.V. Shipovalova, S.I. Dudnik. SPb.: Izd. SPb universiteta, 2020. S. 221–233.
 2. Deineko A.G. Transformatsiya osnovnikh publichno-politicheskikh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v kiberprostranstve // *Publichnoe pravo v kibeprostranstve (publichno-pravovoe regulirovanie informatsionnikh otnoshenii): monografiya. M.: Prospekt, 2023. 248 s.*
 3. Arshinov V.I., Budanov V.G. Kognitivnye osnovaniya sinergetiki // *Sinergeticheskaya paradigma. Nelineinoe mishlenie v nauke i iskusstven. M.: Progress-Traditsiya, 2002. S. 67–108.*
 4. Informatsionnie tekhnologii i sotsialnaya dinamika: dva pokazatelnykh sluchaya // *Tekhnologii, menyayushchie mir = World-changing technologies: primeneniye i effekty v mire i na Vostoke: [kollektivnaya monografiya] / A.V. Akimov i dr.; red. kol.: A.V. Akimov, S.A. Panarin, N.N. Tsvetkova. SPb: Nestor-Istoriya, 2021. 451 s.*
 5. Malchenova F.G. Etiko-psikhologicheskie aspekty komunikatsii cheloveka i robota // *Gorizonty gumanit. znaniya. 2018. No 5. S. 21–28.*
 6. Tulchinskii G.L. Pragmasemantika tsifrovikh kommunikatsii: smislovie kartiny mira, tsennostno-regulyativnye sistemy i otvetstvennost // *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede. Vip. 6 (Trudi XXV Mezhdunarodnoi obedineno nauchnoi konferentsii "Internet i sovremennoye obshchestvo"). SPb, 23-24 iyunya 2022 g.: Sb. nauchnikh statei. SPb.: Universitet ITMO, 2022. S. 9–23.*
 7. Olyanich A.V. Prezentatsionnaya teoriya diskursa: monografiya. M.: Gnozis, 2007. 407 s.
 8. Krauch K. Postdemokratiya / per. S angl. N.V. Edelmana; Natsionalnii issledovatel'skii universitet "Visshaya shkola ekonomiki": 2-e izd. M.: VSE, 2023. 192 s.
 9. Nikiforov A.L. Kakoe budushchee gotovit chelovechestvu nauchno-tekhnicheskii progress // *Kommunikativnye osnovaniya nauchnoi ratsionalnosti: monografiya / pod red. A.A. Argamakovo, P.S. Kusliya. M.; SPb: Tsentr gumanit. initsiativ, 2023. 270 s. S. 164–181.*
 10. Garkusha V.N. Tsifrovaya tsivilizatsiya, tsifrovoye mishlenie i tsifrovaya kultura // *Informatsiya — Kommunikatsiya — Obshchestvo (IKO-2023): Trudi XX Vserossiiskoi nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, SPb, 2-3 fevralya 2023 g. SPb: SPBGETU, 2023. S. 55–59.*
 11. Ivashkovskaya T.V., Pavlov V.A. "Tsifrovoy suverenitet" kak informatsionnaya strategiya rossiiskogo gosudarstva // *Informatsiya — Kommunikatsiya — Obshchestvo (IKO-2023): Trudi XX Vserossiiskoi nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, SPb, 2-3 fevralya 2023 g. SPbGETU, 2023. S. 116–120.*
 12. Shnurenko I. Chelovek vzlomannii. M.: Nashe zavtra, 2021. 456 s.
 13. Frolova M.I. Problemy etiki tekhnologii v trudakh E. Agatstsi // *Chelovek. 2016. No 5. S. 55–68.*
 14. Monahov V.N. Pravo na svobodu slova? ot oflajna k onlajn // *Prava cheloveka v epokhu interneta: pub-*

REFERENCES

1. Skripchenko D.V., Kolesnikova Ye.I., Meipin Ya. Obshchestvennye kommunikatsii v epokhu tsifrovikh diktatur // *Filosofskaya analitika tsifrovoy epokhi: sb. nauch. st. /*

- lichno-pravovoj aspekt / otv. red. E.V. Talapina. M.: Prospekt, 2023. S. 17–50.
15. Yedinii portal elektronnikh uslug. [Elektronnyj dokument]. — URL: <https://nces.by/o-nas/news/epeu/> (data obrashcheniya: 12.04.2024).
 16. Programmii kompleks "Oдно okno". [Elektronnyj dokument]. — URL: https://nces.by/service/services_oais/oo/ (data obrashcheniya: 16.04.2024).
 17. Doklad o chelovecheskom razvitii 2023–2024 gg. [Elektronnyj dokument]. — URL: <https://www.undp.org/ru/belarus> (data obrashcheniya: 12.04.2024).
 18. Departament po ekonomicheskim i sotsialnim voprosam. Issledovanie OON: Elektronnoe pravitelstvo 2022. Organizatsiya Obedinennikh Natsii, Nyu-York, 2022. [Elektronnyj dokument]. — URL: <https://publicadministration.un.org/en/publicadministration.un.org/egovkb/en-us/publicadministration.un.org/egovkb/en-us/> (data obrashcheniya: 11.04.2024).
 19. Voluntary National Review 2022. [Elektronnyj dokument]. — URL: <https://hlpf.un.org/countries/belarus/voluntary-national-review-2022> (data obrashcheniya: 12.04.2024).
 20. O Vsebelorusskom narodnom sobranii. [Elektronnyj dokument]: Zakon Resp. Belarus, 7 fevr. 2023 g., No 248-Z. Prinyat Palatoi predstavitelei 25 yanv. 2023 g., odobren Sovetom Respubliki 30 yanv. 2023 g. Natsionalnii pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus, 09.02.2023, 2/2968.
 21. Borisov I.B. Konets tsifrovoy epokhi politicheskikh protsessov // Grazhdanin. Vibori. Vlast. 2021. No 1 (19). S. 124–139.
 22. Kudryavtsev M.A. Svoboda informatsii i problemi obespecheniya informatsionnikh prav lichnosti // Dinamika institutov informatsionnoi bezopasnosti. Pravovie problemi: sb. nauch. tr. / otv. red. T.A. Polyakova, V.B. Naumov, E.V. Talapina. M.: IGP RAN; Kanon+ROOI "Reabilitatsiya", 2018. S. 146–170.
 23. Kaspirovich-Shumak A.A. Gosudarstvennye informatsionno-pravovye resursy kak ob"ekt informatsionnykh pravootnoshenij: teoreticheskij aspekt // Vecnik Belorusskogo gosudarstvennogo. 2023. No 2 (157). S. 87–93.
 24. Shakhrai I.S. Gosudarstvenno-chastnoe vzaimodeistvie v kontekste rasshireniya dispozitivnykh sposobov regulirovaniya otnoshenij prirodopolzovaniya // Problemi realizatsii obektivnogo prava prirodopolzovaniya. Minsk: BGU, 2022. 291 s. S. 138–151.
 25. O mestnom upravlenii i samoupravlenii v Respublike Belarus. [Elektronnyj dokument]: Zakon Resp. Belarus, 4 yanv., 2010 g., No 108-Z. Prinyat Palatoi predstavitelej 11 dek. 2009 g., odobren Sovetom Resp. 17 dek., 2009 g. // ETALON. Zakonodatelstvo Respubliki Belarus / Nacionalnyj centr pravovoj informatsii Respubliki Belarus. Minsk, 2024.
 26. Miloslavov A.S. "Tsifrovaya revolyutsiya" kak prostranstvo dlya istoriko-epistemologicheskogo issledovaniya: problemi i perspektivi // Filosofskaya analitika tsifrovoy epokhi: sb. nauch. st. / otv. red. L.V. Shipovalova, S.I. Dudnik. SPb: Izd-vo SPb. un-ta, 2020. S. 139–153.
 27. Khunzhui Ch. Kiberprostranstvo i suverenitet. Vvedenie v zakonodatelstvo o kiberbezopasnosti: ucheb. Posobie / per. s kit. Van. Khunvei, Van Lichzhun, Van Yue. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2020. 304 s.
 28. Viner N. Kibernetika i obshchestvo: [sbornik] / per. s angl. V. Zherninova. M.: AST, 2019. 288 s.
 29. Dzyaloshinskii I.M. Ot bozhestvennogo otkroveniia k kommunikatsionnomu universumu: poisk adekvatnoi modeli izucheniya teksta // Gumanit. vektor. 2020. No 1. T. 15. S. 163–175.
 30. Novik Yu.I. Psichologicheskie problemi pravovogo regulirovaniya. Minsk: Universitetskoe, 1989. 135 s.
 31. Fedotov M.A. Konstitutsionnye otveti na vizovi kiberprostranstva // Lex Russica. 2016. No 3(112). S. 164–182.
 32. Cheremisinova M.E. Realizatsiya zakonnikh interesov v seti Internet // Zhurnal rossiiskogo prava. 2018. No 9. S. 120–130.
 33. Dzyaloshinskii I.M. O novom podkhode k problemam kommunikatsii // Media. Informatsiya. Kommunikatsiya. 2013. No 4. S. 1–22.
 34. Dovnar N.N. Pravovoe obespechenie informatsionnoi bezopasnosti SMI v usloviyakh transformatsii mediasistemi. Minsk: BGU, 2019, 236 s.
 35. Vaizer T. Drugoi Khabermas? // Novaya strukturnaya transformatsiya publichnoi sfery i deliberativaya politika / Yu. Khabermas; per. s nem. T. Atnasheva. M.: Nov. lit. obozrenie, 2023. 104 s. S. 13–20.
 36. Baturin Yu.M. Metamorfozi informatsionnogo prava // Transformatsiya informatsionnogo prava: monografiya / otv. red. T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2023. 256 s.
 37. Tekhnika kommunikatsii i osnovi komandoobrazovaniya: praktikum dlya uchashchikhsya vsekh spetsialnostei: v 2 ch. Ch. 1 / sost.: A.O. Grigoreva, L.E. Vedernikova. Minsk: Belarus. gos. akademiya svyazi, 2023. 112 s.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАПРАВА INTANGIBLE ETHNO-CULTURAL HERITAGE OF RUSSIAN REGIONS IN THE CONTEXT OF MEDIA LAW

Сергей Александрович АБРАМОВ

Миланский университет Бикокка, Милан, Италия,
sergey.abramov86@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-6968-033X, SPIN-код: 3739-0865

Информация об авторе

С.А. Абрамов — исследователь Миланского университета Бикокка (Милан, Италия)

Аннотация. Проанализирована проблема сохранения нематериального этнокультурного достояния регионов России в контексте медиаправа. Этот феномен рассматривается с точки зрения права интеллектуальной собственности, государственно-правового регулирования и передачи опыта будущим поколениям. Рассмотрена защита этнокультурного достояния в рамках международной деятельности по охране нематериального культурного наследия. Особое внимание уделено традиционным знаниям и традиционным выражениям культуры как объектам права интеллектуальной собственности, а также различиям между ними и нематериальным культурным наследием. Подчеркивается важность сохранения культурного наследия для благополучия человека в настоящем и будущем. Рассмотрена проблематика этнокультурного достояния Орловской области как примера проблемы сохранения культурного наследия в России.

Статья отражает современную дискуссию о проблемах сохранения культурного наследия и элементов традиционных знаний в России и мире сегодня.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, нематериальное этнокультурное достояние, право географических указаний, живое национальное сокровище, живое наследие, ЮНЕСКО, Орловщина

- **Для цитирования:** Абрамов С.А. Нематериальное этнокультурное достояние регионов России в контексте медиаправа // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 30–38; DOI: 10.17323/tis.2024.22296

Sergey A. ABRAMOV

- University of Milano-Bicocca, Milan, Italy,
sergey.abramov86@gmail.com,
• ORCID: 0000-0001-6968-033X

Information about the author

- S.A. Abramov — researcher of the University of Milano-Bicocca, Milan, Italy

- **Abstract.** This article examines the challenge of safeguarding the intangible ethno-cultural heritage of Russian regions in the sphere of media law. The analysis considers intellectual property law, state-legislation, and inheritance as mechanisms for ensuring intergenerational transmission. Additionally, the paper devotes a specific section to the safeguarding of ethno-cultural patrimony at the global level, within the framework of international initiatives protecting the intangible cultural heritage. Special attention is given to traditional knowledge and traditional cultural expressions as objects of intellectual property rights, as well as the distinctions between them and intangible cultural heritage. The text stresses the significance of preserving cultural heritage for the well-being of humanity in both the present and the future. Additionally, the author examines the issue of the ethno-cultural patrimony in the Orel region as an illustration of the challenges facing cultural heritage preservation in Russia. This article addresses the contemporary discourse surrounding the challenges of conserving cultural legacy and traditional knowledge in Russia and the world.

Keywords: intellectual property law, intangible ethno-cultural heritage, geographical indications law, living national treasure, living heritage, unesco, Orel region

For citation: Abramov S.A. Intangible ethno-cultural heritage of Russian regions in the context of media law // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 30–38; DOI: 10.17323/tis.2024.22296

Международная выставка-форум «Россия», проходившая в Москве в 2024 г., привлекла заслуженное внимание к нематериальному этнокультурному достоянию регионов России. С точки зрения медиаправа данный феномен может быть рассмотрен с трех сторон: как объект права интеллектуальной собственности, как объект государственно-правового регулирования на федеральном и региональном уровнях и как часть информационного процесса передачи опыта будущим поколениям. Для оппозиции описанной триаде предлагается соотнести ее с международной деятельностью по охране нематериального культурного наследия в части Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. [1]. В качестве этнокультурного достояния регионов России рассматривается проблематика этнокультурного достояния Орловской области.

ЗАЩИТА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ
В РАМКАХ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

Сохранение культурного наследия и элементов традиционных знаний на сегодняшний день все еще не основательно проработано с точки зрения права интеллектуальной собственности (ИС), оно направлено на создание условий для сохранения объектов культурного значения и обеспечение индивидуальных прав на доступ к культурному наследию и возможность вносить вклад в его обогащение.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), работая в плоскости правовой защиты ИС, относит традиционные знания (ТЗ) и традиционные выражения культуры (ТВК) к объектам права ИС.

Обеспечение благополучия человека в настоящем и будущем является насущной проблемой современности. Главное предназначение прав ИС заключается в том, чтобы способствовать инновациям и творчеству, а также сохранению традиционных знаний и технологий производства.

ПОНЯТИЯ TRADITIONAL KNOWLEDGE (ТЗ) И INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE (ТБК) В ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: В ЧЕМ РАЗЛИЧИЕ?

ТЗ — это информация, основанная на взаимосвязи опыта и адаптации местной культуры к окружающей среде, которую определенное сообщество людей накапливает с течением времени. Статья 3 проекта резолюции ВОИС «Охрана традиционных знаний: цели политики и основные принципы» [2] определяет ТЗ как содержание или суть знаний, полученных в результате интеллектуальной деятельности, и включает в себя ноу-хау, навыки, инновации, которые являются частью системы ТЗ, и знания, воплощающие традиционный образ жизни коренных народов и местных сообществ, которые передавались из поколения в поколение. Эти знания используются для поддержания сообщества и его культуры, устойчивого развития сообщества и его идентичности. Термин «традиционные», используемый при описании этих знаний, не подразумевает, что они устарели. Знания «традиционные», потому что то, как они создаются, сохраняются и распространяются, отражает традиции соответствующих общин.

Культурное наследие — это наследие физических артефактов и нематериальных атрибутов группы или общества, которые унаследованы от прошлых поколений, сохранены в настоящем и дарованы на благо будущих поколений. Это те вещи и традиции, которые выражают образ жизни и мышления того или иного общества и которые являются свидетельством его интеллектуального развития и духовных достижений. Термин «наследие» включает в себя понятия наследования и передачи обязанности сохранять и защищать. Наследие, когда-то относящееся исключительно к монументальным остаткам культур, постепенно включало в себя новые категории, такие как нематериальное или этнографическое наследие [3]. Наследие бывает трех видов: материальное, нематериальное (НКН) и естественное [3, с. 1487]. Первые два вида признаны культурными, хотя часть ученых утверждают, что восприятие некоторых природных объектов как «наследия» является культурным процессом [3, с. 1488].

Таким образом, трактовки соотношения ТЗ и НКН серьезно варьируются, но нельзя не отметить тяготения обоих феноменов к правовому полю ИС.

Рассматривая ТЗ и НКН в категориях род — вид, НКН как своеобразную кульминацию ТЗ сообществ, необходимо подчеркнуть, что объекты имеют не только мемориальное назначение. В рамках статичности и динамики экономических отношений объекты списка ЮНЕСКО НМК и ТЗ имеют одинаковый маркетинговый потенциал. Отношение к ТЗ как к этнографиче-

ской категории, сопровождающей постколониальный дискурс, также определенно неверно, ввиду наличия правовой категории традиционных гарантированных продуктов (TSG) в европейском праве.

В то же время ТЗ и НКН — не взаимозаменяемые понятия. На сегодняшний день ТЗ и НКН — важнейшие инструменты права ИС в деле сохранения культуры традиционных сообществ. Их параллельное существование способно обеспечить надежный двухуровневый режим охраны.

ЗАЩИТА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ В РАМКАХ РОССИЙСКОГО ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В отличие от Европы [4], где было сложно отделить ручотворную деятельность по производству товара от его географического происхождения, в российской постсоветской практике непреодолимой стала проблема связать добавленную стоимость, созданную человеческим трудом, с конкретными географическими характеристиками при регистрации наименований места происхождения товара (НМПТ). Поэтому большинство зарегистрированных в России НМПТ можно выделить в две группы (оставив за скобками алкогольную продукцию):

- «естественные» НМПТ, характеризующиеся минимальной долей добавленной стоимости товара в виде человеческого труда, чья географическая индивидуализация обусловлена естественными природными и аграрными факторами;
- «рукотворные» НМПТ, представленные исторически традиционными народными промыслами.

Подобная ситуация сложилась как из-за отсутствия определенных исторических предпосылок, искажающих степень известности индивидуализированных отечественных товаров, и неразвитости внутреннего рынка, так и в силу неочевидности законодательных критериев (вплоть до введения **Федерального закона** № 230-ФЗ), определяющих значимость человеческого труда [4, с. 76].

Народные художественные промыслы представляют собой неотъемлемое достояние культуры и одну из форм традиционного художественного творчества народов Российской Федерации. Их правовая охрана имеет большое культурное и государственное значение. Россия не ратифицировала конвенцию ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 г., тем не менее российские объекты находятся в репрезентативном списке нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО: культура семейских (русских старообрядцев, высланных в XVIII в. в Сибирь и сохранивших до наших дней свою древнюю замкнутую культуру), якутский героический эпос «Олонхо».

Сложно переоценить работу Роспатента по каталогизации народных художественных промыслов в качестве НМПТ и географических указаний (ГУ).

Границы содержания права *sui generis* («единственного в своем роде») ТЗ и НМК в российском праве НМПТ и ГУ можно найти в Постановлении Правительства РФ от 08.08.2020 № 1195 «О федеральных органах исполнительной власти, уполномоченных выдавать заключения, необходимые для государственной регистрации наименования места происхождения товара и осуществления юридически значимых действий в отношении зарегистрированного наименования места происхождения товара, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [5]: товары минерального происхождения (лечебные грязи, минеральная питьевая лечебная, лечебно-столовая, минеральная природная столовая воды); продукты питания и алкоголь (продукция сельского хозяйства, пищевая продукция, алкогольная и спиртосодержащая продукция), «непищевые» продукты (товары народных художественных промыслов и музыкальные инструменты).

Многие отечественные практики не имеют аналогов — например, объекты НМПТ минерального происхождения. Физический терруар в российском праве выходит за пределы почвенно-ландшафтного комплекса. Объекты культурного терруара в России также многообразны.

Между тем российское право *sui generis* в отношении ТЗ и НМК как право НМПТ и ГУ недостаточно регламентировано. Именно систематизация разнообразных НМПТ и ГУ в четких законодательных рамках будет способствовать формированию отечественного права *sui generis* НМПТ и ГУ.

ЗАЩИТА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В конце 2023 г. ЕС принял регламент о защите ГУ для ремесленной (*handicraft*) и промышленной (*industrial*) продукции [6]. Регламент является одним из ключевых предложений в рамках Плана действий в области интеллектуальной собственности, который был представлен Европейской комиссией в ноябре 2020 г. После вступления в силу в ноябре 2023 г. этого регламента географические указания промышленных изделий, связанных с географическим регионом производства (например, столовые приборы из Альбасете, богемское стекло, лиможский фарфор), будут пользоваться такой же защитой, как и продукты питания или напитки регионального производства. 1 декабря 2025 г. стартует регистрация указанных наименований в ЕС.

Принятие регламента о ремесленных и промышленных ГУ также позволит ЕС полностью выполнить свои международные обязательства по Лиссабонскому соглашению о наименованиях мест происхождения и географических указаниях. С этой целью Совет принял поправку к решению Совета о присоединении Европейского союза к Женевскому акту Лиссабонского соглашения 2015 г., чтобы назначить Европейское ведомство интеллектуальной собственности (EUIPO) компетентным органом по администрированию Женевского акта на территории Союза в отношении географических обозначений промышленной и ремесленной продукции.

Регламент установил на уровне ЕС прямую охрану ГУ для ремесленных и промышленных изделий (таких, как ювелирные изделия, текстиль, стекло, фарфор и т.д.), дополнив существующую в ЕС охрану ГУ в области сельского хозяйства. EUIPO будет играть важную роль в реализации новой системы охраны — в частности, в отношении процедур регистрации ремесленных и промышленных ГУ.

Понятия ТЗ и НМК пока не нашли собственного выражения права *sui generis* в европейском праве ИС. Тем не менее правовое регулирование географических указаний может осуществляться с опорой на европейское культурное наследие и историю.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [7] установил, что под нематериальным этнокультурным достоянием Российской Федерации понимается нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения.

К объектам нематериального этнокультурного достояния относятся (ст. 5):

- 1) устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов Российской Федерации;
- 2) формы традиционного исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального, хореографического);
- 3) традиции, выраженные в обрядах, празднествах, обычаях, играх и других формах народной культуры;

4) знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладом жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах, образах и стилистике их воплощения, существующих на определенной территории;

5) иные объекты нематериального этнокультурного достояния.

Основные категории лиц, представленных в Законе, неравнозначны в отношении своего правового статуса. Права хранителей и носителей этнокультурного достояния (ст. 10) противопоставляются правам прочих физических и юридических лиц (ст. 11). Подобная юридическая конструкция имеет определенное сходство с японской и корейской правовой практикой назначения хранителей ремесленных и исполнительских традиций (Living National Treasure), «живого национального сокровища».

Номинация «живое национальное сокровище» (인간 문화재) в Республике Корея была создана в 1962 г., что совпало с ростом корейского национализма во время правления Пак Чон Хи [8]. Курс на изоляцию народа от традиционной культуры может быть одной из характеристик корейского национализма 60–70-х гг. XX в. Целью данной политики было замещение ценностей, сформированных местными сообществами, общегосударственной идеологией, направленной на ускоренную модернизацию. Именно Республика Корея предложила Исполнительному совету ЮНЕСКО 30 июня 1993 г. создать систему Living Cultural Properties, так как имела собственный успешный опыт реализации такой программы (следует отметить, что сама необходимость создания такой системы обсуждалась в ЮНЕСКО перед этим уже несколько лет). По инициативе Корейской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО также состоялись в 1998–2001 гг. учебные семинары по различным аспектам данной системы. Опыт Республики Корея также использовался для разработки рекомендаций по реализации такой системы в других странах [9].

В анализируемом российском Законе установлены полномочия федеральных органов государственной власти, полномочия органов государственной власти субъектов РФ и права органов местного самоуправления в области нематериального этнокультурного достояния, а также права носителей и хранителей нематериального этнокультурного достояния, права физических и юридических лиц в указанной области.

Предусмотрено создание Федерального государственного реестра объектов нематериального этнокультурного достояния РФ. Федеральный реестр будет основным источником информации об объектах нематериального этнокультурного достояния феде-

рального значения, способах (формах) их выражения, а также местах хранения связанных с ними материальных предметов. Внесенная в Реестр информация об объекте нематериального этнокультурного достояния будет общедоступной и будет предоставляться бесплатно.

Органы государственной власти субъекта РФ вправе формировать и вести Региональный реестр.

Закон Орловской области «Об отдельных правоотношениях в области нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Орловской области» [10] был принят 3 марта 2023 г. Этот Закон в соответствии с Федеральным законом № 402-ФЗ [7] регулирует отдельные отношения в области выявления, изучения, использования, актуализации, сохранения и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Орловской области. Понятия, используемые в региональном Законе, применяются в тех же значениях, что и в Федеральном законе [7].

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Народная культура Орловской области представлена следующими ремеслами: чернышинская народная глиняная игрушка (Новосильский район), плешковская народная глиняная игрушка (Ливенский район), мценский кружевной промысел (Мценский район), ливенская гармонь, орловский список.

Орловский областной центр народных художественных промыслов [11] включил в региональный Каталог нематериального культурного наследия Орловской области следующие объекты по состоянию на 2023 г.: «Технология лепки плешковской глиняной игрушки», «Песенная традиция деревни Красавка Троснянского района Орловской области», «Катание яиц на Пасху в деревне Липовец Ливенского района Орловской области», «Обряд “Кумление и похороны кукушки” Дмитровского района Орловской области», «Технология вышивки орловским списом», «Традиционные технологии изготовления мценского коклюшечного кружева», «Традиционная кухня жителей села Ильинского Хотынецкого района Орловской области середины XX в.».

В Орловской области насчитывается более семи действующих народных мастеров, однако по состоянию на ноябрь 2023 г. Роспатент не опубликовал никакой информации об орловских ремеслах. Это свидетельствует о низком интересе к коммерциализации орловского этнокультурного наследия и соответственно об индифферентности орловской обще-

ственности. Стратегия, направленная на сохранение этнокультурного наследия, не оправдывается, поскольку в современном медиапространстве оно вытесняется на периферию, не будучи связанным с современным продуктом, востребованным у публики. Орловские мастера не в состоянии и материально не заинтересованы трансформировать орловские ремесла и транслировать их в современные продукты. Процесс обучения у орловских мастеров построен для освоения архаичных техник соответствующими возрастными группами (преимущественно младшего школьного возраста) в целях воспроизведения без ориентации на процессы творческого созидания продукта, востребованного здесь и сейчас.

Сохранение этнокультурного достояния невозможно без определения социальной природы его субъектов. Современный мир характеризуется равенством, верховенством закона, правами человека, социальным и техническим прогрессом. Однако этнокультурное достояние берет свое начало в те времена (по крайней мере, в XIX в.), когда равенство было недостижимой мечтой в Российской империи. Появление в Германии концепции фольклора как сохранения нематериального культурного наследия объясняет тот разрыв между традиционной и современной культурой в отношении авторского права, который возник в Германии на рубеже XVIII и XIX вв.

В европейской традиции народ был пассивным объектом исследования и монетизации для его отдельных представителей.

Подчас этнокультурное достояние, находясь в руках своих хранителей, не получает должного идейного развития, не адаптируется к современности и живой культуре народа. Между тем объекты этнокультурного достояния получили первоначальную известность как часть современного мира, а не как исторический артефакт. Сохранение этнокультурного достояния может быть обращено в будущее через практики «живого наследия» (living heritage). Живое наследие — это практика, знания и навыки, которые передавались от одного поколения к другому и используются до сих пор.

Термин «использование» является ключевым элементом, который подразумевает потенциал и способность создавать продукт, основанный на указанном наследии, с приданной ему добавленной стоимостью, что является результатом участия сообщества или отдельных лиц. В качестве примера приведу итальянскую политику «Made in Italy» («Eccellenze Italiane») [12]. С одной стороны, она базируется на заложенных в эпоху Возрождения гуманистических основах и выражается в глубоко индивидуализированных трудовых практиках. С другой стороны, ре-

лигиозная жизнь наложила свой отпечаток на формы коллективных взаимодействий, обусловив примат малого и среднего «семейного» бизнеса в Италии и соответствующую ему корпоративную структуру. Современные технологии зафиксировали сингулярность *otium/negotium* в сегодняшних трудовых отношениях. Тем не менее *Eccellenze Italiane* содержит еще один ключевой элемент, а именно стремление к созиданию, спроецированному в конечный материальный объект (продукт).

Можно предположить, что деятельность хранителей этнокультурного достояния, которая направлена не на создание нового продукта, а исключительно на защиту и сохранение указанного достояния, в современном обществе значительно редуцирует число возможных заинтересованных. Иными словами, креативная экономика благоволит творцам, которые вносят в нее вклад, создавая продукты на основе достояния, а не хранителям, не имеющим денежного стимула к созданию продукта на основе достояния. В итоге этнокультурное достояние может остаться за бортом креативной экономики, вне поля зрения общества, стать бесполезным, а следовательно, оставить людей равнодушными.

В практике ЮНЕСКО подобные проблемы был призван решить проект *Heritage Sensitive Intellectual Property and Marketing Strategies (HIPAMS)* [13], направленный на понимание того, как использование маркетинга и прав ИС может способствовать сохранению НКН при его коммерциализации.

КОНВЕНЦИЯ ЮНЕСКО 2003 Г.: ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ СПУСТЯ

В 2023 г. мы отметили 20-летие принятия Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия [1] — международного договора, который к настоящему времени достиг почти всеобщего признания и ратифицирован 180 государствами.

Конвенция придала огромный импульс глобальным усилиям по сохранению разнообразия живых культурных традиций. Она стала движущей силой культурной деколонизации и борьбы с предрассудками и дискриминацией, побудила государственные и гражданские институты поддержать артистов и мастеров изобразительного, музыкального и словесного искусства — распространителей коренных традиций и знаний.

Конвенция ЮНЕСКО предоставила средства для расширения образовательных программ и повышения осведомленности населения о национальной истории и самобытности, а также для поддержки таких инициатив, как создание местных культурных

индустрий, способных внести вклад в гражданское и экономическое благополучие. Кроме того, Конвенция ЮНЕСКО помогла профессионалам и специалистам получить ресурсы для научных исследований и культурных образовательных программ.

В честь 20-летия Конвенции ЮНЕСКО предложено провести памятное мероприятие, посвященное ценностям Конвенции, на что правительство Республики Корея откликнулось инициативой организации Всемирного форума нематериального культурного наследия, состоявшегося 1–2 сентября 2023 г. в городе Чонджу.

Всемирный форум нематериального культурного наследия 2023 г., прошедший под девизом «Достижения в сохранении НКН за последние два десятилетия и дальнейшие перспективы», дал возможность политикам, общественным организациям и экспертам рассказать об их опыте и достижениях в области защиты НКН за последние 20 лет.

«ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ» КАК МЕДИА

Рассматривая Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [7] в контексте медиаправа, следует указать, что, согласно ст. 11, физические и юридические лица, в том числе общественные организации, национально-культурные автономии, имеют право: 1) на доступ к объектам нематериального этнокультурного достояния и беспрепятственное получение информации об объектах нематериального этнокультурного достояния; 2) на участие в выявлении, изучении, использовании, актуализации, сохранении и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния.

Государственная политика в области нематериального этнокультурного достояния (п. 5 ст. 4) несет в себе определенную медийную коннотацию — совокупность правовых, экономических, социальных, организационных и иных мер и принципов, направленных на создание условий для выявления, изучения, использования, актуализации, сохранения и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния. Актуализация и популяризация — необходимое условие для трансферта нематериального этнокультурного достояния следующим поколениям.

Более того, каждый человек ежедневно участвует в многочисленных и непрерывных проявлениях нематериальной культурной практики, начиная с речи, словесных выражений и языка тела и кончая тем, как и где он принимает ванну, как готовит, с кем принимает пищу, как одевается, каков распорядок передвижения, работы и учебы, игр и развлечений, каковы ритуалы поклонения и преступные привычки [14].

Именно из этой совокупности социального поведения людей складывается и определяется достояние, элементы которого перенимают будущие поколения.

В течение двух десятилетий, предшествовавших принятию Конвенции 2003 г., это понимание проявилось в Рекомендации ЮНЕСКО 1989 г. о сохранении традиционной культуры и фольклора, шедевров устного и нематериального наследия человечества, а также в самой Конвенции [14, с. 10].

В 1990-х гг. возникла другая, альтернативная, более критическая точка зрения, согласно которой формы культурного самовыражения становятся достоянием, когда они получают название, оценку и ценность. Речь идет не о простом сохранении той или иной практики или формы самовыражения, а об оценке их объективной исторической значимости для конкретного сообщества. С этой точки зрения достояние — сознательный, мотивированный процесс отбора, направленный на достижение собственной цели.

Хотя понятие «достояние» ассоциируется с историей и может использовать события и обстоятельства как способ обоснования ценности, достояние — это не только история. Оно в большей степени связано с современной жизнью и с теми, кто ее определяет. Под ним понимают способ определения того, что представляют собой традиция и знание, культура и сообщество и т.д.

При создании объектов НКН отсеивалось то, что считается «неважным» прошлым [14, с. 7]. Таким образом, не всякая культурная практика становится достоянием. Многие традиционные практики не могут быть признаны достоянием, поскольку они считаются оскорбительными, ассоциируются с низшими классами, маргинальными группами населения или воспринимаются как противоречащие государственным или общественным интересам, религиозным или иным традициям. С этой точки зрения вопрос о том, что именно будет определено как нематериальное этнокультурное достояние и признано на местном и национальном уровнях, становится главным.

В настоящее время в подавляющем большинстве случаев нематериальным этнокультурным достоянием регионов России остаются традиции, уходящие корнями в общество дореволюционной России. Это отражает приоритеты исторического развития подобной практики — акцент на более глубокие исторические, этнографические традиции, которые нуждаются в защите, поскольку им грозит исчезновение.

Однако допустим, что этнокультурное достояние России не является чем-то созданным и перенесенным из прошлого, а постоянно создается в процессе социального взаимодействия людей. Примем во внимание, что культурные практики могут быстро ста-

новиться традиционными и передаваться следующему поколению. В ближайшие десятилетия мы можем ожидать появления цифровых форм этнокультурного достояния России, традиций сообществ геймеров, блогеров, виртуальной реальности, практик использования искусственного интеллекта и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сохранение и защита нематериального этнокультурного достояния регионов России требуют комплексного подхода с учетом его значимости как для культурного наследия страны, так и для передачи традиционного опыта будущим поколениям. В части права ИС Россия обладает одним из самых продвинутых инструментов для охраны этнокультурного достояния. Тем не менее недостаточная мотивация правообладателей в отдельных регионах не позволяет реализовать этот инновационный потенциал. Правовой режим, установленный в 2022 г. Федеральным законом № 402-ФЗ [7], создает пространство для инвентаризации этнокультурного достояния России во взаимосвязи с его хранителями. Между тем для эффективной реализации данной инициативы желательно учитывать опыт Living National Treasure Японии и Республики Корея. Важна также ориентация лиц, заинтересованных в сохранении этнокультурного достояния на его передачу будущим поколениям. Актуализации этнокультурного достояния можно добиться за счет стимулирования процесса создания на его основе новых продуктов с добавленной стоимостью, популяризации этнокультурного достояния в медиaprостранстве. Все это можно обозначить общей категорией «живое наследие / достояние», включающей в себя создание условий для сохранения этнокультурного достояния и доступа к нему, а также создание возможностей для его обогащения и передачи следующим поколениям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 г. [Текст: электронный] // ЮНЕСКО. [Сайт]. 2003. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 03.12.2023).
2. Revised Draft the Protection of Traditional Knowledge: Policy Objectives and Core Principles. — URL https://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/en/wipo_grtkf_ic_7/wipo_grtkf_ic_7_5-annex2.pdf (accessed: 11.11.2023).
3. Anindya Bhukta. Protecting Traditional Knowledge: in Which Way? // International Journal of Current Advanced Research. 2018. No 7(8). P. 1487–1492.
4. Абрамов С.А. Охрана традиционных гарантированных продуктов как средства индивидуализации: перспективы гражданско-правового регулирования в России // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 7. С. 1–77.
5. Постановление Правительства РФ от 08.08.2020 № 1195 (ред. от 30.04.2022) «О федеральных органах исполнительной власти, уполномоченных выдавать заключения, необходимые для государственной регистрации наименования места происхождения товара и осуществления юридически значимых действий в отношении зарегистрированного наименования места происхождения товара, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 33. Ст. 5395.
6. Council of the EU Press release 9 Oct. 2023 09:50 “Geographical indications for craft and industrial products: Council gives its final approval”. — URL <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/10/09/geographical-indications-for-craft-and-industrial-products-council-gives-its-final-approval/> (accessed: 11.11.2023).
7. Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // СЗ РФ. № 43. Ст. 7265.
8. Rossi J. The ‘Living Human Treasures’ System in the Republic of Korea. Università Ca’ Foscari Venezia, July 4, 2018/ P. 1–154.
9. Guidelines for the establishment of living human treasures systems. UNESCO Korean National Commission et al, 2002.
10. Закон Орловской области от 07.03.2023 № 2883-ОЗ «Об отдельных правоотношениях в области нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Орловской области». [Текст: электронный] // Официальное опубликование правовых актов. [Сайт]. 2023. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5700202303070034> (дата обращения: 03.12.2023).
11. Нематериальное этнокультурное достояние. [Текст: электронный] // Бюджетное учреждение культуры Орловской области «Орловский областной центр народного творчества». [Сайт]. 2023. — URL: <https://oocnt57.ru/category/nkn/> (дата обращения: 03.12.2023).
12. Ubertazzi B., Richardson T. The 2003 Convention and the Global Capacity Building Programme: Recent Experiences in Greece and Italy // 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects. Jeonju, Republic of Korea, 2023. P. 23–27.

13. Intangible cultural heritage, marketing and intellectual property for sustainable livelihoods: the case of HIPAMS / Waelde Charlotte, Rinallo Diego, Bhattacharya Ananya et al. — URL https://static1.squarespace.com/static/60ea394b37f3dc54ac48205d/t/60fc084169a9102339914f31/1627129922567/HIPAMS+India+ICH_marketing_IP+-+working+paper+April+2021.pdf (accessed: 11.11.2023).
14. Kurin R. The Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage: Two Decades of Achievements and Prospects for Two Decades Ahead // 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects. Jeonju, Republic of Korea, 2023. P. 6–13.

REFERENCES

1. Mezhdunarodnaja konvencija ob ohrane nematerial'nogo kul'turnogo nasledija ot 17 okt. 2003 g. [Tekst: elektronnyj] // Junesko. [sajt]. 2003. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (data obrashhenija: 03.12.2023).
2. Revised Draft the Protection of Traditional Knowledge: Policy Objectives and Core Principles. — URL https://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/en/wipo_grtkf_ic_7/wipo_grtkf_ic_7_5-annex2.pdf (accessed: 11.11.2023).
3. Anindya Bhukta. Protecting Traditional Knowledge: in Which Way? // International Journal of Current Advanced Research. 2018. No 7(8). P. 1487–1492.
4. Abramov S.A. Ohrana tradicionnyh garantirovannyh produktov kak sredstva individualizacii: perspektivy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v Rossii // Intel'ktual'naja sobstvennost'. Promyshlennaja sobstvennost'. 2021. No 7. S. 71–77.
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 08.08.2020 No 1195 (red. ot 30.04.2022) "O federal'nyh organah ispolnitel'noj vlasti, upolnomochennyh vydavat' zakljucheniya, neobhodimye dlja gosudarstvennoj registracii naimenovaniya mesta proishozhdenija tovara i osushhestvlenija juridicheski znachimyh dejstvij v otnoshenii zaregistrovannogo naimenovaniya mesta proishozhdenija tovara, i priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 2020. No 33. St. 5395.
6. Council of the EU Press release 9 Oct. 2023 09:50 "Geographical indications for craft and industrial products: Council gives its final approval". — URL <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/10/09/geographical-indications-for-craft-and-industrial-products-council-gives-its-final-approval/> (accessed: 11.11.2023).
7. Federal'nyj zakon ot 20.10.2022 No 402-FZ "O nematerial'nom jetnokul'turnom dostojanii Rossijskoj Federacii" // SZ RF. No 43. St. 7265.
8. Rossi J. The 'Living Human Treasures' System in the Republic of Korea. Università Ca' Foscari Venezia, July 4. 2018. P. 1–154.
9. Guidelines for the establishment of living human treasures systems. UNESCO Korean National Commission et al, 2002.
10. Zakon Orlovskoj oblasti ot 07.03.2023 No 2883-OZ "Ob otдел'nyh pravootnoshenijah v oblasti nematerial'nogo jetnokul'turnogo dostojanija Rossijskoj Federacii na territorii Orlovskoj oblasti". [Tekst: elektronnyj] // Oficial'noe opublikovanie pravovyh aktov. [sajt]. 2023. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5700202303070034> (data obrashhenija: 03.12.2023).
11. Nematerial'noe jetnokul'turnoe dostojanie. [Tekst: elektronnyj] // bjudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury Orlovskoj oblasti "Orlovskij oblastnoj centr narodnogo tvorchestva" [sajt]. 2023. — URL: <https://oocnt57.ru/category/nkn/> (data obrashhenija: 03.12.2023).
12. Ubertazzi B., Richardson T. The 2003 Convention and the Global Capacity Building Programme: Recent Experiences in Greece and Italy // 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects. Jeonju, Republic of Korea, 2023. P. 23–27.
13. Intangible cultural heritage, marketing and intellectual property for sustainable livelihoods: the case of HIPAMS / Waelde Charlotte, Rinallo Diego, Bhattacharya Ananya et al. — URL https://static1.squarespace.com/static/60ea394b37f3dc54ac48205d/t/60fc084169a9102339914f31/1627129922567/HIPAMS+India+ICH_marketing_IP+-+working+paper+April+2021.pdf (accessed: 11.11.2023).
14. Kurin R. The Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage: Two Decades of Achievements and Prospects for Two Decades Ahead // 20th Anniversary of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage Achievements in Safeguarding ICH over the Past Two Decades and Further Prospects. Jeonju, Republic of Korea, 2023. P. 6–13.

ПРОБЛЕМА «ЦИФРОВОЙ ОТМЕНЫ» ГРАЖДАН РОССИИ

PROBLEM OF THE “DIGITAL CANCELLATION” OF THE RUSSIAN CITIZENS

Евгений Иосифович ДИСКИН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, ediskin@hse.ru, ORCID: 0000-0001-9259-9820

Информация об авторе

Е.И. Дискин — ведущий научный сотрудник Международной лаборатории цифровой трансформации в государственном управлении ИГМУ НИУ ВШЭ, кандидат юридических наук

Аннотация. Рассмотрен феномен «цифровой отмены» как формы дискриминации на примере нарушения прав граждан России путем скоординированного и синхронного прекращения оказания цифровых информационных услуг и сервисов со стороны иностранных компаний и цифровых сервисов, а также установления прямого запрета на доступ к таким услугам и сервисам. Многочисленные примеры массовых запретов и ограничений, которые введены в отношении граждан России в интернете на уровне социальных сетей, финансовых сервисов, сервисов доступа к онлайн-играм, программному обеспечению, сервисам для работы с искусственным интеллектом, позволяют сделать вывод, что такие действия являются дискриминацией и нарушением прав человека на свободный доступ к получению, сбору и распространению информации. Предлагается рассматривать такие действия в рамках международно-правовых документов, запрещающих дискриминацию по национальному признаку, в том числе в целях обращения в международные судебные органы с соответствующими судебными исками, которые могут быть поданы Российской Федерацией.

Ключевые слова: «цифровая отмена», цифровые права, информационное право, интернет-платформы, правовое регулирование

- Для цитирования: Дискин Е.И. Проблема «цифровой отмены» граждан России // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 39–48; DOI: 10.17323/tis.2024.22297

Evgenii I. DISKIN

- National Research University 'Higher School of Economics', Moscow, Russian Federation, ediskin@hse.ru, ORCID: 0000-0001-9259-9820

Information about the author

- E.I. Diskin — leading researcher of the International Laboratory of Digital Transformation in Public Administration of the State Institute of State Research of the Higher School of Economics, Candidate of Legal Sciences

- **Abstract.** The article considers the phenomenon of digital abolition as a form of discrimination on the example of violation of the rights of Russian citizens by means of coordinated and synchronous termination of provision of digital information services by foreign companies and digital services, as well as explicitly prohibiting access to such services and services. Numerous examples of mass bans and restrictions imposed on citizens of Russia in the Internet at the level of social networks, financial services, services of access to online games, software, services for work with artificial intelligence make it possible to make a conclusion that such actions constitute discrimination and a violation of human rights for the access, collection and dissemination of information. It is proposed that such actions be considered within the framework of international legal instruments prohibiting discrimination based on nationality, including with a view to bringing appropriate legal proceedings before international judicial bodies, which may be submitted by the Russian Federation.

Keywords: “digital cancelation”, information law, digital rights, Internet platforms, legal regulation

For citation: Diskin E.I. Problem of the “digital cancellation” of the Russian citizens // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 39–48; DOI: 10.17323/tis.2024.22297

ВВЕДЕНИЕ

Проблема «цифровой отмены» в существенной степени нова и актуальна, поскольку ранее не существовало прецедентов действий в киберпространстве, направленных на ухудшение доступности цифровых услуг, сервисов, интернет-платформ, финансовых транзакций, обеспечения безопасности персональных данных и тому подобных действий, направленных против граждан какой-либо конкретной страны. Речь идет о событиях, выразившихся во всестороннем отключении и прекращении доступа к сайтам, сервисам, в блокировках аккаунтов юридических и физических лиц, в прекращении обслуживания различных программных продуктов и платформ, а также в других аналогичных действиях в отношении граждан России и российских организаций. Поскольку данное явление до сих пор не получило самостоятельной характеристики и наименования в правовом контексте, предлагается для его описания использовать термин «цифровая отмена». Ввиду новизны данного понятия предлагается дать ему определение, правовую оценку, придать импульс дискурсу по данной теме, так как проблема описания и правовой квалификации «цифровой отмены» играет значительную роль в вопросе выработки мер по противодействию дискриминации граждан России в киберпространстве. В настоящей статье не описан весь спектр проблем в рассматриваемой области, однако сделан акцент на наиболее примечательных и характерных примерах таких действий, которые, будучи рассмотрены в совокупности, подтверждают правоту выдвинутого тезиса о том, что «цифровая отмена» в отношении российских граждан является дискриминацией в цифровом пространстве.

КУЛЬТУРА ОТМЕНИ И РУНЕТ

Понятие «cancel culture» («культура отмены») восходит к популярной композиции группы Chic — «Your love is canceled» 1981 г.¹, которая породила

¹ Take it Off. Release group by Chic. — URL: <https://musicbrainz.org/release-group/94778fd2-1974-3817-a49d-91f48d595fa3> (accessed: 30.11.2023).

сленговое выражение “to cancel”, которое переводится как «отвергнуть», «сделать несущественным»². В настоящее время «культура отмены» стала значимым социальным явлением в США и странах Западной Европы. Как указывает исследователь Джозеф Веласкес, «культура отмены» — одна из форм публичного позора, инициированного в социальных сетях, чтобы лишить кого-то их обычного влияния или внимания с целью сделать публичные дискуссии более рассеянными и менее монополизированными теми, кто занимает привилегированное положение»³ [1]. Другие исследователи «культуры отмены» отмечают, что «ученые могут быть менее склонны отстаивать свои моральные убеждения, если они считают, что их взгляды не разделяются широко коллегами или обществом, к которому они принадлежат» [2]. Римский папа Франциск заявил, что «“культура отмены” является формой идеологической колонизации, которая не оставляет места для свободы выражения мнений, она заканчивается уничтожением всякого чувства самобытности» [3].

Впервые о «культуре отмены» применительно к развитию событий в киберпространстве для граждан России высказался президент Российской Федерации В.В. Путин. В ходе пленарного заседания на VIII Конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» 24 ноября 2023 г. он заявил: «Вам, думаю, хорошо известно, что некоторые, так скажем, западные поисковые системы, как и генеративные модели, работают зачастую весьма избирательно, ангажированно, не учитывают, а порой просто игнорируют и отменяют российскую, скажем, культуру. Проще говоря, перед машиной ставят какую-то творческую задачу, и она решает ее, используя только англоязычный массив данных, тот, который удобен, выгоден разработчикам системы. Таким образом, алгоритм, например, может указать машине, что России, нашей культуры, науки, музыки, литературы просто не существует. Своего рода “отмена” в цифровом пространстве»⁴.

В данном случае замечание о том, что в отношении россиян происходит «отмена в цифровом пространстве» представляется достаточно удачным для его применения в дискурсе о юридических последствиях таких действий относительно граждан страны.

Массовое прекращение доступа к программному обеспечению, цифровым продуктам и сервисам самых разных направлений и задач для российских граждан вызвало не только значительные неудобства личного характера, но и последствия, связанные с обеспечением необходимого уровня заработка, выполнения той или иной трудовой функции, связи с родными и близкими за рубежом.

Ни российское, ни зарубежное право пока не выработало ни соответствующей терминологии, ни доктрины, которая описывала бы такие случаи, давала бы четкий ответ на вопрос, как обеспечить защиту прав граждан на доступ к информации в таких случаях. Так что данное исследование носит в каком-то смысле поисковый, смысловой характер, поскольку выработка правовой доктрины требует коллективной дискуссии и осмысления проблемы. Доклад на данную тему был сделан в ходе секции «Государство и медиа в правовом поле» на XXXII Международной научно-практической конференции «Медиаправо – 2023» 7 декабря 2023 г., а в настоящей статье автор развивают тезисы выступления.

ПРАКТИКИ ДИСКРИМИНАЦИИ

Ниже рассмотрены некоторые практики «цифровой отмены».

Сервисы доступа к моделям генеративного искусственного интеллекта

Начиная с 2023 г. зарубежные сервисы генеративного искусственного интеллекта запретили доступ к услугам такого рода для пользователей из России. Это относится не только к наиболее популярному сервису ChatGPT⁵ от компании OpenAI, но и к другим аналогичным продуктам. В частности, корпорация Microsoft запретила доступ к сервису CoPilot⁶ из России. Примечательно, что ранее Microsoft объявляла лишь о запрете продаж новых продуктов в России с 4 марта 2022 г., однако фактически россияне были лишены доступа в том числе и к бесплатным продуктам компании, которые интегрированы в последние версии операционной системы Windows 11.

Здесь следует пояснить, что данные действия нарушают действовавший десятилетиями принцип

² Urban dictionary. Term “canceled”. — URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=to%20cancel> (accesset: 30.11.2023).

³ Здесь и далее по тексту дан авторский перевод англоязычных источников. — Примеч. авт.

⁴ Официальный портал Президента Российской Федерации. Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта». — URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/39/events/72811> (дата обращения: 24.11.2023).

⁵ Singh Rahul Sunilkumar. Why ChatGPT unavailable in Italy, Russia, China, North Korea? Hindustan Times. — URL: <https://www.hindustantimes.com/technology/why-chatgpt-unavailable-in-italy-russia-china-north-korea-101680425557119.html> (accesset: 30.11.2023).

⁶ Microsoft suspends new sales in Russia. — URL: <https://blogs.microsoft.com/on-the-issues/2022/03/04/microsoft-suspends-russia-sales-ukraine-conflict/> (accesset: 30.11.2023).

распространения ПО, когда, приобретая лицензию, пользователь получает безусловный доступ ко всем функциям покупаемого программного обеспечения. Аналогичным образом недоступен в России и генеративный сервис ИИ от компании Google LLC — Gemini. При попытке доступа к странице инструмента пользователь видит надпись на английском языке «Доступ к данному сервису в вашей стране отсутствует»⁷.

Отмечу важное обстоятельство: данные сервисы недоступны не в рамках какого-либо пакета санкций против неких органов и организаций, а также не в силу отсутствия в них поддержки русского языка. Все перечисленные сервисы генеративного искусственного интеллекта поддерживают русский язык, причем на достаточно хорошем уровне. При этом список стран, в которых обеспечивается официальная поддержка описанных сервисов, достаточно внушителен. Например, сервис Google Gemini официально поддерживается в 239 странах, что значительно больше, чем число государств — членов ООН (193 государства)⁸. В списке нет Республики Беларусь, Российской Федерации, КНДР и КНР. Однако, если отсутствие последних двух можно объяснить особенностями допуска цифровых сервисов к национальным сегментам сети Интернет, то как объяснить отсутствие доступа в России и Белоруссии, где компания Google предлагает и свой поисковый продукт, и аудио-видеосервис YouTube, и доступ к электронной почте, картографическому сервису, магазину приложений Google Play? Можно ли здесь применить аналогию из 1960-х годов, когда в США существовала сегрегация по расовому признаку и чернокожие граждане были лишены доступа к определенным услугам ввиду своего цвета кожи? Безусловно, аналогия не может быть прямой, но если общий набор сервисов Google это условно «автобус», куда могут войти все пользователи Сети в мире, то в рамках такого мысленного эксперимента, сервисы ИИ — это «первый ряд», куда официально запрещен доступ гражданам России.

Отмечу, что доступ запрещен не в каких-то единичных сервисах, а во всех наиболее популярных и имеющих ценность с точки зрения практического использования. При этом нельзя сослаться на техни-

ческую невозможность работы данных сервисов — ведь и Google, и Microsoft фактически продолжают работать в России. Кстати, поддержка работы такого сервиса, как YouTube, технически значительно сложнее и требует *больших* ресурсов, чем все сервисы доступа к ИИ, вместе взятые. Перечисленные факты усиливают тезис о том, что отсутствие доступа к таким услугам представляет собой, пользуясь терминологией антимонопольного законодательства, сговор, то есть соглашение или согласованные действия компаний, занимающих доминирующее положение на рынках цифровых услуг, по доступу к моделям генеративного искусственного интеллекта. Однако сговор, направленный не на манипулирование ценой, а на прекращение доступа к таким услугам по признаку гражданства или национальности. То есть имеет место целенаправленная дискриминация.

ИГРОВЫЕ СЕРВИСЫ

Безусловно, пример с сервисами генеративного ИИ показателен, но отнюдь не единственный. Менее известным, но, возможно, не менее драматичным для определенных категорий пользователей является дискриминация россиян в части доступа к различным игровым сервисам. В марте 2023 г. для граждан России была отключена возможность оплаты игр и услуг банковскими картами в популярном сервисе Steam компании Valve⁹. При этом оставшиеся доступными способы оплаты, например PayPal, прекратили работу и заблокировали доступ для жителей России¹⁰. Далее последовали ограничения доступа к большинству игр. В частности, сам сервис Steam остается доступным в России, однако цифровой каталог для граждан России значительно меньше, чем для граждан других стран¹¹.

Значительно дальше пошли в корпорации Sony Entertainment — в нарушение обязательств перед пользователями, оплатившими услуги сервиса, россиянам закрыли доступ к PlayStation Network, сетевому сервису для приобретения игр на игровых консолях компании, где сохраняется игровой прогресс и осуществляется социальное взаимодействие между

⁷ Gemini AI homepage. — URL: <https://support.google.com/gemini/answer/13575153?hl=en> (accessed: 28.06.2024).

⁸ Членский состав в Организации Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/unov/ru/faq.html#:~:text=%D0%92%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D1%89%D0%B5%D0%B5%20%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F%20%D0%B2%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2,%221> (дата обращения: 28.06.2024).

⁹ Valve отключила основные способы оплаты в Steam в России. — URL: <https://3dnews.ru/1061245/valve-otklyuchila-osnovnye-sposobi-oplati-v-steam-dlya-rossiyan> (дата обращения: 06.12.2023).

¹⁰ PayPal блокирует электронные кошельки россиян 18 марта. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5252270> (дата обращения: 06.12.2023).

¹¹ Как обойти санкции и покупать игры в Steam в России в 2023 г. — URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2023/04/14/16549735.shtml> (дата обращения: 28.06.2024).

игроками¹². Примечательно, что данный сервис был заблокирован не только в Российской Федерации, но и в Казахстане. В частности, заместитель министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан Асхат Оразбек озвучил ответ Sony Entertainment Network (именно эта компания непосредственно отвечает за поддержку PlayStation Network) на запрос о возможности разблокировки сервиса: «Поскольку граждане России имеют возможность открывать счета в наших отечественных банках, в настоящее время корпорация Sony не планирует открывать доступ к аккаунтам Sony PlayStation в нашем регионе, в Центральной Азии»¹³.

Аналогичным образом блокировке подверглись игровые сервисы Microsoft Xbox, которые предлагались как на игровых приставках, так и на персональных компьютерах. Любопытно, что в Microsoft объяснили этот факт «международно-правовыми санкциями»¹⁴.

В данном случае следует признать: санкционный режим в отношении российских банков действительно затрудняет доступ к таким услугам, поскольку они оказываются на платной основе и требуют проведения платежей в Россию и из России, что, безусловно, сопряжено с затруднениями. Однако это обстоятельство не может полностью объяснить отмену доступа для тех лиц, которые уже оплатили счет за соответствующую подписку, а также невозможность доступа к бесплатным сегментам соответствующих сервисов. В этом случае мысленный эксперимент, проведенный ранее, не может быть воспроизведен в полном объеме, однако следует отметить, что данные компании ничего не предпринимают для сохранения доступа

российских пользователей. Более того, компания Sony Entertainment нарушает права не только российских, но и казахских граждан.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, АУДИО-ВИДЕОСЕРВИСЫ

Не менее чувствительным для граждан России является процесс неправомерной блокировки аккаунтов в различных социальных сетях, аудио-видеосервисах и других зарубежных сайтах. В иностранной научной литературе данное явление получило название «деплатформинг» (deplatforming) [4], однако этот термин чаще используется в положительном смысле — как факт удаления аккаунтов, причиняющих вред пользователям. В отношении российских граждан деплатформинг зачастую проводится неизбирательно, без каких-либо юридических гарантий справедливого и всестороннего разбирательства и без возможности эффективно обжаловать такие действия платформ.

Например, в 2018 г. социальная сеть Twitter (в настоящее время X) проводила массовые удаления, блокировки и ограничения аккаунтов, использовавших кириллицу¹⁵. В 2020 г. Twitter удалила более тысячи аккаунтов, якобы связанных с Россией, за «распространение неоригинальной политической информации в интересах властей»¹⁶. В 2021 г. данная социальная сеть удалила 100 российских аккаунтов, действия которых были направлены на «ослабление стабильности и надежности НАТО»¹⁷.

Разумеется, X — не единственная социальная сеть, регулярно подвергающая россиян дискриминации. В частности, продукты компании Meta Platforms Inc. (далее — Meta)¹⁸ — социальные сети Facebook и Instagram — регулярно нарушают права российских граждан как путем установления дискриминационных правил, направленных против россиян, так и с помощью злоупотреблений, таких как временная или постоянная блокировка аккаунтов, запрет публикации для общего пользования, запрет оставлять комментарии и тому подобное.

¹² Романов Валерий. Как россиянам покупать игры на PlayStation в закрытом PS Store // Российская газета. — URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2022/03/15/14631253.shtml> (дата обращения: 06.12.2023).

¹³ Рудь Дмитрий. В Минцифры Казахстана объяснили, почему Sony не открывает PS Store в стране — из-за России // 3DNews. — URL: <https://3dnews.ru/1095876/v-mintsifry-kazakhstan-obyasnili-pochemu-sony-ne-otkryvaet-ps-store-v-strane-iz-za-rossii> (дата обращения: 06.12.2023).

¹⁴ Малышев Сергей. BD Microsoft объяснили причину массовой блокировки Xbox в России. — URL: <https://ura.news/news/1052649968#:~:text=%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%BA%20Xbox,%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%B1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D0%B1%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B0%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8> (дата обращения: 29.12.2023).

¹⁵ Шмырова Валерия. Twitter блокирует пользователей, пишущих кириллицей, как «русских троллей». — URL: https://www.cnews.ru/news/top/2018-05-23_twitter_blokiruet_vsehto_ispolzuet_kirilitsu (дата обращения: 29.12.2023).

¹⁶ Мильченко Ангелина. Это пропаганда: Twitter блокирует тысячи аккаунтов из РФ и КНР. — URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/06/12_a_13115815.shtml?ysclid=lqr5zycia1689559281 (дата обращения: 29.12.2023).

¹⁷ Twitter объявил о блокировке 100 связанных с Россией аккаунтов. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/603549629a7947cf3e3eae1d?from=copy> (дата обращения: 29.12.2023).

¹⁸ Компания Meta была признана экстремистской в Российской Федерации, ее деятельность запрещена на территории России.

В своей публичной риторике компания постоянно подчеркивает, что принимает значительные усилия для удаления контента, связанного с ненавистью, дискриминацией и насилием¹⁹. Однако, как известно, 11 марта 2022 г. генеральная прокуратура Российской Федерации обратилась с заявлением в Тверской районный суд о признании Meta Platforms Inc. экстремистской организацией и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации на основании того, что, согласно данным, подтвержденным заявлением пресс-секретаря Meta Platforms Энди Стоуна от 11 марта, в свете событий в Украине компания временно снимает в своих социальных сетях запрет для жителей ряда стран на размещение информации, содержащей призывы к насилию против российских граждан, в том числе военнослужащих²⁰. Примечательно, что спустя две недели после вынесения соответствующего решения пресс-секретарь компании признал, что были «ослаблены некоторые правила, которые в обычных условиях привели бы к блокировкам» [5]. Впрочем, соответствующие тенденции на интернет-платформах, принадлежащих Meta (что справедливо и в отношении других платформ, расположенных в США. — *Авт.*), отмечаются достаточно давно.

Одним из наиболее кульминационных моментов, связанных с ограничением доступа российских пользователей, были президентские выборы 2016 г., в результате которых пост президента США занял Дональд Трамп. После объявления результатов выборов работа социальных сетей и онлайн-платформ подверглась критике, в связи с чем проводились слушания в Конгрессе США, было инициировано расследование «вмешательства в выборы» [6]. Соответствующие обвинения привели к назначению специального прокурора Роберта Мюллера, который дал им оценку, ставшую предметом многочисленных дискуссий [7]. В результате политика социальных сетей и интернет-платформ значительно ужесточилась в отношении российских граждан, в первую очередь в части ограничения доступа к ним и распространения информации политического характера [7]. Представители интернет-платформ, в свою очередь, отрицали наличие фактов дискриминации и притеснения по признаку расы, пола, национальности или социальной группы в своей работе²¹.

¹⁹ Meta. Our Approach to Maintaining a Safe Online Environment in Countries at Risk. — URL: <https://about.fb.com/news/2021/10/approach-to-countries-at-risk/> (accessed: 30.12.2023).

²⁰ Генпрокуратура потребовала признать Meta экстремистской организацией. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/14041251> (дата обращения: 30.12.2023).

²¹ См., например: Ryan Mac. Mark Zuckerberg Promises Changes At Facebook While Declaring “Black Lives Matter”. — URL:

В результате ужесточения политики социальных сетей и интернет-платформ в 2018 г. более 270 аккаунтов и страниц в Facebook²² и Instagram²³ были удалены. Примечательно, что удаление аккаунтов не было связано с нарушением каких-либо правил, а объяснялось якобы связями с российскими нежелательными организациями²⁴. Право обжаловать такие действия предоставлено не было. Аналогичное удаление аккаунтов произошло в 2019 г.²⁵. В 2020 г. было объявлено об удалении 224 аккаунтов Facebook²⁶, 18 групп, 34 аккаунтов Instagram²⁷ за нарушение запрета на «использование социальной сети в интересах иностранного государства»²⁸.

Представляется, что подобную политику можно охарактеризовать как системную, поскольку она ведется на постоянной основе уже много лет. Однако какой-либо работы по действенной защите российских граждан не было даже в тот период, когда обращение в суды в США было реальной возможностью для представителей государственных органов и общественных организаций, занимающихся защитой прав российских граждан. В настоящее время подача таких исков крайне затруднена в результате санкций, что многократно усложнило процесс обжалования описанных обвинений и утверждений, которые, безусловно, можно расценивать как диффамационные [9].

Как известно, Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации» (далее — Закон № 236-ФЗ) не смог обеспечить эффективную защиту российских граждан. Аналогичный вывод можно сделать по результатам оценки эффективности мер, предусмотренных ч. 2 ст. 3.3 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах

<https://www.buzzfeednews.com/article/ryanmac/mark-zuckerberg-facebook-will-review-posts> (accessed: 30.12.2023).

²² Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

²³ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

²⁴ Shane Scott. Facebook Removes More Accounts Tied to Russian “Troll Factory”. — URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/03/business/facebook-russian-trolls-removed.html> (accessed: 30.12.2023).

²⁵ Facebook removes Africa accounts linked to Russian troll factory. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/oct/30/facebook-removes-africa-accounts-linked-russian-troll-factory-yevgeny-prigozhin> (accessed: 30.12.2023).

²⁶ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

²⁷ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

²⁸ Removing Coordinated Inauthentic Behavior. — URL: <https://about.fb.com/news/2020/09/removing-coordinated-inauthentic-behavior-russia/> (accessed: 30.12.2023).

воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (далее Закон № 272-ФЗ), которые предусматривают блокировки ресурсов, нарушающих право граждан Российской Федерации свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Логика, по которой ресурс подвергается блокировке в случае нарушения фундаментальных прав граждан, весьма спорна, поскольку речь идет о том, чтобы обеспечить равный и справедливый доступ к ресурсу в Сети, а не о том, чтобы лишить доступа к нему вообще всех граждан России. Необходим серьезный пересмотр мер и санкций, предусмотренных Законом № 272-ФЗ, так как процесс «цифровой отмены» граждан России не прекращается, права российских граждан в цифровой среде нарушаются систематически, регулярно и затрагивают большую долю населения, активного в Сети.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В современной системе международного права проблема дискриминации занимает важное место. Число международных правовых актов, запрещающих дискриминацию, достаточно велико. Отметим некоторые из них, применимые к рассматриваемым правоотношениям.

Статья 2 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. гласит: «2. Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете»²⁹.

В ст. 19 Всеобщей декларации прав человека указано, что каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает в себя свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Процитированные нормы означают, что право на доступ к информации, свободу искать, получать и рас-

пространять информацию относится к числу базовых и универсальных — все государства должны стремиться к тому, чтобы не допускать ущемления указанных прав. Нет никаких оснований считать, что доступ к различным информационным сервисам, которые используются для поиска, получения и распространения информации миллионами людей, может быть произвольно ограничен для граждан какого-либо государства так, чтобы такое прекращение оказания услуг, не имеющее веских причин финансово-экономического плана, не являлось бы нарушением норм международного права, запрещающих дискриминацию. Данный вывод усиливается тем фактом, что в упомянутых выше случаях услуги заблокированных после 24 февраля 2022 г. сервисов и интернет-платформ ранее беспрепятственно предоставлялись гражданам России. У многих из сервисов и интернет-платформ в России были свои представительства, их пользовательская база исчислялась миллионами, а порой и десятками миллионов человек. Их деятельность была интегрирована в цифровые рынки и играла важную роль в соответствующих секторах экономики России. Однако сейчас в некоторых случаях иностранные корпорации заходят так далеко, что ограничивают доступ к сервисам гражданам не только России, но и соседних стран, как это сделала компания Sony Entertainment, заблокировав сервис PlayStation Network на территории Казахстана.

Важно учитывать тот факт, что, несмотря на многочисленные затруднения для экономического взаимодействия между Россией и недружественными странами, в настоящее время отсутствуют полномасштабные технические препятствия для доступа к описанным сервисам и интернет-платформам — даже с учетом практически полного прекращения финансовых транзакций между Россией и такими государствами. Тем не менее в отношении россиян применяется самый широкий набор ограничительных практик, который когда-либо вводился в отношении граждан страны с высоким уровнем цифровизации и вовлеченности в мировую Сеть.

Для дальнейшей оценки процесса «отмены россиян» с точки зрения международного права следует обратиться к Резолюции Совета ООН по правам человека от 14 июля 2023 г. [10]. В этом документе особое значение имеет указание на то, что те же права, которые применяются в режиме офлайн, используются и в режиме онлайн. Не менее ценным для анализа является упоминание Руководящих принципов предпринимательской деятельности в аспекте прав человека (далее — Руководящие принципы), которые требуют, чтобы предприятия не допускали, чтобы их собственная деятельность вызывала неблагоприятное воздействие на права человека или способствовала ему, и устраняли такое воздействие по мере его воз-

²⁹ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 а (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.

никновения, а также чтобы предприятия стремились предотвращать или смягчать неблагоприятное воздействие на права человека, которое непосредственно связано с их деятельностью, продукцией или услугами в силу их деловых отношений, даже если они не способствовали такому воздействию [11].

Первым базовым принципом Руководящих принципов является то, что государства в пределах своей территории и/или юрисдикции должны обеспечивать защиту от нарушений прав человека третьими сторонами, включая предприятия. Это требует принятия необходимых мер, направленных на предупреждение и расследование таких нарушений, наказание за них и компенсацию ущерба посредством эффективной политики, законодательства, нормативного регулирования и судопроизводства.

Как видно из подробно описанных выше примеров, в отношении граждан России происходит нарушение ряда международных правовых актов и принципов, запрещающих дискриминацию по признаку расы и национальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящей статьи проанализировано понятие «цифровая отмена» и то, как это явление затронуло граждан России. Один из ключевых выводов: «цифровая отмена» граждан России является одной из крупнейших в XXI в. кампаний дискриминации населения какой-либо страны. Она направлена на то, чтобы всесторонне ограничить свободу искать, получать и распространять информацию и идеи для граждан России, что является грубейшим нарушением ст. 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и всех международно-правовых актов, принятых в развитие Декларации. Средством такого ограничения является произвольное и скоординированное по времени и охвату прекращение доступа к различным сервисам и интернет-платформам в беспрецедентном масштабе.

К сожалению, одна из самых крупных кампаний по дискриминации в цифровом пространстве не получила должного внимания как в научной литературе, так и в правозащитной среде. Данному обстоятельству есть ряд объяснений.

Во-первых, в отношении российского государства, государственных органов, общественных организаций, юридических лиц, должностных и физических лиц было введено рекордное число санкций и различных ограничений³⁰. Как отметил отставной

сотрудник Министерства финансов США Питер Пятецкий, «это финансовая ядерная война и крупнейшее санкционное событие в истории»³¹. Вполне естественно, что на фоне событий такого масштаба в центре внимания оказываются другие факторы, а не вопрос «цифровой отмены» граждан, нарушения их прав в виртуальном пространстве. Тем не менее необходимо прекратить те значительные злоупотребления, которые происходят в цифровой среде.

Во-вторых, еще одним аспектом, препятствующим восприятию фактов «цифровой отмены» россиян как единого события, которое следует характеризовать как кампанию по дискриминации граждан целого государства, является отсутствие эффективной системы защиты прав граждан в цифровом пространстве в национальном законодательстве России. Логика, предложенная законодателем в Законе № 272-ФЗ, когда в целях защиты права граждан свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом блокируется ресурс, который нарушает такое право, представляется крайне спорной. Такой механизм продемонстрировал свою неэффективность в вопросах противодействия «цифровой отмене».

Одним из ключевых выводов, которые следует сделать, оценивая сложившееся положение, является рекомендация по изменению действующего законодательства, а именно необходим пересмотр норм Закона № 272-ФЗ. В частности, необходимо расширить перечень мер, предусмотренных ст. 3.3 Закона № 272-ФЗ и направленных на устранение ограничений, установленных владельцем ресурса в сети Интернет, в распространении пользователями сети Интернет общественно значимой информации на территории Российской Федерации. В частности, целесообразно дополнить полномочия Роскомнадзора возможностью наложения штрафов (в том числе оборотных штрафов), обязать оказывать юридическую помощь гражданам и организациям в случае подачи ими исков о немедленном возобновлении оказания услуг (в том числе в судах иностранных государств), обращения в международные правозащитные организации.

Помимо перечисленных мер Закон № 272-ФЗ должен быть дополнен нормой, запрещающей нео-

erom-po-kolicestvu-vvedennyh-protiv-nee-sankcij (дата обращения: 04.01.2024).

³¹ Wadhams Nick. Russia Is Now the World's Most-Sanctioned Nation. — URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-07/russia-surges-past-iran-to-become-world-s-most-sanctioned-nation?utm_medium=social&utm_campaign=socialflow-organic&cmpid%3D=socialflow-twitter-politics&utm_content=politics&utm_source=twitter (accessed: 04.01.2024).

³⁰ Злобин Андрей. Россия стала мировым лидером по количеству введенных против нее санкций. — URL: <https://www.forbes.ru/society/458287-rossia-stala-mirovym-lid>

боснованное прекращение оказания цифровых услуг и сервисов компаниями, подпадающими под критерии, установленные ч. 1 ст. 4 Закона № 236-ФЗ. В свою очередь, под необоснованным прекращением предлагается понимать случаи, когда соответствующие услуги оказываются не менее чем в трех государствах, являющихся членами СНГ. Для таких компаний-нарушителей предлагается вводить штрафные санкции, которые будут начисляться возрастающим итогом до момента возобновления оказания услуг. Также предлагается установить возможность отмены соответствующих штрафов в случае возобновления оказания услуг в течение месяца с момента вынесения соответствующего постановления Роскомнадзора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. "Cancel Culture" Myth or Reality? // Pippa Norris 2023. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00323217211037023> (accessed: 06.12.2023).
2. (PDF) You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/344772779_You_are_Cancelled_Virtual_Collective_Consciousness_and_the_Emergence_of_Cancel_Culture_as_Ideological_Purging (accessed: 06.12.2023).
3. Pope Francis Denounces "Cancel Culture" and Antivaccine "Ideology". — WSJ [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.wsj.com/articles/pope-francis-denounces-cancel-culture-and-antivaccine-ideology-11641814583> (accessed: 06.12.2023).
4. (PDF) Mekacher A., Falkenberg M., Baronchelli A. The systemic impact of deplatforming on social media 2023. No 11 (2). P. 1–10. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgad346> (accessed: 28.06.2024).
5. (PDF) Dilemmas Between Freedom of Speech and Hate Speech: Russophobia on Facebook and Instagram in the Spanish Media. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/367443168_Dilemmas_Between_Freedom_of_Speech_and_Hate_Speech_Russophobia_on_Facebook_and_Instagram_in_the_Spanish_Media (accessed: 01.01.2024).
6. Influence of fake news in Twitter during the 2016 US presidential election | Nature Communications [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-07761-2> (accessed: 02.01.2024).
7. Report on The Investigation Into Russian Interference in The 2016 Presidential Election. Volumes I & II. (Redacted version of 4/18/2019)</i>. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/332522039_Report_On_The_Investigation_Into_Russian_Interference_in_the_2016_Presidential_Election_Volumes_I_II_Redacted_version_of_4182019i (accessed: 02.01.2024).
8. Why Russia's weaponization of social media will continue in 2020 — The Washington Post. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/11/18/how-russia-weaponized-social-media-got-caught-escaped-consequences/> (accessed: 02.01.2024).
9. Условия признания и приведения в исполнение иностранных решений по спорам с участием «подсанкционных» лиц в российской юрисдикции. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-priznaniya-i-privedeniya-v-ispolnenie-inostrannyh-resheniy-po-sporam-s-uchastiem-podsanktsionnyh-lits-v-rossiyskoy/viewer> (дата обращения: 02.01.2024).
10. UN General Council Resolution A/HRC/RES/53/29.
11. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Нью-Йорк; Женева, 2011. — URL: guidingprinciplesbusinesshr.ru PDF (www.ohchr.org).

REFERENCES

1. "Cancel Culture": Myth or Reality? // Pippa Norris. 2023. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00323217211037023> (accessed: 06.12.2023).
2. (PDF) You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/344772779_You_are_Cancelled_Virtual_Collective_Consciousness_and_the_Emergence_of_Cancel_Culture_as_Ideological_Purging (accessed: 06.12.2023).
3. Pope Francis Denounces "Cancel Culture" and Antivaccine "Ideology" — WSJ. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.wsj.com/articles/pope-francis-denounces-cancel-culture-and-antivaccine-ideology-11641814583> (accessed: 06.12.2023).
4. (PDF) Mekacher A., Falkenberg M., Baronchelli A. The systemic impact of deplatforming on social media 2023. No 11 (2). P. 1–10. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgad346> (accessed: 28.06.2024).
5. (PDF) Dilemmas Between Freedom of Speech and Hate Speech: Russophobia on Facebook and Instagram in the Spanish Media. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/367443168_Dilemmas_Between_Freedom_of_Speech_and_Hate_Speech_Russophobia_on_Facebook_and_Instagram_in_the_Spanish_Media (accessed: 01.01.2024).

6. Influence of fake news in Twitter during the 2016 US presidential election | Nature Communications. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-07761-2> (accessed: 02.01.2024).
7. Report on the Investigation Into Russian Interference in The 2016 Presidential Election. Volumes I & II. (Redacted version of 4/18/2019)</i>. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/332522039_Report_On_The_Investigation_Into_Russian_Interference_In_The_2016_Presidential_Election_Volumes_I_II_Redacted_version_of_4182019i (accessed: 02.01.2024).
8. Why Russia's weaponization of social media will continue in 2020 — The Washington Post [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/11/18/how-russia-weaponized-social-media-got-caught-escaped-consequences/> (accessed: 02.01.2024).
9. Usloviya priznaniya i privedeniya v ispolnenie inostrannykh reshenij po sporam s uchastiem "podsankcionnykh" lic v rossijskoj yurisdikcii. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-priznaniya-i-privedeniya-v-ispolnenie-inostrannykh-resheniy-po-sporam-s-uchastiem-podsanktsionnyh-lits-v-rossiyskoy/viewer> (data obrashcheniya: 02.01.2024).
10. UN General Council Resolution A/HRC/RES/53/29.
11. Rukovodyashchie principy predprinimatel'skoj deyatel'nosti v aspekte prav cheloveka. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. NY; Geneva, 2011. — URL: [guidingprinciplesbusinesshr_ru PDF \(www.ohchr.org\)](https://www.ohchr.org/documents/e/undocs/pdf/guidingprinciplesbusinesshr_ru.pdf).

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЕЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

PROSPECTS FOR THE INTEGRATION OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES INTO THE SPHERE OF PUBLIC ADMINISTRATION AS A MECHANISM FOR ITS RECONSTRUCTION

Азрет Анзорович НАХУШЕВ

Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Российская Федерация,
nakhushev.azret1938@gmail.com,
0009-0007-9527-5611 ORCID

Информация об авторе

А.А. Нахушев — студент Института юстиции Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Усовершенствование государственного управления в результате интеграции информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) должно стать приоритетной задачей органов государственной власти.

В данной статье автор рассматривает, как цифровизация и внедрение ИКТ со временем могут способствовать планомерному росту производительности труда государственных служащих, повышению эффективности и прозрачности функционирования государственных институтов, созданию условий для повышения устойчивой конкурентоспособности государства на международной арене.

Цель работы — определить сущность цифровой трансформации государственного управления; выяснить, какими преимуществами обладают ИКТ как вспомогательные элементы управленческого процесса; как они могут содействовать в борьбе с такими пороками современной системы государственной службы, как

- бюрократия, низкий уровень информационной безопасности, коррупция и т.д., и какие риски последуют за их повсеместным внедрением.
- Автор делает выводы, в которых освещаются наиболее важные аспекты исследуемой проблемы, достоинства и недостатки урегулирования управленческих процессов посредством интеграции цифровых технологий в административно-политическую сферу и результаты исследований, проведенных с использованием индекса корреляции коррупции и цифровизации (далее — CICD).

- **Ключевые слова:** цифровизация, государственное управление, цифровые технологии, информация, коррупция, государственная служба, информационно-коммуникационные технологии, ИКТ, управление, административно-политическая сфера, бюрократия

- **Для цитирования:** Нахушев А.А. Перспективы интеграции информационно-коммуникационных технологий в сферу государственного управления как механизм ее реконструкции // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 49–56; 10.17323/tis.2024.22298

Azret A. NAKHUSHEV

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia,
nakhushev.azret1938@gmail.com,
0009-0007-9527-5611 ORCID

Information about the author

A.A. Nakhushiev — student of the Institute of Justice of the
Saratov State Law Academy

Abstract. The improvement of public administration as a result of the integration of information and communication technologies (hereinafter — ICT) should become a priority task of public authorities.

In this article, the author examines how digitalization and the introduction of ICT over time can contribute to a systematic increase in the productivity of civil servants, increase the efficiency and transparency of the functioning of state institutions, and create conditions for increasing the sustainable competitiveness of the state in the international arena.

The purpose of the work is to determine the essence of the digital transformation of public administration; to find out what advantages ICTs have as auxiliary elements of the management process; how they can help in combating the evils of the modern public service system, such as bureaucracy, low level of information security, corruption, etc. and what risks will follow their widespread introduction.

The author draws conclusions that highlight the most important aspects of the problem under study, the advantages and disadvantages of regulating management processes through the integration of digital technologies into

the administrative and political sphere, and the results of research conducted using the corruption and digitalization Correlation Index (hereinafter — CICD).

Keywords: digitalization, public administration, digital technologies, information, corruption, public service, information and communication technologies, ICT, management, administrative and political sphere, bureaucracy

For citation: Nakhushev A.A. Prospects for the integration of information and communication technologies into the sphere of public administration as a mechanism for its reconstruction // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 49–56; 10.17323/tis.2024.22298

-

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В СФЕРУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Цифровизация — движущая сила развития, она вносит значительный вклад в модернизацию общества, экономики и трансформацию государственных институтов [1]. На современном этапе одним из основных результатов ее влияния на сферу государственного управления является создание электронного правительства. Оно выступает фактором переосмысления сферы государственной службы посредством интеграции цифровых технологий и новых методов управления информацией, направленным на расширение участия граждан в политической жизни страны и оптимизацию государственного аппарата. За увеличением количества доступных цифровых государственных услуг следуют снижение затрат государственных институтов и сокращение бюрократии.

На европейском уровне около двадцати различных базовых государственных услуг, таких как регистрация автомобиля, подача налоговых деклараций, регистрация юридического лица, с 2010 г. стали доступны онлайн на 82% [2].

Существует зависимость между цифровизацией и эффективностью работы государственных учреждений, так как они друг друга взаимообуславливают. В среднесрочной и долгосрочной перспективе интеграция цифровых технологий в большинство процессов оптимизирует «коэффициент полезного действия» за счет сокращения рабочего времени и расходов на бюрократию, снижения коррупциогенного фактора, а также улучшения качества услуг.

Также необходимо отметить, что цифровизация является одним из критериев обеспечения устойчивой конкурентоспособности государства. В последние несколько десятилетий развитые страны использовали цифровые технологии в качестве ресурса для предоставления государственных услуг и инструмента для реконструкции государственного сектора [3].

Департамент Организации Объединенных Наций
по экономическим и социальным вопросам в 2003 г.
для оценки состояния стран с точки зрения интенсификации

фикации процесса внедрения электронного правительства во всем мире разработал Индекс развития электронного правительства (EGDI), согласно которому по состоянию на 2022 г. РФ находится в группе стран с очень высоким индексом (VNEGDI) [4]. Первую строчку таблицы занимает Дания, которая одной из первых в Европейском Союзе начала реализацию государственной политики по формированию электронного правительства.

Весной 2021 г. датское правительство запустило проект «Партнерство по цифровизации», в который вошли топ-менеджеры и эксперты из датского делового, исследовательского и научного сообщества, представители органов власти Дании и т.д. В октябре 2021 г. Партнерство представило 46 рекомендаций по тому, как Дания может оптимизировать работу государственного аппарата посредством внедрения новых цифровых технологий [5]. В рекомендациях содержатся инициативы, направленные на обеспечение эффективного функционирования и взаимодействия государственного и частного секторов.

В мае 2022 г. правительство утвердило новую национальную стратегию цифровизации, основанную на упомянутых выше рекомендациях, в которой определены основные направления цифрового развития Дании на 2022–2030 гг. [6]. Целями данной стратегии помимо прочего являются: цифровая трансформация малого и среднего бизнеса, упрощение административных процедур при представлении отчетности властям хозяйствующими субъектами, расширение использования искусственного интеллекта в сфере государственного управления, а также формирование законодательства, способного отвечать вызовам стремительно развивающихся цифровых технологий.

Человеческий капитал Дании занимает 7-е место среди стран ЕС по доступности цифровых технологий среди населения. 71% датчан обладают цифровыми навыками, из них почти 50% — базовыми навыками. Доля специалистов в сфере ИКТ в 2018 г. достигла 4,4%, что выше, чем уровень в ЕС в целом (3,7%). Проект «Цифровые навыки для всех» — одно из шести стратегических направлений плана развития человеческого капитала в Дании [7].

Учитывая специфику и практическое значение цифровых преобразований в Дании, мы можем надеяться, что по мере их постепенного воплощения в России кратно ускорится процесс пресечения онтогенеза коррупции и бюрократии и повысится качество государственного управления. Но до начала реализации подобных преобразований необходимо унифицировать нормативно-правовую основу регулирования цифровых технологий.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕЕ РАЗВИТИЯ

В настоящее время, как представляется, правовую базу регулирования цифровых технологий в России нельзя считать сформированной.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» Правительство РФ сформировало национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации». Одной из ее задач было внедрение цифровых технологий в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства [8].

Как отмечают профессора Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, данная программа не в полной мере учитывает трансформации, происходящие в наши дни как в самом праве, так и в сфере правового регулирования, в том числе под воздействием цифровизации [9]. По их мнению, из-за отсутствия соответствующих научных разработок, объясняющих влияние процесса цифровизации на право, видение разработчиков Программы ограничивается «традиционным», «нецифровым» пониманием права, юридических технологий и отдельных видов юридической деятельности.

Помимо прочего следует отметить внесение в Гражданский кодекс РФ дополнений, в частности ст. 141.1 «Цифровые права» [10]; принятие нормативных правовых актов, направленных на легитимизацию воздействия цифровых технологий на судопроизводство и нотариат, и т.д.

Инициативы по распространению цифровизации стали катализаторами в достижении согласованного функционирования институтов государственной власти, а также способствовали улучшению внутренней интеграции, то есть конструктивному влиянию на организацию процесса управления. Так или иначе, анализ курса, заданного на адаптацию национального законодательства к происходящим технологическим изменениям, позволяет говорить об осознании важности правового урегулирования цифрового пространства.

АНАЛИЗ СТРАТЕГИИ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПЛОСКОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В рамках обсуждаемой темы следует обратить внимание на построение стратегии экстраполяции циф-

ровых технологий на деятельность субъектов государственной службы. Так, необходимо рассмотреть следующие инструменты цифровой модернизации.

Повышение уровня информационной безопасности и установление доверия к государству посредством внедрения технологии «квантового блокчейна»

Особый интерес на сегодняшний день проявляется к возможному применению блокчейна и технологии распределенного реестра в сфере государственного управления для повышения безопасности, прозрачности и установления доверия.

Блокчейн — это система для записи деталей транзакций активов в нескольких местах одновременно, без центрального хранилища данных или функций администрирования. Данная система апеллирует двумя криптографическими инструментами: электронно-цифровой подписью и механизмом установления консенсуса, основанным на криптографических хэш-функциях.

А квантовый блокчейн, в свою очередь, характеризуется тем, что его криптографические функции построены на квантово-устойчивых математических инструментах, и это позволяет значительно повысить уровень защиты трансфера данных. Необходимость разработки квантового блокчейна обусловлена появлением квантовых вычислительных устройств, производительность которых позволяет добиться высоких результатов в факторизации и дискретном логарифмировании, что делает их способными обходить алгоритмы современных систем безопасности [11].

Таким образом, с учетом перспективности квантовизации можно надеяться, что разработка и внедрение квантового блокчейна оптимизируют механизм противодействия нежелательному влиянию на информационную среду государства и создадут новую инфраструктуру, которая могла бы гарантировать надежный обмен информацией.

Влияние интеграции цифровых технологий на сокращение бюрократии

Сокращение бюрократии подразумевает развитие процесса внутреннего дерегулирования, что в современном политическом дискурсе приобретает значение переноса центра принятия решений на более низкие уровни управления.

Уровень бюрократии, по мнению профессора Университета Спиру Харет Люминиты Ионеску, изменяется «параллельно» уровню концентрации коррупции в сфере государственного управления. Из этого следует, что цифровизация, постепенно ликвидируя бюрократию, оказывает существенное воздействие и на коррупциогенные факторы [12].

Необходимость переосмысления административного регулирования обусловлена тем фактом, что менее бюрократизированная среда порождает креативность, производительность и инициативность. Кроме того, развитие новых технологий, включая искусственный интеллект, распространение использования цифрового управления, оборот и анализ больших данных, требует от органов государственной власти гибкости, эффективности и восприимчивости к глобальным изменениям, что в перспективе приводит к сокращению бюрократии.

Информационная грамотность государственных служащих

Отмечая значимость информационной культуры в современном обществе, следует говорить о необходимости ее освоения должностными лицами системы государственного управления в целях недопущения сбоя информационных систем в результате цифровых атак и потери (утраты/хищения) данных.

С учетом специфики объекта информационной культуры применительно к деятельности системы государственного управления можно предположить, что по мере овладения ей должностные лица достигнут определенной степени информационной зрелости, что повлияет на эффективность функционирования государственных институтов.

Следовательно, цифровая реконструкция государственного управления, презумирующая наличие у государственных служащих знаний, умений, навыков получения, ранжирования, обработки, передачи, хранения и иного использования данных на цифровых носителях (а также знаний об автоматизированных информационных системах, способах обеспечения информационной безопасности), в том числе персональных данных и прочих информационно-цифровых навыков, становится необходимостью [13].

Развитие «сетевой демократии» в рамках электронного правительства

Сетевая (электронная, виртуальная) демократия позиционируется как форма демократии, предполагающая использование ИКТ в политических процессах, процессах управления, принятия политических решений. Обоснованием ее внедрения является потенциал новейших коммуникационных технологий в реформировании существующих управленческих методик путем привнесения новых практик прямого народовластия в демократические политические системы [14].

Электронное правительство главным образом должно способствовать упрощению процесса предоставления органами государственной власти информации и услуг заинтересованным лицам (гражданам,

предприятиям и т.д.) через интернет или другие цифровые платформы. Сетевая демократия, в свою очередь, сосредоточена на использовании ИКТ, в частности интернета, для совершенствования и облегчения течения демократических процессов. Она является неотъемлемой частью электронного правительства и делает упор на вовлечение граждан в политическую жизнь государства.

В качестве примера упомяну разработанную с участием шотландского парламента систему подачи онлайн-петиций [15]. Функциональность данной системы позволяет создавать петиции; подавать петиции; просматривать/подписывать петиции; принимать участие в онлайн-обсуждениях; добавлять комментарии за или против каждой электронной петиции; отслеживать ход рассмотрения петиции.

Субъектный состав системы электронных петиций состоит из трех категорий лиц: петиционеров, подписантов и публично-правовых образований, которым адресуются петиции (правительство, парламент, органы местного самоуправления и др.).

Данный пример позволяет говорить о том, что интеграция ИКТ в политическую сферу обеспечивает оптимизацию демократических процессов, укрепляя цифровые связи между гражданами и органами государственной власти.

РИСКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Интеграция новых цифровых технологий, топологий сети, применение альтернативных аналитических методов имеет огромный потенциал. Характерной чертой цифрового государственного управления является высокая интенсивность кардинальных изменений, которая преобразует устоявшиеся социальные и экономические отношения. Несомненно, развитие цифровизации оказывает положительное влияние на все сферы жизни общества, однако оно также таит в себе всевозможные риски.

Рассмотрим риски, связанные с внедрением цифровых технологий [16].

• Киберпреступность

Стремительно растущей угрозой является киберпреступность. Применение цифровых технологий в различных сферах приводит к накоплению рисков в условиях конвергенции сложных механизмов. Опасность заключается в возможной дезорганизации информационного пространства, краже данных и мошенничестве. Деятельность злоумышленников, совершающих подобного вида преступления, носит транснациональный характер, и при использовании современных технологий трудно вычислить их лич-

ность. Объектом таких общественно-опасных деяний в основном является информация, важный ресурс в постиндустриальном обществе. Уничтожение, кража и доступ к информации могут привести к крайне неблагоприятным последствиям.

• Концентрация цифровых технологий в руках небольшого круга лиц

Информационный рынок может перейти в олигополистическое состояние, если факторы производства будут сосредотачиваться в руках небольшого круга лиц.

На примере Австралии можно рассмотреть, как у рынка услуг цифровых платформ формируется тенденция к ограничению конкуренции. В 2022 г. Австралийская комиссия по вопросам конкуренции и защиты потребителей опубликовала четвертый промежуточный отчет об исследовании интенсивности конкуренции на рынке предоставления услуг цифровыми платформами. Было обнаружено, что онлайн-рынки имеют высокий уровень контроля транзакций между контрагентами на своих платформах. Гибридные маркетплейсы отображают и ранжируют собственные товары интенсивнее, чем товары иных продавцов, использующих их платформу. Гибридные торговые площадки, как и другие вертикально интегрированные цифровые платформы, сталкиваются с конфликтами интересов и действуют таким образом, чтобы продвинуть свои продукты в ущерб другим хозяйствующим субъектам [17].

• Отставание нормативно-правовой базы от технологического развития [18]

Одним из примеров подобного отставания является факт расхождения юридической интерпретации с фактически совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных сетей преступлениями.

Например, в странах Латинской Америки отсутствует конкретная правовая позиция по вопросу законодательного урегулирования оборота криптовалюты, которая на современном этапе начала оказывать значительное влияние на мировую финансовую систему [19].

В 2016 г. в Мексике была выдвинута инициатива под названием «Закон о финансовых технологиях» (Fintech Law), которая охватывает сферу финансирования электронных платежей и краудфандинг, а также операции с виртуальными активами [20]. Однако, несмотря на одобрение этого закона, многие подвергли его критике. По словам бывшего генерального директора Банка международных расчетов Агустина Карстенса, этот закон не имеет прочных оснований для реализации [21], а по мнению Нестора Лопеса, профессора Школы банковского дела и коммерции, содержит пробелы — как в аспекте контроля за незаконным оборотом криптовалют, так и в плане налогообложения, поскольку не предусматривает взимания

налогов за краудфандинговую деятельность и не дает никаких гарантий субъектам, рассматривающим его как инвестиционный механизм [22].

- *Угроза конституционным правам человека*

Приоритетом в рамках регулирования отношений в цифровой среде являются в первую очередь права и законные интересы каждого гражданина, условием реализации которых выступают сохранение баланса интересов личности, общества и государства, а также поддержание общественной нравственности и социального порядка.

Конституция Российской Федерации, согласно пункту «м» ст. 71, закрепляя в ведении Российской Федерации «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных», вместе с тем исходит из того, что государство должно создавать условия для безопасного развития человека и гражданина, при этом сохраняя возможность полноценной реализации прав и свобод.

Таким образом, процесс интеграции информационно-коммуникационных технологий в сферу государственного управления с учетом «галопирующего» характера развития цифровых систем должен быть основан на риск-ориентированном подходе, принципах прагматизма и прогнозирования. Необходимы также анализ возможных социальных рисков и моделирование последствий цифровизации в целях защиты основополагающих, в том числе цифровых, прав человека.

В докладе «О положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве РФ» членами Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее — СПЧ) [23] и приглашенными экспертами была отмечена возможность и осуществимость «цифровой альтернативы», подразумевающей компромисс между сохранением в России конституционной модели правового государства и проведением глобальных технологических трансформаций. Исходя из тезисов, декларируемых в докладе СПЧ, релевантным шагом в сложившихся условиях представляется выработка и закрепление в законодательстве российской модели цифровизации, защищающей права граждан и национальный суверенитет, а также обеспечивающей ее общественную поддержку и институциональную базу.

Комплекс указанных выше превентивных мер направлен на недопущение перехода концепции цифровизации в плоскость радикального технологического детерминизма, характеризующегося:

- тотальной исчислимостью, количественной редукцией элементов частной и общественной жизни человека;

- полной предсказуемостью и фактической безальтернативностью трендов общественного развития;
- тотальным контролем условий человеческого и общественного бытия [23].

Бесспорно, результатами перехода к новому технологическому устройству и широкому применению цифровых технологий являются достижение конкурентоспособности на международной арене, улучшение качества жизни населения и перераспределение приоритетов.

Однако переход невозможен без учета сопутствующих рисков. Чтобы свести их к минимуму, необходимы качественный анализ и комплексное изучение этих рисков.

Итак, перед государством стоит важнейшая задача — не препятствовать интеграции новых технологий и в то же время держать в поле зрения риски, связанные с развитием цифровых трендов. На этапе цифровой трансформации новые технологии интегрируются в политику, создавая перспективы для реализации качественно новых концепций государственного управления, которые не могут быть реализованы без использования этих технологий.

Отвечая на вопрос, оправданы ли риски, которые берет на себя государство при интеграции цифровых технологий, мы должны согласиться с тем, что если риски будут должным образом идентифицированы, то негативные последствия можно минимизировать. И только таким образом, минимизируя риски, можно добиться высокого уровня поступательного развития.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, следует согласиться с тем, что будущее общества, демократии и государства — за цифровыми технологиями. Цифровизация государственной службы является стратегической целью. Страны, которые не уделяют приоритетного внимания сквозной интеграции цифровых технологий в сферу экономики, политики и государственного управления, рискуют стать аутсайдерами на международной арене.

Итоги исследований, проведенных с использованием CИCD, показывают взаимозависимость в 89,7%, подтверждающую в перспективе, что, чем выше уровень интеграции новых технологий, тем выше качество государственного управления [24].

Обобщая сказанное выше о перспективах электронного правительства, можно заключить, что интеграция новых технологий является лучшим показателем контроля коррупции и бюрократии, также свидетельствующим о том, что оцифрованные, менее коррумпированные государственные системы сделали экономику более конкурентоспособной.

Резюмируя результаты исследования поставленных в статье проблем, сделаем некоторые общие выводы. За внедрением электронного правительства и цифровой реконструкцией государственного управления следуют:

- 1) ускоренное и массовое проникновение цифровых технологий в систему государственной службы;
- 2) существенное повышение уровня информационной безопасности;
- 3) повышение степени доступности услуг государственных институтов;
- 4) значительное снижение уровня коррупции.

Как показано в статье, цифровизация порождает новые формы координации, новые управленческие механизмы и типы централизованных институциональных процессов, новые социальные модели, новые методы и средства для проведения реформ в сфере государственного управления, а также новый тип ценностей для общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Введение в «цифровую» экономику / А.В. Кешелава, В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А.В. Кешелава. М.: ВНИИГеосистем, 2017. С. 6.
2. Индикаторы ЕС: 20 базовых государственных е-услуг. [Электронный ресурс]. — URL: Интернет-издание о высоких технологиях (cnews.ru) (дата обращения: 13.11.2023).
3. Schou J., Hjelholt M. Digitalization and Public Sector Transformations. Publisher Palgrave Macmillan, 2018. P. 40–41.
4. 2022 E-Government Development Index. [Elektronnyj resurs]. — URL: Data Center (un.org) (accessed: 25.01.2024).
5. The Danish Government Digitisation Partnership. [Elektronnyj resurs]. — URL: The Danish Government Digitisation Partnership (digst.dk) (accessed: 26.01.2024).
6. National Strategy for Digitalisation. [Elektronnyj resurs]. — URL: National Strategy for Digitalisation (digst.dk) (accessed: 26.01.2024).
7. Digital Economy and Society Index (DESI) 2019. [Elektronnyj resurs]. — URL: Digital Economy and Society Index (DESI) 2019 | Shaping Europe's digital future (europa.eu) (accessed: 31.01.2024).
8. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7) // СПС «Гарант».
9. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 89.
10. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
11. Кронберг Д.А. Киктенко Е.О., Федоров А.К., Курочкин Ю.В. Анализ уязвимости когерентного протокола квантовой криптографии к атаке методом активного светоделителя // Квантовая электроника. 2017. № 2. С. 163.
12. Ionescu L., Lazaroiu G., Iosif G. Corruption and bureaucratie in public services // Amfiteatru Economic Journal. 2012. Iss. special No 6. P. 666.
13. Смагина Т.А. Информационная культура сотрудников субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как условие эффективного использования автоматизированных информационных систем // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 126–127.
14. Macintosh A. Characterizing E-Participation in Policy-Making // Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences. 2004. P. 2.
15. Petitions. [Elektronnyj resurs]. — URL: Petitions | Scottish Parliament Website (accessed: 25.01.2024).
16. Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2022. С. 31.
17. Digital platform services inquiry — March 2022 interim report. [Elektronnyj resurs]. — URL: Digital platform services inquiry — March 2022 interim report | ACCC (accessed: 25.01.2024).
18. Цифра и право. [Электронный ресурс]. — URL: Цифровизация спотыкается о законодательные барьеры | Инструменты на РБК+ Санкт-Петербург и область (rbc.ru) (дата обращения: 13.11.2023).
19. Delva Benavides J. Mora Hernández A. The Deficient Role of Latin America in Regulation of Cryptocurrency // SINTEZA. 2018. P. 142–143.
20. El sector Fintech y su regulación en México. [Elektronnyj resurs]. — URL: El sector Fintech y su regulación en México | Secretaría de Hacienda y Crédito Público | Gobierno | gob.mx (www.gob.mx) (accessed: 25.01.2024).
21. Proyecto de ley de México no reconoce a Bitcoin como moneda legal [Elektronnyj resurs]. — URL: Proyecto de ley de México no reconoce a Bitcoin como moneda legal — DiarioBitcoin (accessed: 25.01.2024).
22. Ya tenemos Ley Fintech, pero con vacíos en lavado y fraude [Elektronnyj resurs]. — URL: Por fin llega la Ley Fintech, pero con vacíos en lavado y fraude (forbes.com.mx) (accessed: 25.01.2024).
23. Доклад СПЧ о положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве

- РФ. [Электронный ресурс]. — URL: СПЧ подготовил доклад о положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве РФ (president-sovet.ru) (дата обращения: 16.04.2024).
24. Громов И.А. Влияние цифровых решений в области государственных и муниципальных услуг на восприятие коррупции // Известия СПбГЭУ. 2019. № 6 (120). С. 177.

REFERENCES

1. Vvedenie v "Cifrovuyu" e`konomiku / A.V. Keshelava, V.G. Budanov, I.D. Dmitrov et al. VNII Geosistem. 2017. S. 6.
3. Indikatory` ES: 20 bazovy`x gosudarstvenny`x e-uslug. [Elektronny`j resurs]. — URL: Online publication about high technologies (CNews.ru) (data obrashheniya: 13.11.2023).
3. Schou J., Hjelholt M. Digitalization and Public Sector Transformations. Publisher Palgrave Macmillan, 2018. P. 40-41.
4. 2022 E-Government Development Index. [Elektronny`j resurs]. — URL: Data Center (un.org) (accessed: 25.01.2024).
5. The Danish Government Digitisation Partnership. [Elektronny`j resurs]. — URL: The Danish Government Digitisation Partnership (digst.dk) (accessed: 26.01.2024).
6. National Strategy for Digitalisation. [Elektronny`j resurs]. — URL: National Strategy for Digitalisation (digst.dk) (accessed: 26.01.2024).
7. Digital Economy and Society Index (DESI) 2019. [Elektronny`j resurs]. — URL: Digital Economy and Society Index (DESI) 2019 | Shaping Europe's digital future (europa.eu) (accessed: 31.01.2024).
8. Pasport nacional`nogo proekta Nacional`naya programma "Cifrovaya e`konomika Rossijskoj Federacii" (utv. protokolom zasedaniya prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i nacional`ny`m proektam ot 4 iyunya 2019 g. № 7) // SPS "Garant".
9. Xabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Pravo v usloviyax cifrovoy real`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. No 1 (253). S. 89.
10. Federal`ny`j zakon ot 18 marta 2019 g. No 34-FZ "O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i st. 1124 chasti tret`ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" // SPS "Garant".
11. Kronberg D.A., Kiktenko E.O., Fedorov A.K., Kurochkin Yu.V. Analiz uyazvimosti kogerentnogo protokola kvantovoj kriptografii k atake metodom aktivnogo svetodelitelya // Kvantovaya elektronika. 2017. No 2. S. 163.
12. Ionescu L., Lazaroiu G., Iosif G. Corruption and bureaucracy in public services // Amfiteatru Economic Journal. 2012. Iss. special No 6. P. 666.
13. Smagina T.A. Informacionnaya kul`tura sotrudnikov sub`ektov sistemy` profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnix kak uslovie e`ffektivnogo ispol`zovaniya avtomatizirovanny`x informacionny`x sistem // Pravovaya politika i pravovaya zhizn`. 2022. No 4. S. 126–127.
14. Macintosh A. Characterizing E-Participation in Policy-Making // Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences. 2004. P. 2.
15. Petitions. [Elektronny`j resurs]. — URL: Petitions | Scottish Parliament Website (data obrashheniya: 25.01.2024).
16. Xolodenko Yu.A. Cifrovaya transformaciya gosudarstvennogo upravleniya: vozmozhnosti i riski // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. 2022. S. 31.
17. Digital platform services inquiry — March 2022 interim report. [Elektronny`j resurs]. — URL: Digital platform services inquiry — March 2022 interim report | ACCC (data obrashheniya: 25.01.2024).
18. Cifra i parvo. [Elektronny`j resurs]. — URL: Цифровизация спотыкается о законодательные барьеры | Инструменты на РБК+ Санкт-Петербург и область (rbc.ru) (data obrashheniya: 13.11.2023).
19. Delva Benavides J., Mora Hernández A. The Deficient Role of Latin America in Regulation of Cryptocurrency // SINTEZA. 2018. P. 142-143.
20. El sector Fintech y su regulación en México [e`lektronny`j resurs]. — URL: El sector Fintech y su regulación en México | Secretaría de Hacienda y Crédito Público | Gobierno | gob.mx (www.gob.mx) (accessed: 25.01.2024).
21. Proyecto de ley de México no reconoce a Bitcoin como moneda legal. [Elektronny`j resurs]. — URL: Proyecto de ley de México no reconoce a Bitcoin como moneda legal — DiarioBitcoin (accessed: 25.01.2024).
22. Ya tenemos Ley Fintech, pero con vacíos en lavado y fraude. [Elektronny`j resurs]. — URL: Por fin llega la Ley Fintech, pero con vacíos en lavado y fraude (forbes.com.mx) (accessed: 25.01.2024).
23. Doklad SPCh o polozhenii del s pravami i svobodami cheloveka i grazhdanina v cifrovom prostranstve RF [e`lektronny`j resurs]. — URL: СПЧ подготовил доклад о положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве РФ (president-sovet.ru) (data obrashcheniya: 16.04.2024).
24. Gromov I.A. Vliyaniye cifrovyy`x reshenij v oblasti gosudarstvenny`x i municipal`ny`x uslug na vospriyatiye korrupcii // Izvestiya SPbGE`U. 2019. No 6 (120). S. 177.

Научная статья

УДК: 347.771

DOI: 10.17323/tis.2024.22299

Original article

ПОСТРОЕНИЕ И АВТОМАТИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРАВАМИ НА ТЕХНОЛОГИИ DESIGN AND AUTOMATION OF BUSINESS PROCESSES FOR TECHNOLOGY RIGHTS MANAGEMENT

Виктор Борисович НАУМОВ

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация,
e-mail: nau@russianlaw.net,
ORCID: 0000-0003-3453-6703

Информация об авторе

В.Б. Наумов — главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, управляющий партнер офиса в Санкт-Петербурге юридической фирмы Nextons, руководитель проекта «Сохраненная культура», доктор юридических наук

Аннотация. Обобщен обширный многолетний опыт реализации проектов по созданию систем управления интеллектуальной собственностью и правами на технологии в крупных российских промышленных, технологических и финансовых холдингах. Представлена и проанализирована методология управления интеллектуальной собственностью и приведены ее основные объекты, даны характеристики процессов принятия решения в сфере управления нематериальными активами и приведены примеры автоматизации соответствующих бизнес-процессов. Рассмотрены теоретико-правовые вопросы охраны прав на технологии.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, технологии, культура управления, риски, бизнес-процессы, автоматизация

- Для цитирования: Наумов В.Б. Построение и автоматизация бизнес-процессов управления правами на технологии // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 57–69; DOI: 10.17323/tis.2024.22299

Victor B. NAUMOV

- State and Law Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
- e-mail: nau@russianlaw.net,
- ORCID: 0000-0003-3453-6703

Information about the author

- V.B. Naumov — Principal Researcher of the Information Law and International Information Security Sector, Managing Partner of the St. Petersburg office of Nextons law firm, Head of the “Preserved Culture” Project, Doctor of Legal Sciences

- **Abstract.** The article summarizes extensive long-term experience in implementing projects to create systems for managing intellectual property and technology rights in large Russian industrial, technological and financial holdings. The methodology of intellectual property management is presented and analyzed and its main objects are given, the characteristics of decision-making processes in the field of intangible assets management are given and examples of automation of relevant business processes are given. Theoretical and legal issues of technology rights protection are considered.

Keywords: intellectual property, technologies, management culture, risks, business processes, automation

For citation: Naumov V.B. Constructing and automating business processes for technology rights management // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 57–69; DOI: 10.17323/tis.2024.22299

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРИРОДЕ
ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В последнее десятилетие стратегическое и операционное управление нематериальными активами реализуется в условиях возрастающих информационных потоков, где человек не в состоянии ориентироваться в огромном объеме информации и знаний, теряется в определении приоритетов при принятии решений и нуждается в постоянно обновляемых знаниях, освоить которые становится все менее реально.

Управленческая деятельность в условиях изменений в таких критических обстоятельствах может становиться либо «рефлексией» — реакцией на последние изменения, либо «механистической алгоритмизацией», когда через «прокрустово ложе» утвержденных процессов и регламентов пытаются провести нестандартные ситуации. Но чаще всего кризис управления выражается в бездействии, нередко сопровождаемом грамотной пиар-активностью, отвлекающей от реальных проблем управления активами.

В статье речь пойдет о практических организационных и междисциплинарных вопросах определения методологии эффективного управления правами на интеллектуальную собственность (ИС) и технологии, преимущественно ориентированной на крупный бизнес.

Эта проблематика представляется одним из самых актуальных направлений развития бизнеса, особенно в современных условиях цифровой трансформации, когда количество объектов ИС растет экспоненциально, программный код становится основой видоизмененных бизнес-процессов, нехватка квалифицированных человеческих ресурсов и их «текучесть» наряду с возрастающей ролью технологий искусственного интеллекта создают объективные условия, в которых крайне сложно «вручную» принимать управленческие решения в сфере оборота ИС и технологий.

Упомянутые технологии искусственного интеллекта сейчас служат генерации еще большего количества информации и информационных объектов, которые начинают вызывать смещение с объектами, созданными интеллектуальным трудом человека, и учет информации о них при их использовании в то-

варах и услугах, особенно цифровых, также становится обязательным при организации процессов по управлению ИС и правами на технологии. Нужно признать, что предметные информационные отношения в сфере коммерческого оборота сгенерированных информационных продуктов наряду с необходимостью изменения законодательства заслуживают отдельной дискуссии¹. Не касаясь этих вопросов, автор считает необходимыми создание «зон, свободных от искусственного интеллекта», [1] и введение обязательной идентификации и маркировки всего, к чему «прикасаются» эти технологии [2].

Важно осознавать, что вся сфера оборота объектов ИС и принятия управленческих решений по защите, оценке и распоряжению активами является междисциплинарной и требует обширных знаний профессионалов из различных областей, что осложняет принятие правильных решений и вынуждает создавать специальные механизмы взаимодействия специалистов и руководителей различных бизнес-подразделений.

Нельзя также не признать, что для бизнеса узкоспециализированная информация и знания каждого по отдельности из участвующих специалистов — от юристов до «продажников», от бухгалтерии и финансистов до кадровиков — не представляют большой ценности; обычному бизнесу важны либо безрисковые или обладающие невысокими рисками решения по получению максимальной прибыли напрямую от продажи объектов, либо решения, увеличивающие стоимость активов и бизнеса, например, за счет их грамотной юридической защиты.

Бизнес также может быть совершенно (увы!) безразличен к юридическим коллизиям и проблематике права интеллектуальной собственности, и ему свойственно рассматривать свою деятельность не в базовых категориях системы части четвертой Гражданского кодекса РФ, а с учетом экономической природы отношений, когда обычно используются не отдельные результаты интеллектуальной деятельности, а технологии, состоящие из множества объектов ИС и иной информации.

Поэтому автор, исследуя одновременно в настоящей статье и ИС, и технологии, придерживает-

ся позиции, что важной особенностью управления нематериальными активами и принятием решений о распоряжении ими в бизнесе является идея об управлении и ИС, и технологиями как частным и целым соответственно.

Для целей настоящей работы технологии можно определить как комплекс технических решений, инженерных, научных и иных знаний (включая объекты интеллектуальной собственности), а также процессов и операций, реализация которых приводит к созданию продуктов и/или услуг, предназначенных для их дальнейшего оборота.

Как только от юридических и иных знаний осуществляется переход к экономическим категориям, сфера управления ИС становится понятной собственникам и руководителям компаний и предприятий и органично «вписывается» в современную систему проблем и задач, стоящих перед ними — от упомянутой цифровой трансформации и извлечения прибыли до противодействия санкционному давлению.

Междисциплинарность управления ИС и правами на технологии определяет потребности в самой разной экспертизе, зачастую далекой от юриспруденции, которая носит преимущественно прикладной характер.

Так, собственники и руководители бизнеса оперируют категориями рисков, и для методологии управления ИС и правами на технологии важно дать им инструменты качественной и количественной оценки рисков, без которых им, не владеющим тонкостями и нюансами проблематики, не чувствующим «оттенков» правоприменения в обширной сфере интеллектуальной собственности, будет невозможно понять, насколько серьезны конфликты и ситуации, в которых могут оказываться их проекты и инициативы. Поэтому желательно давать эти инструментальные решения, среди которых особо выделяется построение математических моделей рисков с их программной реализацией.

Все это невозможно осуществлять без автоматизации предметных бизнес-процессов, и, несомненно, сфера разработки соответствующих программных продуктов также критически важна для рассматриваемой проблематики.

Кроме того, исследование сферы управления ИС диктует необходимость сбора и классификации обширного объема прикладных знаний. Управление этими знаниями и построение на их основе передовых методик управления ИС и правами на технологии в ближайшее время в условиях цифровизации общества и экономики могут стать важными и востребованными для многих профессий².

¹ Интересное социологическое исследование о соотношении ИС и технологий ИИ было проведено весной 2023 г. Кафедрой ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам НИУ ВШЭ и юридической фирмой Nexthops (офис в Санкт-Петербурге). Его результаты были представлены в конце прошлого года. См.: Федотов М.А., Наумов В.Б., Будник Р.А., Тытюк Е.В. Роль искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: результаты экспертного опроса // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 47, № 4. С. 68–83; DOI: 10.17323/tis.2023.18218.

² Небезынтересен следующий пример. В 2017 г. на V Международном форуме технологического развития «Техно-

Несмотря на упомянутый прикладной характер знаний управления ИС, представляется, что именно в управлении правами на технологии есть заметный теоретико-правовой пробел. Он связан со слабостью правовой охраны интеллектуальной деятельности инженеров и лиц технических профессий, разрабатывающих технологическую документацию, о чем будет упомянуто в конце настоящей статьи.

О МЕТОДОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ИС

Популярное ныне словосочетание «управление интеллектуальной собственностью» по-разному представляется в литературе и находит отражение на практике. Взгляд автора на предметную область начал активно формироваться почти 20 лет назад, когда, работая в транснациональной консалтинговой структуре и реализуя обширные консультационные проекты, он вместе с коллегами начал собирать ставшие впоследствии уникальными обширные эмпирические знания о том, как бизнес в мире управляет своими нематериальными активами и (это имеет особое значение для практики) что именно бизнес считает важным, а что — нет, приобретая знания внешних консультантов в этой сфере.

Собранные знания в 2005 г. легли в основу создания базовой модели управления интеллектуальной собственностью. При разработке учитывалось, что бизнес может иметь задачи, направленные на достижение различных полезных для себя результатов, таких как увеличение стоимости активов группы компаний за счет существующей ИС, привлечение новых инвестиций, сокращение затрат на администрирование и защиту нематериальных активов и т.д. [3].

Ключевые стадии процессов принятия решений и предметных действий в рассматриваемой сфере, возникающие с момента планирования создания объекта ИС и длящиеся до момента решения задач бизнеса, представлены стадиями учета объектов, их юридической защиты, оценки для бизнеса и распоряжения. Параллельно или дополнительно к ним могут реализовываться те или иные актуальные для бизнеса задачи как стратегического, так и тактического свойства

(построение патентных ландшафтов, конкурентная разведка, мониторинг правонарушений и т.п.).

Что немаловажно для изучения описываемой сферы, автору не удавалось найти существующие одинаковые системы управления ИС, поскольку реализация методологии управления ИС всегда имеет специфику по причине постоянно меняющихся индивидуальных особенностей бизнеса (даже компании из одной отрасли экономики, схожие по своим финансовым результатам, могут иметь серьезные внутренние различия). Это касается не только лидеров отраслей (реализованные проекты в сфере управления ИС для ПАО «МТС» и ПАО «Силовые машины» выигрывали общественные конкурсы как лучшие юридические департаменты [4]), но и бизнесов, просто успешно осуществляющих свою экономическую деятельность.

Обычно потребность бизнеса в юридической защите собственных активов является основной причиной формирования запроса на разработку системы управления ИС. Так, почти любой технологический бизнес легко может столкнуться с разнообразными проблемами в области создания и использования объектов ИС, препятствующими эффективному развитию и росту компании. Во многом это вызвано масштабностью процессов, которые происходят внутри него.

Скажем, источник одной из типовых проблем — наличие в компании большого числа разработчиков, которые могут время от времени использовать наработки с предыдущих мест своей деятельности, а еще параллельно заниматься собственным творчеством, а также уносить наработанные решения с собой при увольнении. Нередко возникают ситуации, когда разработчик заимствует какое-либо творческое решение, не разобравшись в его правовом статусе и в последствиях такого заимствования (например, при использовании библиотек open source).

Трудности может создавать и то, что в компании работают много менеджеров, которые могут неаккуратно относиться к сохранению конфиденциальной информации в тайне. Также возможны случаи, когда один менеджер одновременно участвует в схожем бизнесе и заимствует для него знания и решения с текущего места работы, а также при своем увольнении переманивает разработчиков на новое место.

Наконец, крупный технологический бизнес, имеющий в своем составе не одну, а несколько компаний, может испытывать серьезные трудности в грамотном управлении (включая координацию усилий) человеческим ресурсом и знаниями о нематериальных активах и собственных производственных процессах. Это также способно повлечь за собой серьезные затруднения

пром» было подписано соглашение о создании консорциума в сфере управления знаниями между юридической фирмой Dentons, госкорпорацией «РосАтом», НИИ корпоративного и проектного управления, ООО «Группа компаний “Алмаз”», ООО «Инвейдерс» и АО «НЕОЛАНТ» [см: Dentons участвует в первом в России консорциуме в сфере управления знаниями // LawFirm.ru. — URL: <https://lawfirm.ru/news/index.php?id=16836> (дата обращения: 24 июля 2024 г.)]. Консорциум в течение двух лет не только ставил задачи управления знаниями в сфере оборота ИС, но и исследовал вопросы управления юридическими знаниями в целом.

в правильной оценке рисков, с которыми может сталкиваться группа компаний.

Приведенные источники рисков и связанные с ними обстоятельства требуют пристального и системного внимания, что означает необходимость выделения ре-

сурсов, построения процессов и совершения иных действий, направленных на решение задач бизнеса.

Именно риски и зрелость их восприятия позволяют классифицировать модели управления ими в сфере ИС в бизнесе [5] (рис. 1).

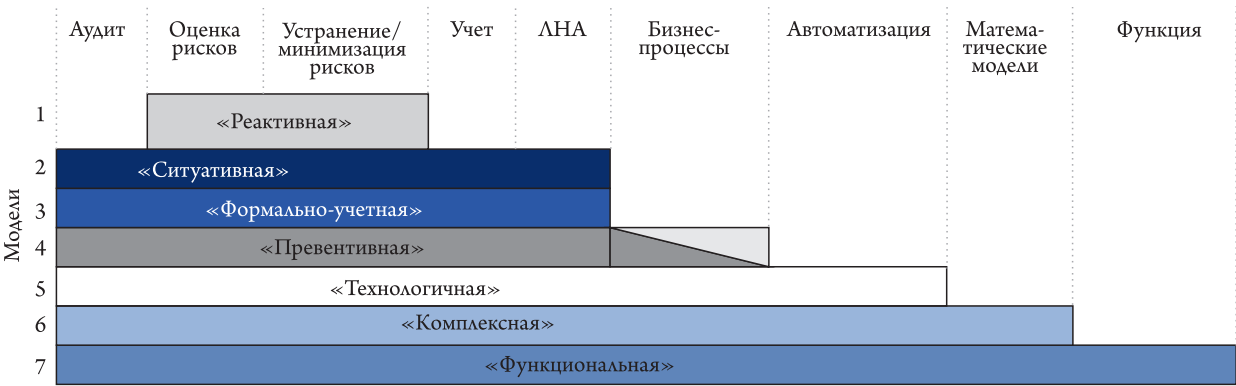

Рисунок 1. Классификация моделей управления в сфере ИС

Изображенная классификация «от простого к сложному» отражает то, как бизнес с учетом его размера и культуры управления может выстраивать необходимые ему модели управления, где наличие специализированных бизнес-процессов в сфере управления ИС и их автоматизация для крупного бизнеса представляются желательными, а модель с созданием специальной функции управления видится оптимальной.

На рис. 2 представлена типовая система управления ИС, отражающая потребность в упомянутой выше междисциплинарности.

При этом далеко не всегда компаниям и предприятиям требуется разработка сложных управленческих решений с выделением на это обширных ресурсов.

Очевидно, что, чем меньше размеры бизнеса и меньше нематериальных активов, тем проще управлять «вручную». Выполнение в возглавляемой автором юридической практике свыше 30 проектов в сфере управления ИС позволило нарисовать портрет «среднего клиента», которого интересуют вопросы построения методологии управления активами и создания специализированной системы управления ИС. В нем около шести подразделений, которые в той или иной степени касаются ИС, несколько тысяч документов и объектов ИС. Последнее — без особого труда достигаемый ориентир; так, когда ведутся любые сложные технические разработки, создается много небольших объектов, их документирование происходит постоянно.

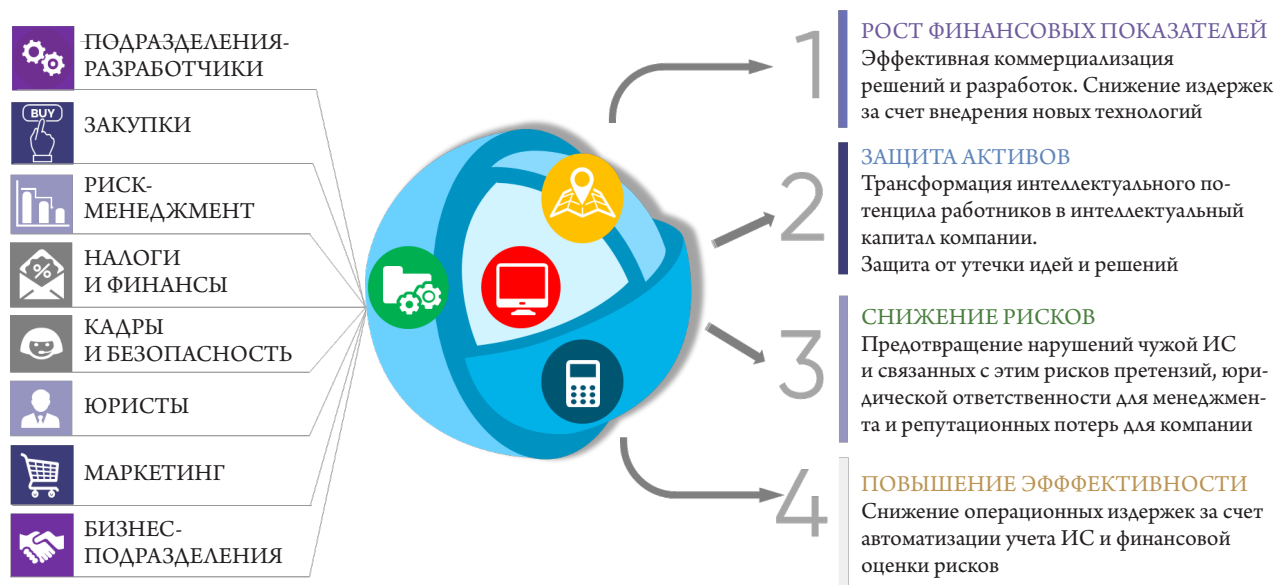

Рисунок 2. Бизнес-подразделения и задачи в сфере управления ИС

Рисунок 3. Примеры содержания бизнес-процессов и объекты системы управления ИС

На рис. 3 представлены примеры части общих и дополнительных стадий управления ИС и объекты системы управления ИС, служащие для этого.

Упомянутый на рис. 3 реестр интеллектуальной собственности и технологий представляет собой совокупность сложно структурированных и взаимосвязанных динамически обновляемых баз данных и служит для постоянного сбора и обработки информации об объектах ИС, технологиях и правах на них, субъектах, создающих и использующих их, а также о различных документах, действиях и событиях рассматриваемой сферы. В результате внедрения такого реестра возникают многочисленные преимущества, поскольку с его помощью, например, ведется контроль за сроками в сфере ИС (оплаты пошлин, продления регистраций), за оборотом информации о создании объектов

ИС и надлежащим их оформлением, за лицензионной информацией и ее ограничениями, за принятыми бизнес-решениями и юридическими вопросами. Реестр также позволяет осуществлять мониторинг экономического эффекта от использования ИС и аккумулировать информацию о рисках использования технологий, состоящих из большого количества объектов ИС, и т.п. В общем, использование реестра ИС резко сокращает потери информации и издержки на информационный обмен для обеспечения управленческих решений.

Все это (и ведение самого реестра) невозможно без построения и регламентации бизнес-процессов и, несомненно, автоматизации этой сферы.

Если говорить о практической стороне реализации, то реестр технологий и объектов ИС может использоваться следующим образом (рис. 4). Предположим, что

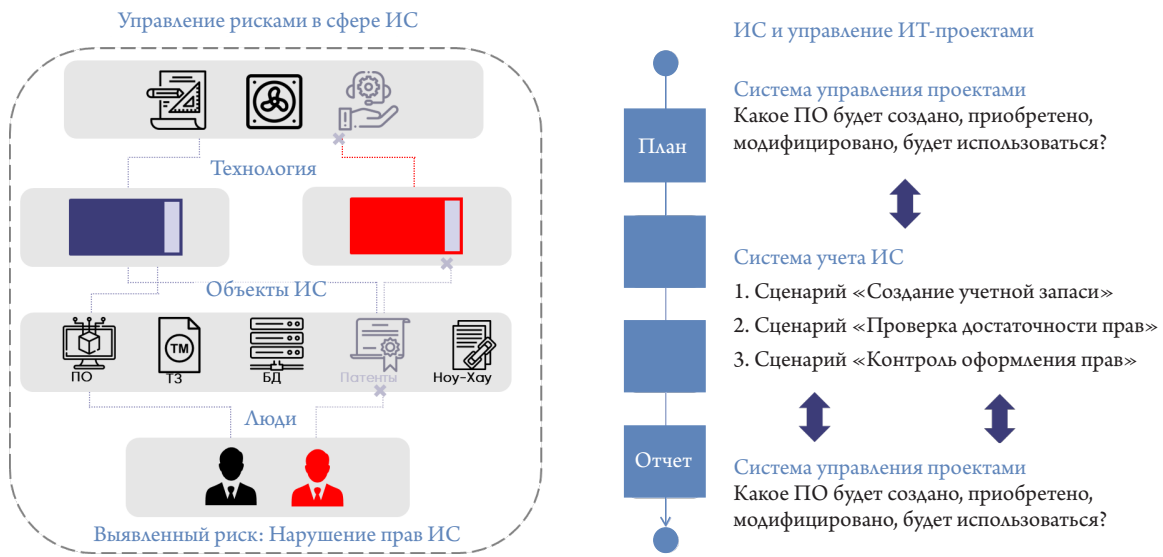

Рисунок 4. Пример использования реестра ИС и технологий

в компании поставлена задача создать новое программное обеспечение (ПО). В этом случае работа над проектом по созданию ПО будет проходить определенные стадии. Начало ей будет положено в тот момент, когда в системе управления проектами будут запланированы конкретные параметры создаваемого продукта и те ресурсы, которые нужны для его создания — например, может потребоваться указание на то, что будет частично модифицировано существующее ПО, права на которое необходимо приобрести. После создания и утверждения плана работы следует проверить его отдельные составные части через систему учета объектов интеллектуальной собственности. Для этого в такой системе создается отдельная учетная запись для указанного проекта, чтобы у разных сотрудников компании была возможность всесторонне оценить достаточность существующих прав для создания (переработки) нового ПО, а также возможность детально проконтролировать процесс оформления прав на итоговый результат. Завершает работу над проектом использование реестра для формирования отчета о созданном результате интеллектуальной деятельности. На любом из этапов участники процесса могут комментировать и фиксировать актуальную внутреннюю информацию, которая в перспективе может быть использована при возникновении тех или иных конфликтных ситуаций.

С учетом объективных различий в содержании процессов управления ИС можно привести различные примеры комплексных типовых бизнес-процессов (рис. 5, 6) [6].

Важным объектом системы управления ИС является карта рисков. Она создается в результате обобщения знаний об индивидуальных «болевых точках» всего контура процессов в конкретном бизнесе. Тех-

нически карта реализуется как функционал реестра объектов ИС и технологий, где в соответствующих взаимосвязанных базах данных собирается информация о содержании рисков, их негативных последствиях, владельцах рисков, объектах ИС и технологиях, затрагиваемых рисками, о риск-факторах, а также об оценках рисков и истории их минимизации.

Другим объектом системы управления ИС является калькулятор рисков. В России автор настоящей работы сталкивался с его реализацией крайне редко, но положительный эффект, который он приносит, может быть очень значительным. Калькулятор рисков дает возможность «построить мост» между юристами, которые оперируют качественными нерегламентируемыми величинами рисков (от «низкого» до «высокого» со словами «очень» и т.п.), финансистами и руководителями, которые считают и думают по-другому, так как их работа связана с извлечением прибыли и подсчетом денег.

Построение математической модели оценки юридических рисков (необязательно в сфере ИС) позволяет юристам говорить языком цифр, понятным финансистам. Так, если обратиться к российской арбитражной практике по ИС, то в ней можно обнаружить самые разные случаи вынесения судебных решений о взыскании очень крупных сумм компенсаций и убытков. Например, известны дела о взыскании 743 млн рублей, что привело затем к банкротству [7], 6 млн долларов [8], 127 млн рублей — это в ценах 2013 г. [9] и т.д. При использовании математических моделей оценки юридических рисков с учетом анализа всей имеющейся судебной практики, оценки текущего качества управления и тех нематериальных активов, которые, например, планируется использовать, можно получать вероятностную оценку наступления негативных последствий для бизнеса.

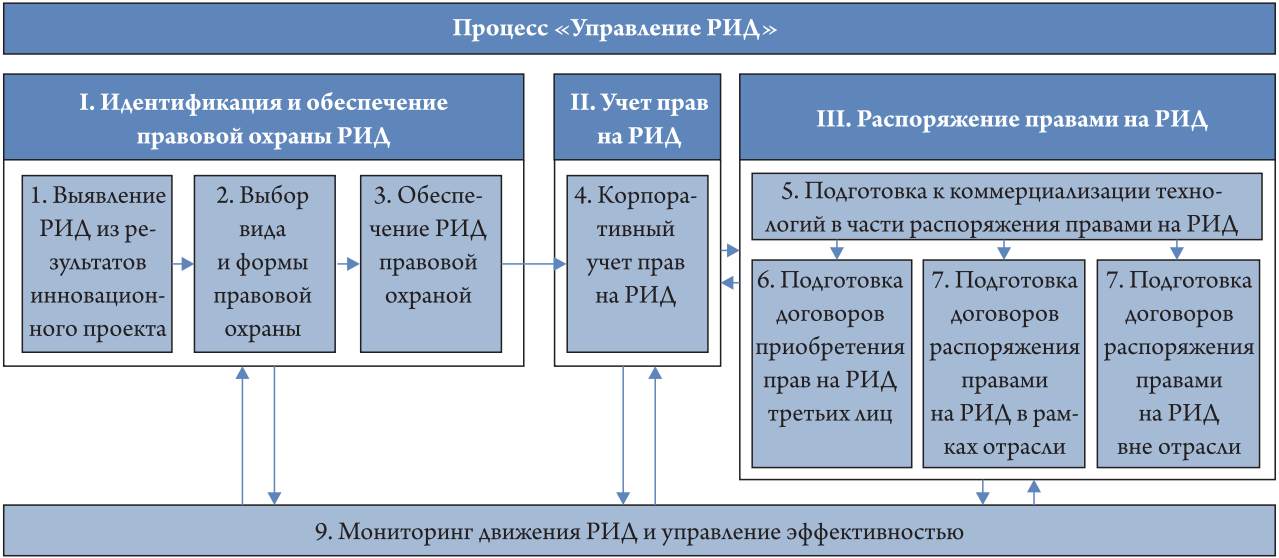

Рисунок 5. Пример № 1 схемы бизнес-процессов в сфере управления ИС

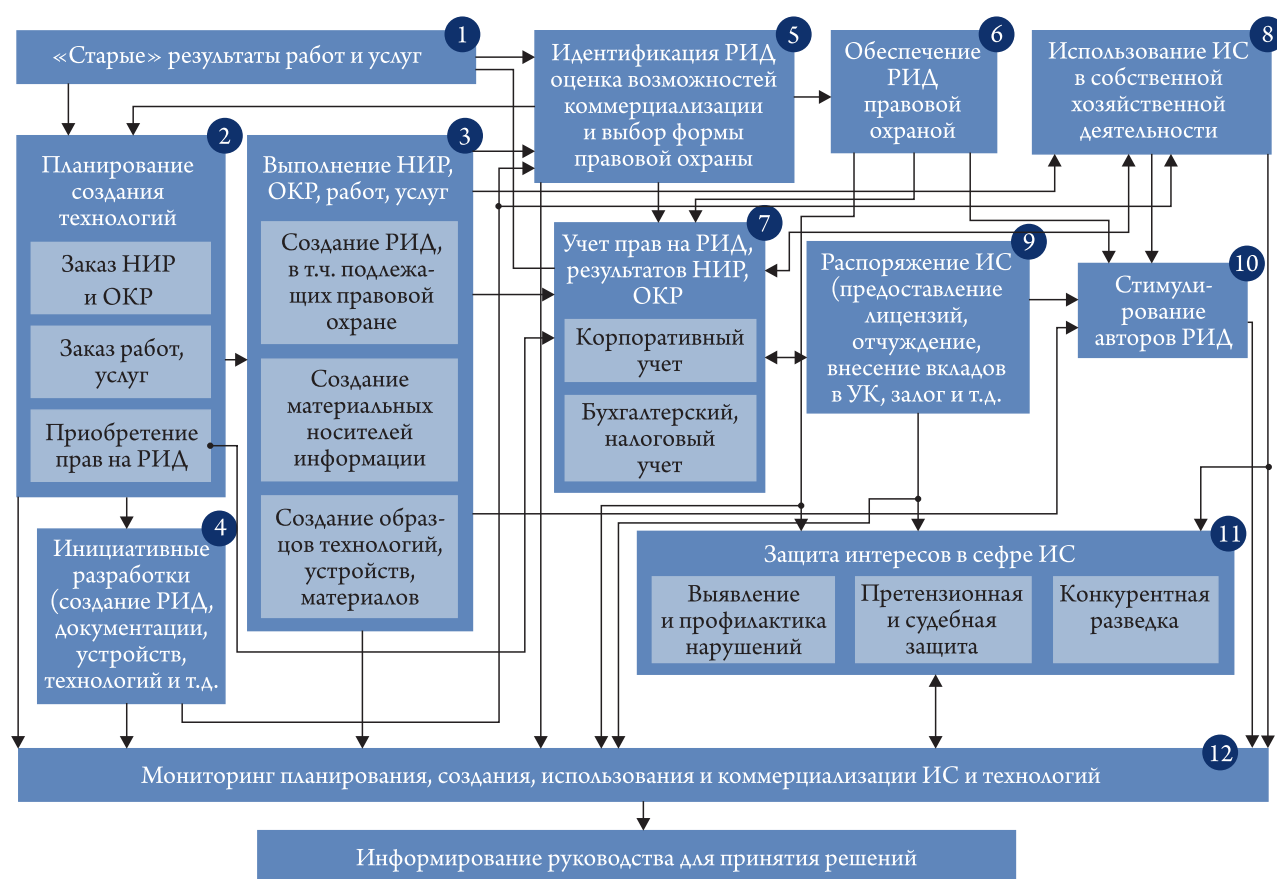

Рисунок 6. Пример № 2 схемы бизнес-процессов в сфере управления ИС

Калькулятор рисков позволяет распределять возможные финансовые потери и просчитывать степень финансового влияния риска на компанию. Такие расчеты более близки и понятны лицам, принимающим решения. Несколько лет назад возглавляемая автором практика по ИС и технологиям юридической фирмы Dentons в Санкт-Петербурге совместно с Институтом стратегического анализа рисков управленческих решений (ИСАР) создали математическую модель рисков в сфере ИС с использованием деревьев решений и имитационного моделирования. С ней в 2019 г. авторы вошли в шорт-лист премии Financial Times Innovative Lawyers Awards в номинации «Инновации в юридическом бизнесе: Технологии» с калькулятором рисков в области ИС [10]. Это решение было внедрено в мобильном операторе ПАО «МТС» [11], где в сочетании с системой так называемого IP-контроля («точками принятия решений») осуществлялась минимизация рисков в сфере ИС.

ПРИМЕР АВТОМАТИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В СФЕРЕ ИС

Около пяти лет назад в юридической практике автора в управляемом им офисе в Санкт-Петербурге была

создана Лаборатория юридических инноваций [12], которую возглавил к.ю.н. Д.А. Савельев. В рамках обширной деятельности лаборатории — от работы в сфере искусственного интеллекта с компанией «Яндекс» (проект Lawrify) и Российской академией наук до разработки методологии управления юридическими знаниями [13] — активно стало развиваться направление по разработке программных решений в сфере автоматизации юридической деятельности и бизнес-процессирования юридической функции. В рамках последнего была создана «Юридическая операционная система» (ЮОС), которая представляет собой рабочую среду для юристов. Сначала была разработана первая версия решения на языках Java и Kotlin [14], затем были кардинально заменены стек технологий, архитектура и осуществлен переход на язык Python.

Придуманное четыре года назад автором название «Юридическая операционная система» неслучайно и отражает смысловое сходство с классической операционной системой. ЮОС содержит много различных взаимосвязанных реестров — субъектов, судебных дел и претензий, задач и проектов, различных видов активов, документов, продуктов бизнеса и рисков. Посредством настраиваемых рабочих экранов (дашбордов) пользователи с различными правами доступа

участвуют в единых для бизнеса процессах, связанных с реализацией юридической функции.

ЮОС работает через веб-браузер, устанавливается во внутренней сети компании, может интегрироваться с внешними и внутренними источниками данных. В основе программного решения второй версии лежат фреймворк Django, а также СУБД PostgreSQL. Решение целиком разработано российскими специалистами, является безопасным и надежным при высоких нагрузках. В коллектив ключевых разработчиков в

ООО «Некстонс Северо-Запад» входили А. Загородная, Д. Савельев, А. Шорина, А. Григорьев, Е. Петрова и автор.

В целях управления ИС для каждого объекта интеллектуальной собственности в системе создается универсальная карточка (рис. 7).

Система позволяет вести учет типовых рисков, связанных с интеллектуальной собственностью и отраслевой спецификой, а также проводить учет обнаруженных рисков применительно к конкретным объ-

Товарный знак

Сохранить

Удалить

Дублировать

Изображение

Добавить

Обозначение: *

Basic pro

Вид обозначения: *

Товарный знак РФ

Заявитель/Правообладатель:

ООО "ИТ-Ресурс" (Собственная организация)

Заявитель/Правообладатель из API:

Статус товарного знака:

Действует

Номер свидетельства:

1234678

Срок охраны:

01/02/2027

Номер заявки:

2021727311

Статус заявки:

Регистрация ТЗ

Дата регистрации:

01/02/2017

Дата подачи заявки:

mm/dd/yyyy

Дата приоритета:

mm/dd/yyyy

Дата выставочного приоритета:

mm/dd/yyyy

Тип:

Словесный

Подтип:

Описание:

Страны (1)

ТНУ (2)

Извещения (0)

Права (1)

Документы (0)

Файлы (0)

Задачи (0)

Проекты (0)

Активы (0)

Дела (1)

Продукты (1)

Обнаруженные риски (3)

Организации (0)

Физ.лица (0)

События (0)

+

GD

Название	Риск	Снижающие риск факторы	Общая оценка обнаруженного риска	Срок принятия мер	Создатель	Вла
Риск аннулирования ТЗ Basic pro по неиспользованию	Риск аннулирования ТЗ по неиспользованию	-	Критический	05.08.2024	Воронин Иван, юрист (Сотрудник)	Вос. Ив. юри (Со
Оспаривание регистрации ТЗ "Basic pro"	Риск утраты прав на использование логотипа продукта	нет	Критический	05.08.2024	John Smith	Вос. Ив. юри (Со

Рисунок 7. Пример рабочего экрана ЮОС (lawos.ru) по учету объекта ИС

ЮОС>_

Поиск

Т. Г. Тарасов

Биллинг

Рабочие экраны

Задачи и проекты

Дела

Активы

Продукты и риски

Документы

Организации

Физ. лица

События

ПД

Рабочий экран руководителя

Собственные организации: 100

Третья ромашка

Удовлетворение исков компании (полностью/частично)

40% | 20%

Удовлетворение исков третьих лиц к компании (полностью/частично)

70% | 10%

Исключительное право

ТЗ	ОАСП	Пром. образцы	Патенты	ПО	Ноу-хау
20	10	10	10	10	10

КРП по задачам

30 мар/23 - 11 апр/23

Типы задач

Маркетинг	IP/IT	Консультации	Подряд	Аудит
8	8	8	7	8

Время закрыто задач, %

Управление недвижимостью	90%
Судебно-претензионный	80%
Управление ИС	50%
ИТ	25%
Корпоративное управление	25%

Обнаруженные риски: активы, проекты, продукты

Всего

107

Риски с принятыми мерами

80

Риски с непринятыми мерами

20

Фильтр

Статистика

Рисковая нагрузка - топ 10

Объект	Высокие и критические риски, по которым меры не приняты
Товарный знак	8
М/н Регистрация ВОИС "СуперПродукт"	8
Проект	8
Аудит Модуля №3 ПО СуперПродукт системы для компании ООО "ИТ-ресурс"	8
Продукт	7
"Про-ИТ решение"	7
Программное обеспечение	6
"ИТ-Аналитика систем"	6
Проект	4
Регистрация программного обеспечения "ИТ-Аналитика систем" в реестре отечественного ПО	4
Проект	3
Перевод продукта "Про ИТ решение" в тип коммерческого продукта	3
Продукт	3
NOC-complexa	3

Рисунок 8. Рабочий экран руководителя с аналитикой по делам, ИС, рискам и KPI

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS 65

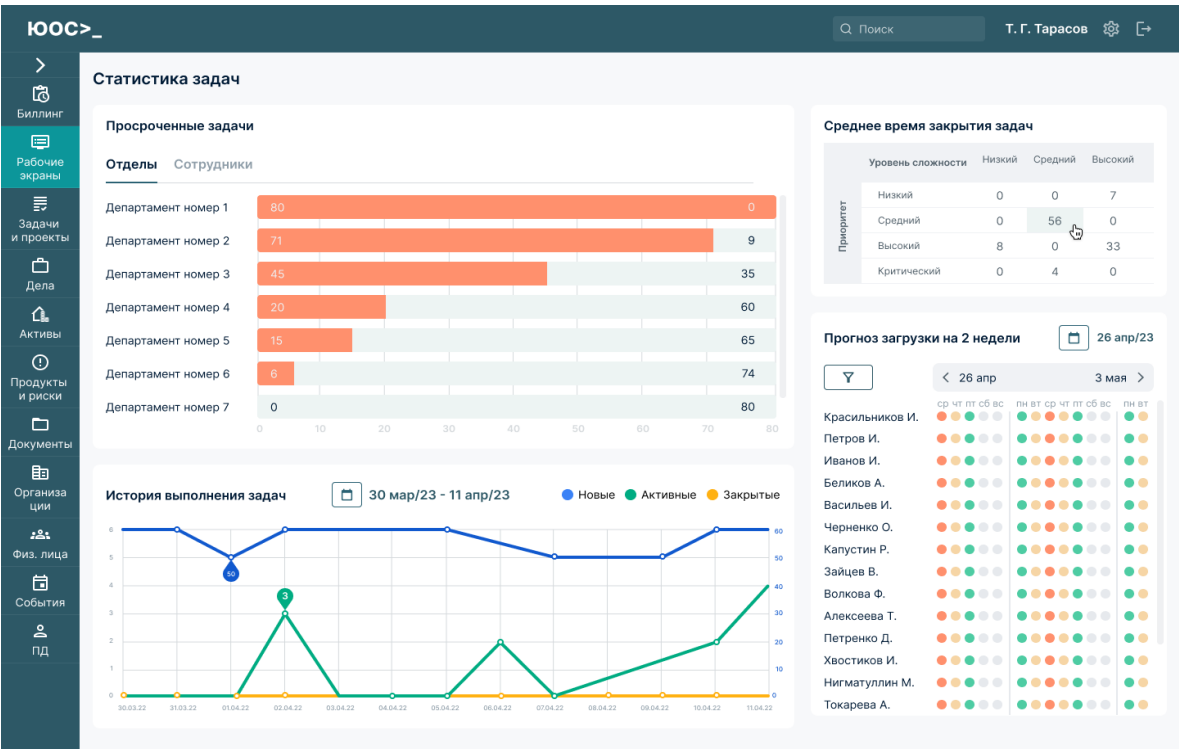

Рисунок 9. Пример рабочего экрана ЮОС по управлению юристами

ектам интеллектуальной собственности и принятым мерам. Посредством различных рабочих экранов организуется подготовка информации как для принятия управленческих решений, так и для управления решением в юридической функции (см. рис. 8, 9).

ЮОС уже зарекомендовала себя как эффективная система. Так, проект ГК Eqvanta по внедрению ЮОС был удостоен приза в номинации «Инновации в юридической работе» в 2022 г. от Legal Insight [15]. В результате внедрения ЮОС увеличилась скорость работы сотрудников (+23,4%) и возросла скорость поиска документов (+29,2%), уменьшилось число ошибок (–24,2%) и просроченных задач (–22,6%). В результате в компании было создано шесть новых бизнес-процессов и не был утерян ни один документ. Другой успешный пример внедрения ЮОС — компания «КДВ Групп», крупный производитель пищевой продукции, чей нематериальный капитал состоит из более чем 1300 товарных знаков [16]. С помощью ЮОС компания сократила время формирования отчета об охране своих обозначений в разных странах с 1-2 часов до 10–20 минут, а также уменьшила время на получение отчета по виду своей продукции с 0,5–1 часа до 5 минут³.

³ Показатели ГК Eqvanta и «КДВ групп» были представлены на основании внутренних исследований по итогам шести месяцев эксплуатации ЮОС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОТ ПРАКТИКИ К ТЕОРИИ В УПРАВЛЕНИИ ИС

Реализуя прикладные проекты по управлению ИС, автор и его практика столкнулись с тем, что существует критический пробел в системе законодательства, препятствующий развитию российской промышленности и инноваций.

Современное российское правовое регулирование правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности можно охарактеризовать следующим образом:

- охраняется либо форма, либо содержание;
- как правило, в силу факта создания охраняются те объекты, в которых ценность имеет их форма: объекты авторских прав, базы данных и т.д., их использование возможно посредством повторения и перенесения полезного свойства;
- те объекты в промышленности, в которых ценность представляет содержание, обычно охраняются при условии государственной регистрации, что требует много ресурсов и времени (при этом необходимо раскрыть часть информации и нет гарантий успешного завершения такой регистрации).

Закон предусматривает особый объект информационно-правовой природы — секрет производства (информацию ограниченного доступа), появление которого связано с реформой российского законодатель-

ства об интеллектуальной собственности 2006 г. Важно отметить, что защищать на практике права на «ноу-хау» гораздо сложнее, чем на другие объекты ИС.

Эти закономерности были подробно исследованы автором совместно с В.В. Степановым [17].

В промышленности и в развивающейся цифровой экономике конструкторская и технологическая документация является важнейшим активом, на создание которого тратятся огромные ресурсы. Основная ценность от использования такой документации заключается в практической реализации разработанного решения. Она же охраняется слабо. Закон защищает технологическую документацию только от буквального копирования либо предоставляет возможность защищать ее в режиме конфиденциальной информации как секрет производства, что сложно выявлять и еще сложнее доказывать.

Получается, что, если бизнес не получает права на объекты промышленной собственности (так как это слишком долгий процесс) и при этом передает документацию заказчику в силу специфики его деятельности (например, сложный инженерный проект, который потом необходимо обслуживать), он тем самым создает ожидаемый риск дальнейшей передачи и раскрытия «ноу-хау», который сложно доказать. В результате могут легко найтись «копировщики» технологий, которые, получив доступ к ней и изучив отдельно воплощенные в объективной форме технические решения, смогут конкурировать с разработчиками, не инвестируя средства в разработку. И страдать от этого будут (представляется, что уже давно страдают) именно отечественные предприятия.

Чтобы решить обозначенную проблему с отсутствием надлежащей защиты технологической документации, следует предложить следующую модель действий:

1) в законодательство ввести новый объект правовой охраны — документированные технологии. В России уже есть схожий правовой аналог — для произведений архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства предусмотрен особый режим правовой охраны. Разработка документации и реализация проекта архитектуры также считаются использованием таких объектов, что защищает интересы проектировщиков;

2) новый статус для объектов, представленных в форме конструкторской и технологической документации, потребует получения разрешения правообладателя как при повторной реализации проекта на ее основе, так и при внесении в документацию каких-либо изменений [18].

Отрасль российского законодательства об ИС является одной из самых качественных и продуманных, но реализация приведенной идеи может стать важной

задачей, тем более что попытка в этом направлении уже предпринималась, когда была предложена конструкция «единой технологии» с неудачной текстовой реализацией в законе, впоследствии исключенная из отечественной системы ИС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Наумов В. Над цифрой во «лжи» // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6184449> (дата обращения: 24 июля 2024 г.).
2. Наумов В. Как нарушить интеллектуальные права с помощью ChatGPT? (публикация от 7 сентября 2024 г.) // Сноб. — URL: <https://snob.ru/profile/406492/blog/3059671> (дата обращения: 24 июля 2024 г.).
3. Наумов В., Ргельс Э. Взгляд на управление интеллектуальной собственностью // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2005. № 9. С. 23–28.
4. Лучшие юридические департаменты 2020 // The Department by Legal Insight. URL: <https://bestlegaldepartments.ru/history/2020> (дата обращения: 19 июля 2024 г.).
5. Загородная А., Лялькова С., Наумов В. Управление интеллектуальной собственностью — вызовы 2020 // Legal Insight. — URL: — <https://legalinsight.ru/articles/upravlenie-intellektualnoj-sobstvennostyu-vyzovy-2020/> (дата обращения: 19 июля 2024 г.).
6. Архипов В.В., Лукьянов В.В., Наумов В.Б. Интеллектуальная собственность в инновационной деятельности российского университета: вопросы управления и перспективы развития законодательства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 5(334). С. 52–67.
7. Решение Арбитражного суда Калининградской области от 29.09.2017 по делу № А21-6822/2017. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 19.07.2024).
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.05.2018 по делу № А40-56928/04-5-453. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 19.07.2024).
9. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27.01.2014 № 10АП-12955/2013 по делу № А41-22101/13. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 19.07.2024).
10. МТС с помощью юридической фирмы Dentons и АНО ДПО «ИСАР» создала уникальную систему оценки и предотвращения юридических рисков в области интеллектуальной собственности // РИСК-АКАДЕМИЯ — АНО ДПО ИСАР. — URL: <https://risk-academy.blog/2019/07/01/%D0%BD%D0%B0%D1%88%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B-%D0%BC%D1%82%D1%81->

- %D1%81-%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D1%8C%D1%8E-%D1%8E%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81/ (дата обращения: 24 июля 2024 г.).
11. МТС в сотрудничестве с Dentons создала уникальную систему выявления и оценки юридических рисков в области интеллектуальной собственности // LawFirm.ru. — URL: <https://lawfirm.ru/news/index.php?id=19665> (дата обращения: 24 июля 2024 г.).
 12. Dentons создает «Лабораторию юридических инноваций» // LawFirm.ru. — URL: <https://lawfirm.ru/news/index.php?id=18614> (дата обращения: 24 июля 2024 г.).
 13. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621345 Российская Федерация. База данных по управлению юридическими знаниями «Зеркало»: № 2020621169: заявл. 20.07.2020: опубл. 04.08.2020 / В.Б. Наумов, А.А. Загородная, Д.А. Савельев и др.; заявитель: Общество с ограниченной ответственностью «Дентонс Юроп».
 14. Программа для ЭВМ «Юридическая операционная система», версия 1.0 // Федеральная служба по интеллектуальной собственности. Реестр программ для ЭВМ. — URL: https://www1.fips.ru/fips_servl/fips_servl?DB=EVM&DocNumber=2021616657&TypeFile=html (дата обращения: 24 июля 2024 г.). Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ. Программа для ЭВМ «Юридическая операционная система»: RU 2021616657: заявл. 23.04.2021: опубл. 23.04.2021 / Асламов О.Ю., Гареев В.С., Елисеев А.И. и др.; заявитель: Общество с ограниченной ответственностью «Дентонс Юроп».
 15. Финал XVII конкурса «Лучшие юридические департаменты России» // Лучшие юридические департаменты. — URL: <https://bestlegaldepartments.ru/tpost/s4xttroi11-final-xvii-konkursa-luchshie-yuridichesk> (дата обращения: 24 июля 2024 г.).
 16. Nextons завершила проект внедрения ЮОС для КДВ Групп // Юридическая операционная система. — URL: <https://lawos.ru/tpost/a033pcsr51-nextons-zavershila-proekt-vnedreniya-yuo> (дата обращения: 24 июля 2024 г.).
 17. Наумов В., Степанов В. О полноте классификации результатов интеллектуальной деятельности // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2020. № 4. С. 51–62.
 18. Наумов В.Б. Технологии без интеллектуальной собственности // Законодательство. 2024. № 3. С. 14–16.
 2. Naumov V. Kak narushit' intellektual'nye prava s pomoshch'yu ChatGPT? (publikaciya ot 7 sentyabrya 2024 g.) // Snob. — URL: <https://snob.ru/profile/406492/blog/3059671> (дата обращения: 24 июля 2024 г.).
 3. Naumov V., Ragel's E. Vzgl'yad na upravlenie intellektual'noj sobstvennost'yu // Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'. 2005. No 9. S. 23–28.
 4. Luchshie yuridicheskie departamenty 2020 // The Department by Legal Insight. — URL: <https://bestlegaldepartments.ru/history/2020> (дата обращения: 19 июля 2024 г.).
 5. Zagorodnaya A., Lyal'kova S., Naumov V. Upravlenie intellektual'noj sobstvennost'yu — vyzovy 2020 // Legal Insight. — URL: <https://legalinsight.ru/articles/upravlenie-intellektualnoj-sobstvennostyu-vyzovy-2020/> (дата обращения: 19 июля 2024 г.).
 6. Arhipov V.V. Luk'yanov V.V., Naumov V.B. Intellektual'naya sobstvennost' v innovacionnoj deyatel'nosti rossijskogo universiteta: voprosy upravleniya i perspektivy razvitiya zakonodatel'stva // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2017. No 5(334). S. 52–67.
 7. Reshenie Arbitrazhnogo suda Kaliningradskoj oblasti ot 29.09.2017 po delu No A21-6822/2017. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 19.07.2024).
 8. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy ot 24.05.2018 po delu No A40-56928/04-5-453. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 19.07.2024).
 9. Postanovlenie Desyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 27.01.2014 No 10AP-12955/2013 po delu No A41-22101/13. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 19.07.2024).
 10. MTS s pomoshch'yu yuridicheskoy firmy Dentons i ANO DPO "ISAR" sozdala unikal'nuyu sistemu ocenki i predotvrashcheniya yuridicheskikh riskov v oblasti intellektual'noj sobstvennosti // RISK-AKADEMIYA — ANO DPO ISAR. — URL: <https://risk-academy.blog/2019/07/01/%D0%BD%D0%B0%D1%88%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B-%D0%BC%D1%82%D1%81-%D1%81-%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D1%8C%D1%8E-%D1%8E%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81/> (дата обращения: 24 июля 2024 г.).
 11. MTS v sotrudnichestve s Dentons sozdala unikal'nuyu sistemu vyyavleniya i ocenki yuridicheskikh riskov v oblasti intellektual'noj sobstvennosti // LawFirm.ru. — URL: <https://lawfirm.ru/news/index.php?id=19665> (дата обращения: 24 июля 2024 г.).

REFERENCES

1. Naumov V. Nad cifroyu vo "Izhi" // Kommersant. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6184449> (дата обращения: 24 июля 2024 г.).

12. Dentons sozdaet "Laboratoriyu yuridicheskikh innovacij" // LawFirm.ru. — URL: <https://lawfirm.ru/news/index.php?id=18614> (data obrashcheniya: 24 iyulya 2024 g.).
13. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii bazy dannyh No 2020621345 Rossijskaya Federaciya. Baza dannyh po upravleniyu yuridicheskimi znaniyami "Zerkalo": No 2020621169: zayavl. 20.07.2020: opubl. 04.08.2020 / V.B. Naumov, A.A. Zagorodnaya, D.A. Savel'ev i dr.; zayavitel': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Dentons Yurop").
14. Programma dlya EVM "Yuridicheskaya operacionnaya sistema", versiya 1.0 // Federal'naya sluzhba po intellektual'noj sobstvennosti. Reestr programm dlya EVM. — URL: https://www1.fips.ru/fips_servl/fips_servlet?DB=EVM&DocNumber=2021616657&TypeFile=html (data obrashcheniya: 24 iyulya 2024 g.). Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlya EVM. Programma dlya EVM "Yuridicheskaya operacionnaya sistema": RU 2021616657: zayavl. 23.04.2021: opubl. 23.04.2021 / Aslamov O.Y, Gareev V.S., Eliseenko A.I. i dr.; zayavitel': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Dentons Yurop".
15. Final XVII konkursa { "Luchshie yuridicheskie departamenty Rossii" // Luchshie yuridicheskie departamenty URL: <https://bestlegaldepartments.ru/tpost/s4xttroi11-final-xvii-konkursa-luchshie-yuridichesk> (data obrashcheniya: 24 iyulya 2024 g.).
16. Nextons zavershila proekt vnedreniya YUOS dlya KDV Grupp // YUridicheskaya operacionnaya Sistema. — URL: <https://lawos.ru/tpost/a033pcsr51-nextons-zavershila-proekt-vnedreniya-yuo> (data obrashcheniya: 24 iyulya 2024 g.).
17. Naumov V., Stepanov V. O polnote klassifikacii rezul'tatov intellektual'noj deyatelnosti / V. Naumov, // Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'. 2020. No 4. S. 51–62.
18. Naumov V.B. Tekhnologii bez intellektual'noj sobstvennosti // Zakonodatel'stvo. 2024. No 3. S. 14–16.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ: ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

MEDICAL INTELLECTUAL PROPERTY: QUESTIONS OF LIFE AND DEATH

Питер Б. МЭГГС

Иллинойский университет, Урбан-Шампейн, США,
p-maggs@illinois.edu,
ORCID: 0000-0001-6621-6785

Информация об авторе

Питер Б. Мэггс — профессор-исследователь в области права, Университет Иллинойса, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным права НИУ ВШЭ, доктор права

Аннотация. Медицинская интеллектуальная собственность стимулирует разработку и производство лекарств и устройств, которые спасают и продлевают жизни. Однако найти баланс между поощрением изобретательства путем предоставления монопольных прав и ограничением доступа к изобретениям теми же монопольными правами очень сложно. Недавно в Соединенных Штатах было принято законодательство, призывающее к важному эксперименту по нахождению этого баланса, фактически вынуждающее фармацевтических производителей и других новаторов заключать контракты с государственной системой страхования пожилых людей по ценам, которые были бы ниже после истечения значительной части срока действия патента.

Ключевые слова: патент, срок патента, страховка, здоровье, старение

Для цитирования: Мэггс П.Б. Интеллектуальная собственность в сфере медицины: вопросы жизни и смерти // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 70–73; DOI: 10.17323/tis.2024.22300

• Peter B. MAGGS

- University of Illinois, Urbana-Champaign, Illinois, USA,
- p-maggs@illinois.edu,
- ORCID: 0000-0001-6621-6785

• Information about the author

- Peter B. Maggs — Research Professor of the University of Illinois, Associate Fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the
- National Research University Higher School of Economics, Juris Doctor

- **Abstract.** Medical intellectual property encourages the development and production of drugs and devices that save and prolong lives. However, finding a balance between encouraging invention by granting monopoly rights and restricting access to inventions by the same monopoly rights is very difficult. Recently, the United States has adopted legislation calling for an important experiment in finding this balance, by effectively forcing pharmaceutical manufacturers and other innovators to contract with the public insurance system for older people at prices that would be lower after a substantial part of the patent term had expired.

- **Keywords:** patents, patent term, insurance, health, aging

- **For citation:** Maggs Peter B. Medical Intellectual Property: Questions of Life and Death // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 70–73; DOI: 10.17323/tis.2024.22300

In market economies, the main roles of intellectual property protection are simple. Patent, copyright, and trade secrecy encourage innovation. Trademarks encourage the production of goods and services of consistent high quality. In the case of patents and copyright, this encouragement comes from a government guaranty of a monopoly for a limited time, allowing rightholders to charge more for their products. However, economic theory teaches that every monopoly comes at a cost. Those that cannot afford to pay the monopolistic price cannot enjoy the goods or services.

Medical intellectual property encourages the development and production of drugs and devices that save and prolong lives. Such intellectual property raises two questions of life or death: (1) without adequate incentives, businesses will not invest the huge sums needed to discover new drugs (or new software-based medical devices) and to meet legal requirements of proof of safety and effectiveness and (2) to the extent that the incentives are provided by allowing monopoly pricing, some people may be excluded from the benefits of innovation or impoverished by its cost.

In economically-advanced countries government-subsidized insurance programs generally pay most of the cost of newly-developed drugs and medical devices. Such programs are highly popular with the public. The insurance programs have considerable bargaining power because of the large scale of their purchases. If two or more pharmaceutical companies have patented new drugs with similar health effects, as in the case of recent medicines for diabetes and obesity, an insurance program may bargain a low price with a company willing to supply the drug for all the beneficiaries of the program. However, where there is one new drug that is better than all others, as in the case of blood thinner, government insurance programs are faced with a difficult financial and political choice. Paying the price demanded by the intellectual property holder will have serious budgetary consequences. Not paying the price may have serious political repercussions amid disappointed public insurance beneficiaries.

The pharmaceutical companies maximize returns from their world-wide patent portfolios by engaging in price discrimination. In bargaining with public insurance programs, they settle for lower prices with the nation-

al insurance systems of poorer countries but demand higher prices from the insurance systems of richer companies. The United States has been an exception to this policy. A high percentage of United States government payments for expensive drugs are made by the Medicare program, which provides comprehensive protection to Americans 65 years old and older. Because of their advanced age, the program recipients have much more need for expensive patented drugs than younger citizens. The pharmaceutical companies years ago successfully lobbied for a prohibition banning the Medicare system from bargaining on price with makers of patented drugs. As a result, the United States has long paid much more for patented drugs than other economically advanced countries such as the United Kingdom and Germany.

Legislation adopted in the United States in 2022 (but scheduled to go into effect gradually, beginning in 2025), entitled the "Inflation Reduction Act" [1] will radically change this situation. Key provisions of this legislation provide for gradual elimination of the restriction on bargaining and its replacement with prices that are purportedly negotiated, but are in fact imposed. As is well-known, the United States, as a leading exporter of goods protected by intellectual property is an international leader in pressing for ever higher international legal protection for intellectual property. However, the new law moves away from the centuries-old tradition of equal terms of patent protection for inventions in different areas. Earlier United States legislation had allowed patent term adjustment for unusually long administrative delays in the Patent Office and for the delays necessary to meet the stringent regulatory standards for proving safety and effectiveness before a drug could be marketed. However, these extensions were designed to equate the effective term of protection of pharmaceutical patents with the effective term of ordinary mechanical patents for which patent office delays were shorter and approval by health authorities was not required. Thus, these exceptions really continued the tradition of a uniform term during which a patentee could recoup its investment.

The Inflation Reduction Act of 2022, on the contrary, has the effect of reducing the term of effective patent exploitation for many pharmaceuticals. Thus, the Act challenges the long-standing principle of equal terms of

protection for all inventions. Certainly, in view of the life-and-death and high-cost characteristics of pharmaceutical patent it can be argued that “one size fits all” protection is inappropriate. But the long tradition of equal-term protection has prevented the accumulation of economic data on the effect of the length of protection on incentives for development of new drugs. There is an immense amount of published information, for instance, on the optimum period of taking particular antibiotics for particular illnesses. But, in contrast, there is no data on the optimum period of patent protection for incentivizing the development of new antibiotics. Thus, the new law moves the United States into uncharted territory in that it effectively shortens the effective term of patent protection of the drugs for which publicly-financed insurance programs pay the most money.

The new law provides for a gradual transition, starting with a few drugs in 2025 to a maximum of 100 drugs subject to the law’s price provisions. The drugs will be selected from those that have the highest total cost to the Medicare program. Obviously Medicare has exact accounting figures, so identifying the most costly drugs will be extremely simple.

There are a number of drugs that are exempted by the law even if they fall into the most costly category. There is an exemption for small-molecule drugs that are less than 9 years and for biological products that are less than 13 years from their approval for marketing. Put in plainer language, this means that the pharmaceutical companies will lose much of the benefit of patent protection between the 9 and 13 year cutoffs and the expiration of their patents. There is an exemption for drugs for which a biosimilar or a bona-fide generic is available. This exemption makes sense, since if there is competitive market there may be no need for government price setting. There are a number of other reasonable exceptions, such as one for “orphan” drugs (drugs approved only for rare illnesses).

The law establishes what it calls a “maximum fair price.” While the law presents this as an upper limit for negotiation, it is in fact a government-imposed price. The “maximum fair price” varies with the number of years beyond approval, reaching a low of 40% of the prior average sale price for drugs more than 16 years beyond approval. This is in essence another way of shortening the effective term of patent protection.

When negotiating the “maximum fair price” for a drug, the United States Department of Health and Human Services is required to consider the following factors:

(A) Research and development costs of the manufacturer for the drug and the extent to which the manufacturer has recouped research and development costs.

(B) Current unit costs of production and distribution of the drug.

(C) Prior Federal financial support for novel therapeutic discovery and development with respect to the drug.

(D) Data on pending and approved patent applications

The government is also required to consider the following types of evidence about alternative treatments:

(A) The extent to which such drug represents a therapeutic advance as compared to existing therapeutic alternatives and the costs of such existing therapeutic alternatives.

(B) Prescribing information approved by the Food and Drug Administration for such drug and therapeutic alternatives to such drug.

(C) Comparative effectiveness of such drug and therapeutic alternatives to such drug, taking into consideration the effects of such drug and therapeutic alternatives to such drug on specific populations, such as individuals with disabilities, the elderly, the terminally ill, children, and other patient populations.

(D) The extent to which such drug and therapeutic alternatives to such drug address unmet medical needs for a condition for which treatment or diagnosis is not addressed adequately by available therapy.

Because prior draft legislation had been wrongly attacked as creating “death panels” to deny health benefits to elderly patients, the law also provided:

In using evidence described in subparagraph (C), the Secretary [of Health and Human Services] shall not use evidence from comparative clinical effectiveness research in a manner that treats extending the life of an elderly, disabled, or terminally ill individual as of lower value than extending the life of an individual who is younger, nondisabled, or not terminally ill.

Not surprisingly, leading pharmaceutical companies have filed lawsuits alleging that the new legislation is unconstitutional [2]. To date, they have presented two main arguments: (1) that the effective shortening of the period of patent protection amounts to a taking of private property without adequate compensation and (2) that the requirement that the patent-holders sign a document designating a negotiated “fair price” violates constitutional guarantees of freedom of speech since it requires the companies to sign a false statement of fact to which they do not agree, since in their opinion the price is not negotiated but imposed and is not fair but unfair.

Assuming the law is held to be Constitutional, further litigation is inevitable over whether or not the government has properly interpreted and properly considered the factors listed in the law. The listed factors all incorporate very difficult issues of human judgment.

There are important unanswered international legal questions. First, does the new law violate the international intellectual property and investment protection treaty obligations of the United States? Second, if there are no treaty violations are other countries likely to respond with similar legislation?

And there are even more important unanswered economic, moral, and political issues. First, what is the effect of shortening the patent term on research on pharmaceuticals? Second, what reduction of research efforts does to lessened intellectual property incentives would be an acceptable tradeoff for lower pharmaceutical prices?

REFERENCES

1. Inflation Reduction Act, Public Law No 117–169. — URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text>
2. Information on these lawsuit is collected at: <https://litigationtracker.law.georgetown.edu/issues/inflation-reduction-act/>

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: УРОКИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ АВТОРСТВА

THE PERSONALITY OF THE AUTHOR IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: LESSONS FROM THE GENERAL THEORY OF AUTHORSHIP

Алим Хусейнович УЛЬБАШЕВ

Ассоциация адвокатов штата Нью-Йорк, Нью-Йорк,
США,
alim-ulbashev@mail.ru,
ID# GVG-4776-2022

Информация об авторе

А.Х. Ульбашев — адвокат, член Ассоциации адвокатов
штата Нью-Йорк, кандидат юридических наук, LL.M.

Аннотация. Статья посвящена проблематике правосубъектности искусственного интеллекта (ИИ) и статусу автора в информационных правоотношениях. В частности, ставится вопрос о принципиальной возможности наделения ИИ самостоятельными правами и обязанностями. Для решения поставленной задачи анализируется общая теория авторства.

Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности и их экономическая ценность предопределяются не только особенностями объекта прав, но и характеристиками лица, принимающего непосредственное участие в их создании. При этом авторами могут быть признаны лишь физические лица (граждане). Стало быть, охрана прав автора подлежит рассмотрению в более общем контексте защиты прав человека.

Аргументировано, что искусственный интеллект *per se* не является автором произведения. По общему правилу автором считается лицо, эксплуатирующее искусственный интеллект в своих интересах. Искусственный интеллект не может обладать личными неимущественными правами, носителем которых также может быть лишь физическое лицо (гражданин).

О необоснованности признания правосубъектности за искусственным интеллектом свидетельствует весь исторический опыт развития правовой мысли в России и за рубежом. Юрисдикции, основанные на римской правовой традиции, отводят человеку и его правам

- главенствующую роль в системе права. Уравнивание
- правового статуса людей и машин, программ и роботов
- привело бы к умалению прав и свобод граждан.
- Таким образом, ИИ, несмотря на его важное
- значение в жизни современного общества, не образует
- самостоятельную правосубъектность. В экономическом
- смысле он является орудием труда, в юридическом —
- должен быть квалифицирован в качестве объекта прав.

- **Ключевые слова:** искусственный интеллект, ИИ, общая
- теория авторства, личность автора, личные права, юриди-
- ческая ответственность

- **Для цитирования:** Ульбашев А.Х. Личность автора
- в эпоху искусственного интеллекта: уроки общей теории
- авторства // Труды по интеллектуальной собственности
- (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3.
- С. 74–82; 10.17323/tis.2024.22301

Alim Kh. ULBASHEV

New York State Bar Association, New York, USA,
alim-ulbashev@mail.ru,
ID# GVG-4776-2022

Information about the author

A.Kh. Ulbashev — member of New York State Bar
Association, Candidate of Legal Sciences, LL.M, Esq.

- **Abstract.** The article covers the problems of the legal
- personality of artificial intelligence and the role of human
- beings as creators. In particular, the article discusses the
- fundamental possibility of vesting artificial intelligence
- with legal rights and responsibilities. To solve the issue, the
- author turns to the general theory of authorship.
- It is argued that artificial intelligence *per se* is not the
- author. As a general rule, the author is a natural person who

exploits artificial intelligence to achieve their own goals. For this reason, artificial intelligence, unlike an individual (citizen), does not have and enjoy personal rights.

In addition, the entire historical experience supports the idea that it is unreasonable to recognize the legal personality of artificial intelligence. Jurisdictions adhering to the traditions of Roman law assign a dominant role to human beings as the main subject of the legal system. Equalization of the legal status of people, machines, and robots would lead to a diminution of the rights and freedoms of citizens themselves and destroy the legal system.

Based on these arguments, it is concluded that artificial intelligence, despite its importance in the life of modern society, does not form an independent legal personality. Being an instrument of labor in economic sense of the word, in legal terms an artificial intelligence should be qualified as an object of rights, not their subject.

Keywords: artificial intelligence, AI, general theory of authorship, author's personality, personal rights, legal responsibility

For citation: Ulbashev A.Kh. The Personality of the Author in the Era of Artificial Intelligence: Lessons from the General Theory of Authorship // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 74–82; 10.17323/tis.2024.22301

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Одним из основополагающих (конститутивных) принципов права интеллектуальной собственности традиционно называется новизна результатов интеллектуальной деятельности. Утверждается, что «авторское право охраняет лишь те творческие результаты, которые обладают объективной новизной» [1]. В свою очередь, объективная новизна состоит в «неизвестности полученного творческого результата не только для его создателя, но и для остальных лиц» [там же]¹.

Господствующее в российском частном праве понимание новизны как принципиальной характеристики и критерия охраноспособности восходит к категории творчества — в частности, известно выражение М.В. Гордона, что «для элемента творчества характерным является прежде всего то, что произведение отличается *существенной новизной* (курсив мой. — А.У.), говорящей о самостоятельной работе автора» [3]. Иными словами, по мнению М.В. Гордона, разделяемому сегодня большинством исследователей права интеллектуальной собственности, результат интеллектуальной деятельности охраноспособен тогда, когда он создан творческими усилиями, в результате приложения которых возникает «существенно новый объект» [4].

Неслучайно поэтому отдельные положения Гражданского кодекса РФ содержат прямое указание на новизну как особое условие придания правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности (ст. 1350, 1437 ГК РФ и др.) [5].

Отсюда следует вопрос: как квалифицировать отношения, в рамках которых, хотя и создаются существенно новые результаты интеллектуальной деятельности, но без участия или с ограниченным участием физического лица (гражданина) в процессе их создания? Речь идет о получивших распространение технологиях искусственного интеллекта (ИИ), способных имитировать творческую деятельность человека и в конечном счете производить уникальные про-

¹ О взаимосвязи категорий творчества и новизны высказывались и другие отечественные правоведы, в том числе Е.Л. Вакман, И.А. Грингольц, О.С. Иоффе, Н.А. Райгородский, В.И. Серебровский и др. См. подробнее [2, с. 17–19, 22–26].

дукты, формально отвечающие требованиям закона, традиционно предъявляемым к объектам интеллектуальной деятельности в части их новизны [6]. Можно ли в этой связи говорить, что ИИ (программа, робот, компьютер, машина и т.д.) являет собой самостоятельную фигуру субъекта-правообладателя?

Ответ на поставленный вопрос требует обращения к общей теории авторства, которая «предназначен[а] не для того, чтобы прийти на смену существующей доктрине интеллектуальной собственности, а для того, чтобы с помощью “логической чистки понятий” (Г. Маркузе) и построения соответствующей метатеории выявить в ней пробелы и противоречия и позволить на продвинутом этапе перестроить ее, а следовательно, сделать более совершенными и прогнозируемыми как законодательство, так и правоприменение» [7, с. 40].

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ПОВОДУ АВТОРСТВА

Оценка охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности исключительно на основе признаков самих объектов *per se* (в данном случае — объективной новизны) игнорирует философские и психологические представления о природе человеческой деятельности. Как известно, еще в 1930-е гг. выдающийся отечественный психолог С.А. Рубинштейн доказал, что «деятельность и сознание — не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое, не тождество, но единство» [8]. Что еще важнее, С.А. Рубинштейн рассматривал деятельность как последовательность действий, направленных на достижение конкретной цели, желаемой (искомой) субъектом.

Развивая данный тезис, в 1980-е гг. А.Г. Асмолов пришел к выводу, что «подчиненность активности какой-либо конечной, заранее установленной цели и составляет ту существенную особенность, на основе которой мы оцениваем поведение как адаптивное» [9].

Сказанное в полной мере применимо и к творческой (интеллектуальной) деятельности человека: во-первых, она неразрывно связана с сознанием личности; во-вторых, она направлена на достижение поставленных человеком целей (удовлетворение материальных и духовных потребностей и т.д.).

Кроме того, до настоящего времени не опровергнуто наблюдение Карла Маркса, что «паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска,

он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт» [10]. Из сказанного можно предположить, что интеллектуальная деятельность как деятельность сознательная свойственна лишь человеку. Действия животных и машин диктуются другими факторами (в случае животных их поведение предопределено инстинктами, действия машин подчинены алгоритмам, заложенным в предустановленных программах, и т.д.).

Закономерно, что еще древние правовые системы, включая римское право, отводили именно человеку исключительный статус субъекта права [11]. С юридической точки зрения всякое правоотношение, будучи разновидностью общественных связей, формируется при участии людей либо субъектов *sui generis*, имеющих так называемый человеческий субстрат (имеются в виду юридические лица и публично-правовые образования) [12]. Даже если допустить, что искусственный интеллект может быть наделен «фиктивной правосубъектностью» по модели юридических лиц, то подобное предложение не выдержит никакой критики: юридическое лицо правосубъектно постольку, поскольку оно обладает имуществом, т.е. выступает в качестве персонализированного имущества [13]. Очевидно, что ИИ не является собственником, он не участвует в имущественном обороте, а потому не может считаться юридическим лицом.

Следовательно, невозможны правоотношения, в которых не участвовали бы люди. К тому же понятно, что ИИ нельзя отнести ни к одной из перечисленных категорий. В отличие от человека, не обладая собственным сознанием и волей, ИИ, хотя и достигает значительных результатов в производственной деятельности, но не образует особую субъектность в контексте общественных связей.

Искусственный интеллект не замещает человека и не становится самостоятельным субъектом правоотношений, а служит еще одним, пускай и самым совершенным, средством (орудием, инструментом) человеческой деятельности. Даже самые сложные операции, совершаемые искусственным интеллектом (математические расчеты, комплексная постановка и решение научных задач, генерирование и редактирование текстов и т.д.), возможны лишь по воле человека.

Следовательно, результаты интеллектуальной деятельности, созданные с применением ИИ, охрано-

способны не «сами по себе», а лишь при наличии физического лица, позиционирующего себя или позиционируемого третьими лицами в качестве автора. Тот факт, что автор использует в своей деятельности ИИ, не умаляет его роль как творца и правообладателя.

Для подтверждения последнего тезиса рассмотрим, на первый взгляд, отвлеченный пример. Допустим, писатель создал художественное произведение, допустив множество орфографических и стилистических ошибок. Несмотря на существенные недостатки, издательство, рассмотрев рукопись, проявило к ней интерес и приняло решение опубликовать произведение. Очевидно, что публикации предшествуют кропотливая редакторская и корректорская обработка, предпечатная подготовка (с учетом положений п. 3 ст. 1266 ГК РФ о недопустимости искажения замысла автора и соблюдения целостности восприятия произведения). Вместе с тем редакторы, корректоры и прочие сотрудники издательства, готовящие рукопись к печати, не становятся соавторами «обновленного» произведения. Единственным автором признается лишь сам писатель, первоначально предложивший рукопись издательству.

Придерживаясь этой же логики, можно заключить, что и лицо, создавшее произведение при помощи искусственного интеллекта, также сохраняет авторскую «монополию» (в этом смысле ИИ выступает в том же качестве, что редактор и корректор в издательстве, но при этом не становится соавтором, ибо его роль остается по-прежнему подчиненной воле автора). Приведенный довод находит подтверждение и в науке гражданского права. Так, по справедливому замечанию В.Я. Ионаса, «мы видим, что объектами авторского права могут быть произведения, созданные без использования чужого труда <...> или с использованием чужого труда. <...>» [2, с. 12].

Сказанное позволяет прийти к выводу, что необходимым элементом юридического состава, порождающего охраноспособность результатов интеллектуальной деятельности, является не только создание оригинального объекта правовой охраны, но и наличие автора. В тех случаях, в которых автор не раскрывает авторства (в силу смерти, опасений политических преследований или по другим причинам), авторство презюмируется за неустановленным лицом, от имени и в интересах которого действует издатель (п. 3 ст. 1049 ГК РФ).

Отсюда следует общее правило, что правоотношение по поводу авторства априори не может считаться «бессубъектным». Наделение же искусственного интеллекта — де-юре не субъекта права — субъективными правами и обязанностями стало бы юридическим нонсенсом и привело бы к разрушению целостной системы права.

ЛИЧНЫЕ ПРАВА В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ АВТОРСТВА

Изложенный подход имеет ясное этическое содержание: признание авторства лишь за физическим лицом это проявление уважения к его индивидуальным качествам, побудившим к ведению интеллектуальной деятельности. Человек как существо разумное (*homo sapiens*) занимает особое место в природе, что и должно находить отражение в законодательстве. Показательно, что ст. 2 Конституции РФ называет человека, его права и свободы высшей ценностью [14].

Однозначную позицию по данному вопросу занимает ГК РФ, в ст. 1257 которого прямо установлено, что автором произведения может считаться только физическое лицо (гражданин). Данное положение закона выражает гуманистическую сущность авторского права, его направленность на защиту человеческой личности и личных прав. Не теряет актуальности суждение Е.А. Флейшиц, что научное, литературное и художественное произведение, как и изобретение, «неотделимы от личности автора» в особом смысле. В них, если это только подлинно новая духовная продукция, воплотились долгие мысли и искания, в них запечатлен длинный ряд преодоленных трудностей и нередко мучительных сомнений, они «произведены» автором, созданы им и, конечно, всегда носят печать его индивидуальности [15].

Отечественное право наследует традиционный взгляд на человека как единственного субъекта интеллектуальной деятельности. Будучи единственным в своем роде разумным существом, лишь человек способен заниматься творчеством в полном смысле этого слова.

В зарубежном праве подобный вопрос возникал применительно к «творчеству» животных, птиц и растений (в частности, ставился вопрос о правовом режиме картин, созданных дельфинами и т.д.). В руководстве, выпущенном Бюро по регистрации авторских прав США (U.S. Copyright Office), содержится однозначное разъяснение:

«306. Бюро по регистрации авторских прав США регистрирует оригинальное авторское произведение при условии, что произведение создано человеком.

Закон об авторском праве защищает только “плоды интеллектуального труда”, которые “основаны творческими силами ума”. *Trade-Mark Cases*, 100 U.S. 82, 94 (1879). В силу того, что закон об авторском праве ограничивается “оригинальными интеллектуальными концепциями автора”, Бюро примет решение об отказе в регистрации, если будет установлено, что человек не принимал участия в его создании. *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony*, 111 U.S. 53, 58 (1884)» [16].

Чем объясняется подобный консерватизм отечественного и иностранного правовых порядков? Ответ на поставленный вопрос следует искать в понимании личности автора как обладателя «творческих сил ума». Подобные «силы» основаны на личном опыте человека, его образовании, воспитании, взглядах, ценностях, среде общения и т.д. Не требует дополнительных пояснений то, что названные факторы в серьезной мере влияют на формирование индивидуальных качеств автора. Ничем из перечисленного искусственный интеллект не обладает по определению.

В частном праве упоминаемые индивидуальные качества охраняются самостоятельной группой личных неимущественных прав. В авторском праве таковыми признаются право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения и право на обнародование (ст. 1255 ГК РФ). В патентном праве и праве на селекционные достижения к числу личных прав относится право авторства (ст. 1345, 1408 ГК РФ).

Принято считать, что личные права носят «второстепенный» характер по отношению к правам имущественным. Не разрешая вопрос о балансе имущественных и личных неимущественных прав в системе гражданского права в целом, оговоримся, что в правоотношениях, возникающих в связи и по поводу авторства, личным правам должно отводиться центральное место, ведь именно в них находит воплощение идея о защите личности автора как творца.

Несмотря на известное выражение Р. Барта о «смерти автора» (*la mort de l'auteur*), о необходимости «раскрепощения читателя» и его «освобождении от тирании толкования» [17], в юридической практике нельзя аналогичным образом защищать объект интеллектуальных прав вне связи с автором.

Дело в том, что всякий объект зачастую не может быть познан без субъекта. В свою очередь, субъект является носителем уникальных качеств и характеристик, в конечном счете определяющих создаваемый им объект. К слову, такие характеристики, влияющие на особенности речевого поведения, играют решающую роль в автороведческих экспертизах по установлению (идентификации) автора (например, в судебных делах об оспаривании авторства анализ текста по общему правилу требует изучения личности потенциального автора, его образования, общего уровня грамотности, его устной речи и письма для сопоставления со спорным образцом). Поэтому представляется верной точка зрения М.А. Федотова, что в концепте общей теории авторства «в центре всей экосистемы интеллектуальной собственности [стоит] именно автор, а не результат его интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, то есть объект

права» [7, с. 41]. В свою очередь, ИИ не обладает индивидуальными особенностями, поэтому и считается автором не может.

Но остается открытым вопрос: кто в таком случае признается автором результата интеллектуальной деятельности, созданного машиной или программой? Представляется, что ответ зависит от ряда дополнительных обстоятельств. Если спорный объект создан *при помощи* искусственного интеллекта, но ключевую роль в его создании сыграл человек, то данный гражданин и будет считаться автором. Если же объект *всего* создан искусственным интеллектом, то действует презумпция отсутствия авторства, а значит, ни одно лицо не наделяется какими-либо правами в отношении спорного объекта (применима аналогия с нормой п. 6 ст. 1259 ГК РФ о произведениях, не признаваемых объектами авторских прав в связи с невозможностью установления их авторства).

Надо оговориться, что второй вариант, при котором ни один гражданин не может считаться автором, кажется маловероятным и исключительным, так как физическое лицо в той или иной мере всегда вовлечено в творческий процесс с применением искусственного интеллекта (постановка задачи, введение исходных параметров решаемой задачи и т.д.) и в силу этого наделяется правами автора.

Примечательно, что схожая проблема обсуждалась в XIX в. в отношении авторских прав на фотографии. Считалось, что фотограф не участвует в создании фотографии, а потому не может заявлять о своем авторстве на конечный продукт. При этом труд фотографа противопоставлялся труду художника, которому приходится прикладывать значительно больше физических усилий для написания картины. Но позже стало ясно, что и труд фотографа не сводится к механическому нажатию кнопки фотоаппарата — он также подбирает ракурс и свет, выбирает удачный фон, организует объекты в кадре и т.д. Все это позволило заключить, что фотограф обладает авторскими правами [18].

Так и использование искусственного интеллекта всегда подчинено воле человека. защите личности автора и служит институт личных прав. В этом отношении институт личных прав, защищающий индивидуальность автора, служит помимо прочего ключом к разрешению более общего вопроса об охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи ИИ.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Итак, как было показано, искусственный интеллект не может быть наделен классическими правами, то есть

быть самостоятельным субъектом имущественных и (или) личных неимущественных прав. Можно ли предположить, что в отношении ИИ действует или, по меньшей мере, должен действовать правовой режим *sui generis*, включающий новые виды прав?

Одни авторы полагают, что «основы правового регулирования [систем искусственного интеллекта], которые могут быть заложены в ближайшее время, должны предусматривать последующую возможность признания за такими системами определенного круга прав и обязанностей в зависимости от неких критериев, которые могут свидетельствовать о развитии таких систем в нечто большее» [19].

Другая категория авторов исходит из необходимости наделения правами и обязанностями самих граждан в правоотношениях, в которых так или иначе применяется искусственный интеллект: «[Предлагается] задуматься над формированием нового поколения прав человека, которые непосредственно связаны с развитием технологий [искусственного интеллекта] и остро нуждаются в международном признании» [20].

Несмотря на имеющиеся различия, авторы, занимающие обе позиции, исходят из понимания, что современное право стоит на пороге фундаментальных перемен, которые должны отражать изменения в жизни общества. Понятно, что право как разновидность общественного сознания и составной элемент надстройки не может опережать развитие базиса (общественного бытия). Но в то же время право должно быть готово к изменениям в общественной жизни и находить им адекватное регулирование.

На сегодняшний день отсутствуют объективные предпосылки для признания правосубъектности за искусственным интеллектом. Поэтому кажутся преувеличенными рассуждения о полной или даже частичной замене человека роботами и компьютеризованными машинами. Более того, такие опасения во многом созвучны страхам, царившим в европейских обществах в эпоху промышленной революции XVIII–XIX вв. Опасаясь утраты своих привычных ролей и рабочих мест, трудящиеся заводов громили машины и станки [21]. По всей видимости, современный человек испытывает схожие чувства перед технологическим прогрессом, следствием чего служат противоречивые попытки юридической науки определить правовой режим искусственных технологий.

Если занять противоположную точку зрения и предположить, что ИИ на определенном этапе технологического развития приобретет самостоятельную правосубъектность (в том числе будет считаться полноправным автором), то нужно ответить на логичный вопрос: кто несет ответственность за действия машины, программы или робота? Для сравнения

в зарубежном (прежде всего в англо-американском) праве укоренился подход, согласно которому практическое назначение категории правосубъектности состоит в возможности привлечения к ответственности. Иными словами, правопорядок может и должен наделить лицо статусом субъекта права, если такое лицо может и должно нести самостоятельную ответственность [22].

Очевидно, что постепенное усложнение механизмов функционирования искусственного интеллекта, адаптация его функционала и возможностей к наиболее сложным практическим задачам и технологическим процессам приведет к тому, что не все операции, совершаемые ИИ, будут полностью подконтрольны человеку [23].

Несмотря на кажущуюся новизну поставленной проблемы, в действительности юридическая мысль сталкивалась с аналогичным вопросом и успешно решала его на протяжении последних столетий. Помимо упомянутых машин, появившихся в жизни человека в эпоху промышленной революции, со времен римского права юристам приходилось искать ответы на смежные вопросы об ответственности человека, «доброго мужа» (лат. *vir bonus*) [24] за силы природы или действия животных.

Безусловно, правовой режим искусственного интеллекта, громоздких фабричных машин образца XIX в. и домашних животных имеет множество различий. Однако их важнейшее сходство, определяющее необходимость единообразного правового регулирования, состоит в известной непредсказуемости и ограниченности контроля человека за их характеристиками и поведением. За прошедшие сотни лет своего развития большинство правопорядков нашли ответы на эти вопросы. Существующие подходы могут и должны быть применены с известными оговорками и к ИИ.

Вместе с тем стоит ожидать, что различные правопорядки предложат диаметрально разные подходы и модели регулирования отношений с использованием искусственного интеллекта [25]. Об этом свидетельствует то, что, например, континентально-европейские правопорядки и страны общего права традиционно придерживаются различных подходов в вопросах регулирования ответственности собственников за действия животных или вред, причиненный источниками повышенной опасности.

Вполне возможно, что различия будут восприняты и в части регулирования отношений с использованием искусственного интеллекта. Но такие различия будут носить технический характер и не смогут нивелировать главного — человек может и должен нести ответственность за действия искусственного интеллекта.

Применительно к отношениям авторства сказанное можно интерпретировать следующим образом: автор, создавший результат интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта, приобретает права в сфере авторства. Однако признание лица автором порождает для него и известные юридические последствия: в частности, данный гражданин отвечает перед третьими лицами (неся ответственность за плагиат, диффамацию и т.д.).

Вместе с тем важно упомянуть, что в условиях повсеместной цифровизации будет все сложнее довольствоваться разрозненными подходами в регулировании интеллектуальной деятельности и использовании ее результатов. И хотя, как было отмечено, многие правовые порядки будут по-прежнему склонны сохранять регуляторную автономию и следовать собственным правовым традициям, не вызывает никаких сомнений, что в XXI в. проблема межгосударственной кооперации заметно возрастет.

Цифровизация экономики и других сфер общественной жизни требует консолидации усилий различных стран и унификации правовых стандартов в области регулирования искусственного интеллекта. В этом контексте отдельные авторы, например Рольф Вебер [26], выступают с идеей создания «глобального права» (*global law*), призванного регулировать отношения с использованием ИИ.

Динамика политических процессов в международной жизни последнего времени свидетельствует: было бы излишне оптимистичным утверждение, что мировое сообщество, действуя как целое, готово к созданию «глобального» регулирования даже по самому узкому кругу общественных отношений. В этой связи промежуточным решением проблемы может стать создание и внедрение региональных стандартов в сфере использования ИИ (например, в рамках Европейского союза или Евразийского экономического союза).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несомненно, развитие информационных технологий требует переоценки многих классических правовых институтов. Важно понимать, что анахронизм отдельных правовых принципов и теорий не должен вставать на пути прогресса. Вместе с тем было бы неправильно уходить в другую крайность и произвольно разрушать правовую систему, основанную на многовековой традиции и доказавшую свою эффективность.

Развитие технологий искусственного интеллекта поставило вопрос о целесообразности признания его полноправным субъектом правоотношений. В данной статье предпринята попытка ревизии основополагающих правовых категорий для целей их соотнесения

с понятием искусственного интеллекта: проанализированы проблемы авторства, личных прав автора, юридической ответственности и т.д. Исследование показало, что искусственный интеллект не может считаться субъектом права. Напротив, он должен рассматриваться в качестве объекта прав, а в экономическом отношении — орудием труда человека.

Признание ИИ объектом прав само по себе не решает проблему, а открывает дискуссию о новом поколении прав человека в отношении искусственного интеллекта. Очевидно, что такая дискуссия должна вестись с учетом непреложной истины: любое развитие и совершенствование законодательства в сфере искусственного интеллекта как на уровне национального законодательства, так и на наднациональном уровне должно быть основано на общеправовых ценностях примата прав человека, всемерно учитывать его интересы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское право: учебник, в 4-х т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2019. Т. 2. С. 262 (автор главы — Н.В. Щербак).
2. Ионас В.Я. Произведения творчества в гражданском праве. М.: Юридическая литература, 1972.
3. Гордон М.В. Советское авторское право. М.: Юриздат, 1955. С. 63.
4. Тимофеев А.А. Определение критериев творчества в произведениях периодической печати // Вестник МГУ. Сер. 10 «Журналистика». 2010. № 3. С. 172–186.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «Консультант Плюс».
6. Artificial Intelligence & Intellectual Property / ed. by R. Hilty, J.-A. Lee, K.-Ch. Liu. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 1.
7. Федотов М.А. Введение в концепт общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 46. № 3.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001. С. 5.
9. Асмолов А.Г. Основные принципы психологической теории деятельности // А.Н. Леонтьев и современная психология: сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 20.
10. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. Т. 23. С. 189.
11. Riggsby A.B. Roman Law and the Legal World of the Romans. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 99 ff.
12. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 114 и далее.

13. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 10–15.
14. Конституция Российской Федерации (принята все-народным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
15. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву / Предисл. А.Л. Маковского (сер. «Классика российской цивилистики»): в 2-х т. М.: Статут, 2015. Т. 1. С. 157.
16. Copyrightable Authorship: What Can Be Registered // Compendium of U.S. Copyright Office Practices, 3rd ed. — URL: <https://www.copyright.gov/comp3/chap300/ch300-copyrightable-authorship.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).
17. Barthes R. La Mort de l'auteur // Manteia. 1968. № 5. P. 12–17.
18. Ульбашев А.Х. Правовые и этические основы журналистики: Учебник. М.: Юрайт, 2023. С. 155–156.
19. Черноусов Д.А. Проблема авторства при использовании систем искусственного интеллекта для создания РИД // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 47. № 4. С. 88.
20. Федотов М.А., Наумов В.Б., Будник Р.А., Тютюк Е.В. Роль искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: результаты экспертного опроса // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 47. № 4. С. 73.
21. Steinberg M.W. England's Great Transformation. Law, Labor, and the Industrial Revolution. Chicago: The University of Chicago, 2016. P. 26–50.
22. Holmes O.W. The Common Law. Boston: Little, Brown, and Company, 1881. P. 1 ff.
23. Law and Artificial Intelligence. Regulating AI and Applying AI in Legal Practice / ed. by B. Custers, E. Fosch-Villaronga. Heidelberg: Springer, 2022. P. 11.
24. Brinton A. Quintilian, Plato, and the "Vir Bonus" // Philosophy & Rhetoric. 1983. Vol. 16. No 3. P. 167–184.
25. Research Handbook on Intellectual Property and Artificial Intelligence / ed. by R. Abbott. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2022. P. 6.
26. Weber R.H. Global Law in the Face of Datafication and Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and International Economic Law. Disruption, Regulation, and Reconfiguration / ed. by Ch.-F. Lin, Sh.-Yi Peng, T. Streinz. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 54–69.
2. Ionas V.Ya. Proizvedeniya tvorchestva v grazhdanskom prav. M.: Yuridicheskaya literatura, 1972.
3. Gordon M.V. Sovetskoe avtorskoe pravo. M.: Yurizdat, 1955. S. 63.
4. Timofeev A.A. Opredelenie kriteriev tvorchestva v proizvedeniyah periodicheskoy pechati // Vestnik MGU. Ser. 10. "Zhurnalistika". 2010. No 3. S. 172–186.
5. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 No 230-FZ (red. ot 30.01.2024) // SPS "Konsul'tant Plyus".
6. Artificial Intelligence & Intellectual Property / ed. by R. Hilty, J.-A. Lee, K.-Ch. Liu. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 1.
7. Fedotov M.A. Vvedenie v koncept obshchej teorii avtorstva // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. T. 46. No 3. S. 40.
8. Rubinshteyn S.L. Osnovy obshchej psihologii. SPb.: Piter, 2001. S. 5.
9. Asmolov A.G. Osnovnye principy psihologicheskoy teorii deyatelnosti // A.N. Leont'ev i sovremennaya psihologiya: Sb. statej. M.: Izd-vo MGU, 1983. S. 20.
10. Marks K. Kapital // Marks K., Engel's F. Soch. v 50 t. M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1960. T. 23. S. 189.
11. Riggsby A.B. Roman Law and the Legal World of the Romans. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 99 ff.
12. Khalfina R.O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii. M.: Yuridicheskaya literatura, 1974. S. 114 i dalee.
13. Sukhanov E.A. Sravnitel'noe korporativnoe pravo. M.: Statut, 2014. S. 10–15.
14. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS "Konsul'tant Plyus".
15. Fleyshits Ye.A. Lichnye prava v grazhdanskom prave Soyuzo SSR i kapitalisticheskikh stran // Fleyshits Ye.A. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu / Predisl. A.L. Makovskogo (ser. "Klassika rossijskoj civilistiki"): v 2-h t. M.: Statut, 2015. T. 1. S. 157.
16. Copyrightable Authorship: What Can Be Registered // Compendium of U.S. Copyright Office Practices, 3rd ed., <https://www.copyright.gov/comp3/chap300/ch300-copyrightable-authorship.pdf> (data obrashcheniya: 25.02.2024).
17. Barthes R. La Mort de l'auteur // Manteia. 1968. No 5. P. 12–17.
18. Ulbashev A.Kh. Pravovye i eticheskie osnovy zhurnalistiki: Uchebnik. M.: Yurajt, 2023. S. 155–156.
19. Chernousov D.A. Problema avtorstva pri ispol'zovanii sistem iskusstvennogo intellekta dlya sozdaniya RID // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. T. 47. No 4. S. 88.

REFERENCES

20. Fedotov M.A., Naumov V.B., Budnik R.A., Tytyuk E.V. Rol' iskusstvennogo intellekta v sfere intellektual'noj sobstvennosti: rezul'taty ekspertnogo oprosa // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. T. 47. No 4. S. 73.
21. Steinberg M.W. England's Great Transformation. Law, Labor, and the Industrial Revolution. Chicago: The University of Chicago, 2016. P. 26–50.
22. Holmes O.W. The Common Law. Boston: Little, Brown, and Company, 1881. P. 1 ff.
23. Law and Artificial Intelligence. Regulating AI and Applying AI in Legal Practice / ed. by B. Custers, E. Fosch-Villaronga. Heidelberg: Springer, 2022. P. 11.
24. Brinton A. Quintilian, Plato, and the "Vir Bonus" // Philosophy & Rhetoric. 1983. Vol. 16. No 3. P. 167–184.
25. Research Handbook on Intellectual Property and Artificial Intelligence / ed. by R. Abbott. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2022. P. 6.
26. Weber R.H. Global Law in the Face of Datafication and Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and International Economic Law. Disruption, Regulation, and Reconfiguration / ed. by Ch.-F. Lin, Sh.-Yi Peng, T. Streinz. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 54–69.

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ТОВАРОВ, СОДЕРЖАЩИХ ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

CUSTOMS CONTROL OF GOODS CONTAINING INTELLECTUAL PROPERTY: DIRECTIONS OF DIGITALIZATION

Саният Абдулганиевна АГАМАГОМЕДОВА

Институт государства и права РАН, Москва, Российская Федерация,
saniyat_aga@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8265-2971

Информация об авторе

С.А. Агамагомедова — старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Защита прав на объекты интеллектуальной собственности осуществляется как на внутреннем рынке, так и при трансграничном перемещении товаров. В последнем случае основой выступает таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности.

Цель статьи — исследование направлений цифровизации таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности в современных условиях.

В качестве задач исследования определены следующие:

- дать административно-правовую характеристику таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, в условиях цифровизации;
- выделить направления цифровизации таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности;
- охарактеризовать цифровые сервисы взаимодействия таможенных органов и правообладателей в рамках таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности;

- обозначить проблемы и перспективы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, в условиях цифровизации.
- Для достижения заявленной цели использовались методы системного анализа, синтеза, классификации, сравнительно-правового и формально-юридического методов.

- В статье обозначены проблемы цифровизации таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, предложены возможные варианты их решений, определены перспективы развития данного направления таможенного контроля с учетом углубления процессов цифровизации.

- Ключевые слова:** таможенный контроль, интеллектуальная собственность, цифровизация, цифровые сервисы, личный кабинет, таможенный реестр, товарный знак, электронное декларирование.

- Для цитирования:** Агамагомедова С.А. Таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности: направления цифровизации // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 83–91; DOI: 10.17323/tis.2024.22302

Saniyat A. AGAMAGOMEDOVA

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
saniyat_aga@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8265-2971

Information about the author

- S.A. Agamagomedova — Senior Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Abstract. Protection of rights to intellectual property is carried out both in the domestic market and during cross-border movement of goods. In the latter case, the basis is customs control of goods containing intellectual property. The purpose of the article is to study the directions of digitalization of customs control of goods containing intellectual property in modern conditions.

The following research objectives were identified:

- give an administrative and legal description of customs control of goods containing intellectual property in the conditions of digitalization;
- highlight areas for digitalization of customs control of goods containing intellectual property;
- characterize digital services for interaction between customs authorities and rights holders within the framework of customs control of goods containing intellectual property;
- outline the problems and prospects for customs control of goods containing intellectual property in the context of digitalization.

To achieve the stated goal, methods of system analysis, synthesis, classification, comparative legal and formal legal methods were used.

Customs control of goods containing objects of intellectual property is designated as an element of the entire system of state control and supervision in the field of intellectual property and at the same time an independent direction of customs control.

The article identifies the problems of digitalization of customs control of goods containing intellectual property, suggests possible solutions to them, and identifies prospects for the development of this area of customs control, taking into account the deepening of digitalization processes.

Keywords: customs control, intellectual property, digitalization, digital services, personal account, customs register, trademark, electronic declaration

For citation: Agamagomedova S.A. Customs Control of Goods Containing Intellectual Property: Directions of Digitalization // Trudi po Intellectulnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 83–91; DOI: 10.17323/tis.2024.22302

- • • • •

ВВЕДЕНИЕ

Таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, с одной стороны, выступает составной частью государственного контроля и надзора в области создания и использования прав на объекты интеллектуальной собственности, а с другой стороны, является важным направлением таможенного контроля в целом. Специфика выделенного направления таможенного контроля заключается в особенностях, преимущественно административно-процедурных, контрольно-надзорных мероприятий таможенных органов в отношении товаров, содержащих интеллектуальную составляющую. Доля подобных товаров растет год от года, при этом меры по защите таможенные органы принимают в отношении товаров, содержащих ограниченный перечень объектов интеллектуальной собственности (в отличие от всего перечня прав на объекты интеллектуальной собственности, закрепленных в ст. 1225 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ)) [1].

Речь идет о товарных знаках, знаках обслуживания, объектах авторского права и смежных прав, наименованиях мест происхождения товаров и географических указаниях (п. 3 ст. 385 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС) [2], ч. 2 ст. 327 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]). В условиях закономерной цифровизации таможенного контроля в целом цифровой трансформации подвергается и таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Представляется, что направления цифровизации данного вида (направления) таможенного контроля обусловлены спецификой объекта подобного контроля (товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности), спецификой субъектного состава (участие правообладателя в процедурах защиты), а также процедурными особенностями защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (возможность приостановления срока выпуска таких товаров). Остановимся подробнее на направлениях цифровизации таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ТОВАРОВ, СОДЕРЖАЩИХ ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Государственный контроль и надзор в условиях цифровизации активно изменяются, прежде всего в части административных процедур их осуществления. По мнению специалистов в области финансового контроля, в современных условиях ключевая цель развития финансового контроля заключается в формировании эффективной модели взаимодействия контролируемых и подконтрольных субъектов [4, с. 4]. Несмотря на то что таможенный контроль в полном объеме не может быть отнесен к контролю финансовому (таможенный контроль включает в себя финансовую и нефинансовую составляющие), выделенная цель в полной мере может быть применена и к таможенному контролю с учетом фактора цифровизации.

Цифровизация таможенного контроля происходила поэтапно и, безусловно, была связана с принятием Федерального закона «Об электронной цифровой подписи» [5] и иными важными факторами в развитии системы государственного управления.

Электронное таможенное декларирование, обязательное с 1 января 2014 г., по сути, стало базой для цифровизации документального таможенного контроля. С учетом множества критериев для дифференциации таможенного контроля на виды можно признать постепенное «оцифрование» практически всех его видов, связанных с этапом проведения контроля, его объектом, формами, направленностью, объемом и иными критериями. Уровень подобного «оцифрования» закономерно различается в разных видах таможенного контроля, но его наличие не вызывает сомнений.

Применительно к таможенному контролю товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, необходимо обозначить аспекты цифровизации, обусловленные цифровой трансформацией таможенного контроля как базовой функции таможенных органов в целом и их влиянием на трансграничную защиту интеллектуальных прав.

Во-первых, электронное таможенное декларирование сделало возможным заявление сведений о товарном знаке или ином объекте интеллектуальной собственности, права на который подлежат таможенной защите, в электронной форме. Примерами могут служить такие графы декларации на товары, как: графа 31 «Грузовые места и описание товаров», в которой при декларировании товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, включенные в тамо-

женный реестр объектов интеллектуальной собственности, дополнительно указывается регистрационный номер объекта интеллектуальной собственности по этому реестру (при его наличии); графа 33 «Код товара», во втором подразделе которой проставляется буква «И» (интеллектуальная собственность), если декларируемые товары содержат объекты и (или) признаки объектов интеллектуальной собственности, включенных в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, и другие [6].

Отмечу, что в порядок заполнения декларации на товары, утвержденный Решением Комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 257, постоянно вносятся изменения, среди которых изменения, связанные с заявлением сведений об объекте интеллектуальной собственности [7].

Кроме того, перечень классификаторов, используемых для заполнения таможенных документов, актуализируется в части изменений и дополнений, связанных с заявлением сведений об интеллектуальной собственности; к примеру, классификатор видов документов и сведений в 2022 г. был дополнен пунктом 14 «Документы, используемые в сфере интеллектуальной собственности», в который включили три категории документов, связанных с подтверждением правомерности введения в оборот таких товаров, под кодами 14010, 14020, 14030 [8]. К таким документам относятся свидетельство на товарный знак, лицензионный договор и другие.

Отдельно рассмотрим цифровизацию использования системы управления рисками (СУР) при осуществлении таможенного контроля. СУР, по сути, «вплетена» в информационные технологии таможенного декларирования, поэтому профили риска срабатывают автоматически при текущем таможенном контроле.

Во-вторых, поскольку практически все таможенные операции с декларируемыми товарами производятся в автоматизированном и (или) автоматическом режиме, такая важная мера по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, как приостановление срока выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, и возобновление срока выпуска таких товаров также совершаются с использованием информационных технологий [2].

В-третьих, цифровизация таможенного контроля неразрывно связана с созданием и функционированием электронной базы межведомственного взаимодействия всех государственных органов, задействованных в осуществлении государственного контроля и надзора при трансграничном перемещении товаров. При рассмотрении выделенного нами направления таможенного контроля товаров речь идет

прежде всего о межведомственном взаимодействии между ФТС России и Роспатентом.

В-четвертых, взаимодействие таможенных органов с декларантами и правообладателями как участниками таможенных отношений также базируется сейчас на цифровой платформе. Речь идет о специализированных цифровых сервисах в личном кабинете участника внешнеэкономической деятельности (ВЭД) на официальном сайте ФТС России. Данный сервис постоянно совершенствуется. Так, по итогам 2022 г. ФТС России информировала о том, что доработан сервис «Правообладатели» автоматизированного программного средства «Личный кабинет» в части предоставления доступа для работы в нем физическим лицам, в том числе в мобильной версии сайта. Это позволило обеспечить информационное взаимодействие в режиме онлайн таможенных органов с правообладателями (их представителями), которыми являются физические лица, при выявлении контрафактных товаров, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС [9, с. 4]. Представляется, что в перспективе при цифровом взаимодействии таможенных органов с авторами и иными правообладателями может быть использован механизм цифрового профиля правообладателя как участника таможенных отношений [10].

Здесь выделены лишь основные аспекты цифровизации таможенного контроля и направления их воздействия на трансграничную защиту интеллектуальных прав. Безусловно, цифровизации подверглись и иные процессы, в частности процедуры использования экспертных знаний при таможенном контроле таких товаров [11], а также производство по делам об административных правонарушениях, связанных с нарушением интеллектуальных прав. Представляется, что последние выделенные направления подверглись цифровизации в меньшей степени, в них ограничились лишь переводом отдельных процедур взаимодействия с таможенными органами в цифровой формат.

НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ТОВАРОВ, СОДЕРЖАЩИХ ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Таможенный контроль сегодня сложен и неоднороден. Более того, расширяется и усложняется система конституционных и иных ценностей, на обеспечение которых он направлен [12]. Поэтому важно определить, какие этапы и формы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, могут быть оцифрованы в первую очередь.

Безусловно, текущий таможенный контроль, выраженный преимущественно в контроле электронных документов при таможенном декларировании товаров (ранее — форматно-логический контроль), подвержен цифровизации в большей степени, нежели таможенный контроль после выпуска товаров. Это связано главным образом с электронным декларированием, в рамках которого возможны кодирование сведений об объекте интеллектуальной собственности, использование профилей рисков, связанных с защитой интеллектуальных прав, сопряжение сведений из электронной декларации на товары с информацией из таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности (далее — ТРОИС). Перспективой развития последнего направления видится привязка электронного таможенного декларирования к информационным ресурсам Роспатента, что позволит таможенным органам РФ эффективно защищать средства индивидуализации, не внесенные в ТРОИС.

Разновидностью очередного «ноу-хау» при электронном таможенном декларировании товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, отражающей цифровизацию текущего таможенного контроля, может стать внедрение в информационную систему таможенных органов изъятий, связанных с частичной легализацией параллельного импорта. Данные соответствующего перечня товаров и объектов интеллектуальной собственности определенных правообладателей [13] с учетом постоянных изменений будут внедрены в системы электронного таможенного декларирования. Это позволит упростить процедуры таможенного контроля таких товаров, экономить ресурсы таможенных органов и сосредоточиться на защите добросовестных правообладателей.

В рамках проведения ведомственного проекта «Реализация проектов ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной таможенной службы» в 2022 г. был разработан и внедрен механизм анализа неструктурированных данных, позволяющих в автоматическом режиме выявлять в том числе и объекты интеллектуальной собственности [9, с. 30–31].

О цифровизации межведомственного взаимодействия ФТС России и Роспатента следует сказать отдельно. На основе цифрового обмена данными между ведомствами, прежде всего доступа должностных лиц таможенных органов к информационным ресурсам Роспатента (реестрам товарных знаков, знаков обслуживания, наименований мест происхождения товаров и географических указаний), осуществляется процедура ех office, заключающаяся в применении мер защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, не включенные в ТРОИС. Несмотря на одноразовый характер данной процедуры (она применя-

ется единожды при условии, что правообладатель не включил свой объект интеллектуальной собственности в ТРОИС), данные дополнительные полномочия таможенных органов РФ имеют важное значение для полноценной защиты исключительных прав правообладателей. Взаимодействие ФТС России и Роспатента имеет богатую историю, но лишь в последнее десятилетие цифровизация позволила значительно повысить его эффективность.

Что касается таможенного контроля после выпуска товаров, в большинстве своем осуществляемого в форме таможенной проверки, то уровень его цифровизации значительно ниже и уступает возможностям текущего таможенного контроля. Нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности по результатам таможенных проверок выявляются достаточно редко, при этом существенным минусом подобного выявления становится невозможность конфискации (либо иного изъятия) товаров, признанных судом контрафактными. Нарушитель исключительных прав в подобных случаях привлекается к административной ответственности в виде административного штрафа, а контрафактный товар, потенциально несущий угрозу здоровью и жизни граждан, попадает к потребителю.

ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ И ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ В РАМКАХ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ТОВАРОВ, СОДЕРЖАЩИХ ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Взаимодействие таможенных органов и правообладателей достаточно четко можно разделить на три этапа:

- доконтрольный (или обеспечивающий предстоящий контроль) этап (связан с включением правообладателем своего объекта интеллектуальной собственности в ТРОИС);
- непосредственно контрольный этап (включающий в себя период предварительного, текущего и последующего таможенного контроля);
- постконтрольный этап (включающий в себя этапы производства по делу об административном правонарушении и судебного рассмотрения административного дела).

Из трех выделенных этапов второй является обязательным, первый и третий этапы могут отсутствовать во взаимодействии таможенных органов с правообладателями. Кроме того, может иметь место ситуация, когда в рамках первого этапа объект интеллектуальной собственности внесен в ТРОИС, но трансграничного перемещения товаров с таким объектом (или обозначением, тождественным или сходным до степени смешения с ним) не было.

Механизм ТРОИС — важный элемент таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Он используется в таможенном контроле с конца 90-х годов прошлого века и прошел эволюцию от разрозненных списков, которые вел Государственный таможенный комитет по инициативе правообладателей, до информационной системы включения в ТРОИС, ведения ТРОИС и поиска в ТРОИС. Несмотря на то что единый ТРОИС государств — членов ЕАЭС до настоящего времени не ведется, хотя предусмотрен актами на уровне ЕАЭС [14], национальные реестры государств — участников евразийской интеграции позволяют эффективно использовать ресурс механизма ТРОИС при защите интеллектуальных прав. ФТС России позиционирует ведение ТРОИС в качестве услуги [15]. Представляется, что речь идет об услуге, обеспечивающей эффективность таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Данная услуга предоставляется в электронном виде, причем цифровой формат предусмотрен на всех возможных этапах оказания услуги: включение объекта интеллектуальной собственности в ТРОИС, внесение изменений в него, исключение из него и др.

Цифровизация основного, по сути, этапа рассматриваемого направления таможенного контроля отражена в создании и функционировании специализированного сервиса для правообладателей — личного кабинета правообладателя. Цифровой сервис «Правообладатели» личного кабинета участника ВЭД функционирует на официальном сайте ФТС России [15]. Включению в данный сервис предшествуют получение правообладателем усиленной электронной подписи и регистрация. Данный сервис предназначен прежде всего для российских правообладателей, их лицензиатов и представителей. Взаимодействие в рамках цифрового сервиса происходит непосредственно при текущем таможенном контроле товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, то есть при таможенном декларировании таких товаров.

Сервис упрощает и ускоряет взаимодействие таможенных органов и правообладателей при приостановлении срока выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Важным достоинством сервиса является то, что он позволяет четко фиксировать процедурные сроки приостановления срока выпуска, продления этого срока, отмены решения о приостановлении, а также самого выпуска таких товаров.

Что касается постконтрольного взаимодействия таможенных органов с правообладателями, то оно подверглось цифровой трансформации в меньшей мере в сравнении с предыдущими этапами. Процеду-

ры участия правообладателя в производстве по делу об административном правонарушении, возбужденному по результатам таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, подверглись цифровизации лишь с точки зрения перевода отдельных этапов взаимодействия в электронный формат. То же можно отметить и в отношении участия правообладателя в рассмотрении судом административных дел, инициированных таможенными органами в рамках защиты интеллектуальных прав.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ТОВАРОВ, СОДЕРЖАЩИХ ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Можно выделить несколько проблем таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, в контексте цифровизации.

Во-первых, это ограниченность использования СУР при таможенном контроле после выпуска товаров. Если при текущем таможенном контроле СУР успешно используется и посредством специальных профилей риска позволяет минимизировать риски нарушения прав интеллектуальной собственности при трансграничном перемещении, то при таможенных проверках СУР использовать сложнее, а в отдельных случаях — просто невозможно. Следствием этого становится отсутствие обоснованных критериев для выборочности таможенного контроля после выпуска товаров.

Во-вторых, давней проблемой защиты интеллектуальных прав при таможенном контроле после выпуска товаров является невозможность пресечения попадания контрафактного товара к потребителю (прежде всего к отечественному потребителю). В условиях приоритета таможенного контроля после выпуска эта проблема приобретает особую актуальность. Текущий таможенный контроль происходит быстро и оперативно, перенося все контрольно-надзорное внимание таможенных органов на трехлетний период контроля после выпуска. Но при выявлении нарушений интеллектуальных прав в период после выпуска нарушителям грозит лишь административный штраф, конфискация выпущенного таможенным органом товара назначена судом быть не может. Таким образом, в этом отношении таможенный контроль после выпуска товаров ограничен в защите прав неопределенного количества лиц — потребителей продукции, содержащей объекты интеллектуальной собственности, которые в данной ситуации слабо защищены от контрафакта.

В-третьих, вызывает вопросы развитие цифровизации текущего таможенного контроля в части реали-

зации частичного введения международного принципа исчерпания прав. Выше говорилось о перспективах введения изъятий из условий применения таможенными органами мер по приостановлению срока выпуска товаров, содержащих признаки контрафактных. Как реально будут эти изъятия внедряться в систему электронного декларирования товаров, пока неясно.

В-четвертых, остаются проблемные вопросы при таможенном контроле товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности и перемещаемых физическими лицами для личных, семейных, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности нужд. Речь идет о трансграничном перемещении товаров посредством международных почтовых отправлений и экспресс-доставки. Таможенные органы имеют полномочия в отношении таких товаров и в части защиты интеллектуальных прав, но в данных процедурах сохраняется существенное место для административного (ведомственного) усмотрения таможенных органов.

В-пятых, имеет место проблема меньшей защищенности объектов авторского права и смежных прав при трансграничном перемещении товаров. Несмотря на то что основным объектом интеллектуальной собственности в ТРОИС является товарный знак, объекты авторского и смежных прав также представлены в ТРОИС (более трех десятков объектов). При реализации таможенными органами принципа их office должностные лица таможенных органов могут проверить наличие исключительного права на средство индивидуализации, которое подлежит регистрации и данные о котором содержатся в ресурсах Роспатента. Что касается объектов авторского права и смежных прав, то права на них не подлежат государственной регистрации (в качестве вариантов их фиксации могут быть депонирование, цифровое депонирование). В связи с этим авторы и владельцы смежных прав в определенной степени «выпадают» из сферы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, при невключении их в ТРОИС, их уровень таможенной защиты представляется более слабым в сравнении с защитой средств индивидуализации. Одним из вариантов решения выделенной проблемы видится усиление самоконтроля [17] или контроля со стороны самих правообладателей, тем более что в условиях реформирования контрольно-надзорной деятельности значение самоконтроля и самооценки граждан и организаций во взаимодействии с органами публичной власти существенно возрастает.

Это далеко не полный список проблемных вопросов, возникающих при таможенном контроле товаров, содержащих объекты интеллектуальной собствен-

ности, в условиях цифровизации. Часть выделенных проблем вызвана цифровизацией, часть имела место до цифровой трансформации процедур таможенного контроля, но усугубилась под воздействием информационно-коммуникационных технологий. Решение их также лежит как в дальнейшем развитии цифровизации взаимодействия таможенных органов с невластными субъектами, так и в общих тенденциях упрощения и снижения контрольно-надзорного воздействия в современных условиях.

ВЫВОДЫ

Таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, — важный элемент системы государственного контроля и надзора в сфере интеллектуальной собственности и одновременно направление таможенного контроля в целом. Влияние цифровизации на него — закономерно, обусловлено объективными условиями, а также спецификой самих объектов интеллектуальной собственности, особенностями их создания и оборота в экономическом пространстве.

При этом так же, как и при характеристике таможенного контроля в целом, применительно к выделенному направлению таможенного контроля можно говорить о необходимости соблюдения баланса между частными и публичными интересами при защите интеллектуальных прав, между экономической свободой, свободой интеллектуального творчества и правами неограниченного числа лиц.

Цифровой посткапитализм возможен как высокая мера свободы максимально возможного числа социально (взаимно) ответственных людей. При этом такая взаимная социальная ответственность может быть как раз в условиях существенного, ограниченного жесткими правовыми рамками и нетотального цифрового контроля [18, с. 71]. Экономическая и иная свобода при одновременно высоком уровне социальной ответственности за свое поведение, ответственности позитивной, направленной в будущее, — все это призвано стать условием эффективности взаимодействия граждан и организаций с органами публичной власти, в том числе и в рамках контрольно-надзорного взаимодействия, традиционно обладающего высокой конфликтностью в сравнении с иными формами взаимодействия.

Цифровизация таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, обусловлена не только цифровизацией таможенного контроля в целом, но и особенностью института интеллектуальной собственности. Данное направление таможенного контроля закономерно испытывает на себе влияние особенностей правовой охраны

и защиты различных результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, обусловлено неоднородностью такой охраны, разным уровнем цифровизации операций с товарами, содержащими интеллектуальную составляющую. Дальнейшее развитие цифровизации выделенного направления таможенного контроля также будет зависеть от особенностей режима охраны различных объектов интеллектуальной собственности, подлежащих трансграничной защите, и базироваться на принципе оптимального соотношения защиты частных и публичных интересов при обороте товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. — URL: <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.
3. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 06.08.2018, № 32 (ч. 1), ст. 5082.
4. Запольский С.В., Васянина Е.Л. Цифровизация финансового контроля: правовое регулирование // Правовая информатика. 2022. № 3. С. 4–12.
5. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2, ст. 127.
6. Решение Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 № 257 (ред. от 27.12.2022) «О форме декларации на товары и порядке ее заполнения» (вместе с «Порядком заполнения декларации на товары») // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза. — URL: <http://www.tsouz.ru/>, 02.06.2010.
7. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 18.07.2023 № 107 «О внесении изменений в Порядок заполнения декларации на товары» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. — URL: <http://www.eaeunion.org/>, 21.07.2023.

8. Решение Комиссии Таможенного союза от 20.09.2010 № 378 (ред. от 22.08.2023) «О классификаторах, используемых для заполнения таможенных документов» // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза. — URL: <http://www.tsouz.ru/>, 21.09.2010.
9. Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2022 г. // Официальный сайт ФТС России. — URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezultatah-deyatelnosti> (дата обращения: 24.09.2023).
10. Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19.
11. Агамагомедова С.А. Особенности производства экспертиз по административным делам о незаконном использовании товарного знака // Судебная экспертиза. Научно-практический журнал. 2010. № 2 (22). С. 33–42.
12. Агамагомедова С.А. Аксиологические аспекты государственного контроля и надзора // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 37–61.
13. Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 (ред. от 02.03.2023) «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подп. 6 ст. 1359 и ст. 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.05.2022.
14. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.03.2018 № 35 «О ведении единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств — членов Евразийского экономического союза» (вместе с «Регламентом ведения единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств — членов Евразийского экономического союза») // Официальный сайт Евразийского экономического союза. — URL: <http://www.eaeunion.org/>, 07.03.2018.
15. Приказ ФТС России от 28.01.2019 № 131 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.06.2019.
16. Личный кабинет участника ВЭД. Официальный сайт ФТС России. — URL: [https://customs.gov.ru/storage/](https://customs.gov.ru/storage/document/document_image/2022-07/11/info_11_07.jpg) document/document_image/2022-07/11/info_11_07.jpg (дата обращения: 25.09.2023).
17. Кобзарь-Фролова М.Н. Внутренний контроль (самоконтроль) как основной вид контроля деятельности хозяйствующих субъектов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 139–148.
18. Тедеев А.А. Право, цифровая трансформация, цифровой посткапитализм (постановка проблемы) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 61–73.

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 No 230-FZ (red. ot 13.06.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 29.06.2023) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. No 52 (ch. 1). St. 5496.
2. Tamozhennyj kodeks Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza (red. ot 29.05.2019) (prilozhenie No 1 k Dogovoru o Tamozhennom kodekse Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza) // Oficial'nyj sayt Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. — URL: <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.
3. Federal'nyj zakon ot 03.08.2018 No 289-FZ (red. ot 19.12.2022) "O tamozhennom regulirovanii v Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 06.03.2023) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 06.08.2018, No 32 (ch. 1). St. 5082.
4. Zapol'skij S.V., Vasyanina E.I. Cifrovizaciya finansovogo kontrolya: pravovoe regulirovanie // Pravovaya informatika. 2022. No 3. S. 4–12.
5. Federal'nyj zakon ot 10 yanvarya 2002 g. No 1-FZ "Ob elektronnoj cifrovoj podpisi" (utratil silu) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2002. No 2. St. 127.
6. Reshenie Komissii Tamozhennogo soyuza ot 20.05.2010 No 257 (red. ot 27.12.2022) "O forme deklaracii na tovary i poryadke ee zapolneniya" (vmeste s "Poryadkom zapolneniya deklaracii na tovary") // Oficial'nyj sayt Komissii Tamozhennogo soyuza. — URL: <http://www.tsouz.ru/>, 02.06.2010.
7. Reshenie Kollegii Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii ot 18.07.2023 No 107 "O vnesenii izmenenij v Poryadok zapolneniya deklaracii na tovary" // Oficial'nyj sayt Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. — URL: <http://www.eaeunion.org/>, 21.07.2023.
8. Reshenie Komissii Tamozhennogo soyuza ot 20.09.2010 No 378 (red. ot 22.08.2023) "O klassifikatorah, ispol'zuemyh dlya zapolneniya tamozhennyh

- dokumentov" // Oficial'nyj sajť Komissii Tamozhennogo soyuza. — URL: <http://www.tsouz.ru/>, 21.09.2010.
9. Itogovyj doklad o rezul'tatah i osnovnyh napravleniyah deyatel'nosti FTS Rossii v 2022 g. Oficial'nyj sajť FTS Rossii. — URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti> (data obr.: 24.09.2023).
 10. Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Cifrovoj profil': ponyatie, mekhanizmy regulirovaniya i problemy realizacii // Pravoprimenenie. 2021. T. 5. No 4. S. 5–19.
 11. Agamomedova S.A. Osobennosti proizvodstva ekspertiz po administrativnym delam o nezakonnom ispol'zovanii tovarnogo znaka // Sudebnaya ekspertiza. Nauchno-prakticheskij zhurnal. 2010. No 2 (22). S. 33–42.
 12. Agamomedova S.A. Aksiologicheskie aspekty gosudarstvennogo kontrolya i nadzora // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2021. No 1. S. 37–61.
 13. Prikaz Minpromtorga Rossii ot 19.04.2022 No 1532 (red. ot 02.03.2023) "Ob utverzhdenii perechnya tovarov (grupp tovarov), v otnoshenii kotoryh ne primenyayutsya polozheniya podp. 6 st. 1359 i st. 1487 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii pri uslovii vvedeniya ukazannyh tovarov (grupp tovarov) v oborot za predelami territorii Rossijskoj Federacii pravoobladatelyami (patentoobladatelyami), a takzhe s ih soglasiya" // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. — URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.05.2022.
 14. Reshenie Kollegii Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii ot 06.03.2018 No 35 "O vedenii edinogo tamozhennogo reestra ob"ektov intellektual'noj sobstvennosti gosudarstv — chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza" (vmeste s "Reglamentom vedeniya edinogo tamozhennogo reestra ob"ektov intellektual'noj sobstvennosti gosudarstv — chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza") // Oficial'nyj sajť Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. — URL: <http://www.eaeunion.org/>, 07.03.2018.
 15. Prikaz FTS Rossii ot 28.01.2019 No 131 "Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta Federal'noj tamozhennoj sluzhby po predostavleniyu gosudarstvennoj uslugi po vedeniyu tamozhennogo reestra ob"ektov intellektual'noj sobstvennosti" // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.06.2019.
 16. Lichnyj kabinet uchastnika VED. Oficial'nyj sajť FTS Rossii. — URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_image/2022-07/11/info_11_07.jpg (data obr.: 25.09.2023).
 17. Kobzar'-Frolova M.N. Vnutrennij kontrol' (samokontrol') kak osnovnoj vid kontrolya deyatel'nosti hozyajstvuyushchih sub"ektov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2020. No 2. S. 139–148.
 18. Tedeev A.A. Pravo, cifrovaya transformaciya, cifrovoj postkapitalizm (postanovka problemy) // Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYUA). 2019. No 12 (64). S. 61–73.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИА: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

USE OF PHOTOGRAPHIC WORKS IN MEDIA: CERTAIN ASPECTS OF CIVIL LIABILITY

Диана Владимировна ИВАНОВА

Национальный центр интеллектуальной собственности,
Минск, Республика Беларусь,
divliv@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-6134-9298

Информация об авторе

Д.В. Иванова — ведущий специалист Управления правового и кадрового обеспечения Национального центра интеллектуальной собственности, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам НИУ ВШЭ, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Использование объектов авторского права в сфере медиа сопряжено с рядом проблем юридического характера, в частности с надлежащим соблюдением интеллектуальных прав на произведения. Целью настоящего исследования являются выводы о некоторых аспектах наступления гражданско-правовой ответственности в случаях неправомерного использования таких объектов авторского права, как фотографические произведения в сфере медиа. Для достижения названной цели были поставлены следующие задачи: определить при их наличии особенности использования произведений, в частности фотографических, в медиасфере; проанализировать судебную практику, выработанную для случаев нарушения прав при использовании произведений в рассматриваемой сфере, сформулировать предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Для проведения настоящего исследования были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, системный метод, а также специальные юридические методы, в частности сравнительно-правовой.

- Полученные результаты можно кратко сформулировать следующим образом. Во-первых, в сфере медиа нарушаются интеллектуальные права на ряд объектов авторского права, среди которых выделяются фотографические произведения. Во-вторых, предполагаемые нарушители традиционно используют ряд доводов, которые рассматриваются судом в аспекте возможности освобождения от гражданско-правовой ответственности. В их числе, в частности, неохраноспособность фотографии, отсутствие сведений об авторе или ином правообладателе, интернет как источник данного произведения, наличие случая свободного использования, незнание законодательства.

Ключевые слова: авторское право, гражданско-правовая ответственность, медиа, объект авторского права, произведение, фотографическое произведение

Для цитирования: Иванова Д.В. Использование объектов авторского права в сфере медиа: отдельные аспекты гражданско-правовой ответственности // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 92–98; DOI: 10.17323/tis.2024.22303

Diana V. IVANOVA

- National Center of Intellectual Property, Minsk, Republic of Belarus,
divliv@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-6134-9298

Information about the author

- D.V. Ivanova — Leading specialist of the Legal and Human Resources Department of the National Center of Intellectual

Property, Associate Fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the National Research University Higher School of Economics, Candidate of the Legal Sciences, Associate Professor

Abstract. The use of copyright objects in the media sphere is associated with a number of legal problems, in particular, proper compliance with intellectual rights to such objects. The purpose of this study is to draw conclusions about some aspects of the onset of civil liability in cases of unlawful use of such objects of copyright as photographic works in the field of media. To achieve this goal, the following tasks were set: to determine, if available, the features of the use of works, in particular photographic ones, in the media sphere; analyze the judicial practice developed by the courts of the Russian Federation and the Republic of Belarus for cases of violation of rights when using works in the area under consideration, formulate proposals for improving law enforcement practice.

To conduct this research, general scientific methods of analysis and synthesis, a systematic method, as well as special legal methods, in particular comparative legal methods, were used.

The results obtained can be briefly formulated as follows. Firstly, in the sphere of media, intellectual rights to a number of copyright objects are violated, among which photographic works stand out. Secondly, alleged violators traditionally use a number of arguments that are considered by the court in terms of the possibility of exemption from civil liability. These include, in particular, the lack of copyrightability of the photograph, the lack of information about the author or other copyright holder, the Internet as the source of this work, the presence of a case of free use, and lack of knowledge of the law.

Keywords: copyright, civil liability, media, copyright object, work, photographic work

For citation: Ivanova D.V. Use of Photographic Works in Media: Certain Aspects of Civil Liability // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 92–98; DOI: 10.17323/tis.2024.22303

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития медиасферы характеризуется стремительным ростом количества ресурсов, действующих в интернете. Это влечет необходимость трансформации подходов к оценке использования результатов интеллектуальной деятельности, учитывающей особенности создающихся условий.

По мнению ряда отечественных и зарубежных авторов, «цифровые технологии очень сильно меняют “архитектуру авторского права”, появляются новые способы нарушения авторских прав, и не всегда законодатель удается принять адекватные меры» [1, с. 201]. Сегодня уже сложно оспаривать данную точку зрения, поскольку мы на практике видим, что немалое количество споров, в том числе рассматриваемых судами, связано с использованием объектов авторского права в средствах массовой информации (далее — СМИ), распространяемых в интернете. Следует отметить и то, что объекты, которые используют такие СМИ, также первоначально были распространены в Сети.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В сфере медиа в основном используются объекты авторского права и смежных прав; соответственно чаще всего нарушаются права именно на указанные объекты. Значительно реже возникают вопросы по поводу правомерности использования объектов права промышленной собственности, в частности товарных знаков. Поэтому остановимся на проблемах, связанных с наступлением гражданско-правовой ответственности за нарушение интеллектуальных прав на объекты авторского права и смежных прав. Одним из наиболее часто встречаемых медиаобъектов в спорах в этой сфере является фотографическое произведение. На примере последнего проанализируем некоторые аспекты применения гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права.

Ряд случаев демонстрирует, что нарушение исключительного права зачастую сочетается с нарушением личных неимущественных прав: отсутствует указание имени автора, не соблюдаются право авторства и право на неприкосновенность произведения.

Право на имя — это право автора использовать или разрешать использовать произведение, в том числе и фотографическое, или под своим подлинным именем, или под псевдонимом (вымышленным именем), или анонимно, т.е. без обозначения имени [п. 1 ст. 15 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее — Закон Беларуси об авторском праве), п. 1 ст. 1265 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)]. «Нарушением права на имя считается и несогласованное указание фамилии автора в отрыве от фотографии (например, в общем перечне), так как это лишает читателя возможности установить, кому именно принадлежит конкретное произведение» [2]. Например, на полосе размещается блок фотографий, а внизу — перечень фамилий фотографов. Если такой способ подачи материалов не был оговорен с авторами, они могут квалифицировать это как нарушение личных неимущественных прав и предъявить соответствующие претензии [3]. В ряде рассмотренных ниже судебных споров действиями субъекта были нарушены как имущественные, так и личные неимущественные права, включая названные выше.

А.Н. Мочалов указывает на наиболее распространенные аргументы, используемые редакциями СМИ, которые оказываются в суде в статусе ответчика по делам о нарушении прав на фотографические произведения, а именно:

- фотоизображение не является результатом творческого труда, а потому не подлежит правовой охране;
- фотоизображение носит исключительно информационный, новостной характер;
- фотоизображение использовано в качестве цитаты [4, с. 14].

На взгляд автора этой статьи, в данный перечень следует добавить следующие распространенные доводы:

- невозможно или неоправданно сложно найти автора или правообладателя произведения, в том числе отсутствует информация об авторе или о правообладателе;
- право на использование без разрешения автора (правообладателя) обусловлено размещением объекта авторского права в интернете.

Определение наличия в объектах авторского права признака результата творческой деятельности является сложным вопросом общего для всех объектов авторского права характера. В то же время можно отметить некоторые специфические черты в отношении фотографических или иных видов произведений в медиасфере. В иллюстративных целях приведу следующий пример. Решением судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховно-

го Суда Республики Беларусь¹ от 5 сентября 2016 г. истцу — профессиональному фотографу — было отказано в иске к СМИ [5]. Известные фотографии редкого для Беларуси природного явления — северного сияния — были размещены автором, который являлся одновременно правообладателем, в интернете, а впоследствии показаны без его согласия и без указания его имени в новостной передаче СМИ. Заявленное требование состояло во взыскании компенсации за нарушение исключительного права (по минимально возможному размеру компенсации за каждую фотографию) и компенсации морального вреда в символическом размере. Ответчик оспорил охраноспособность этих произведений в связи с занятой позицией непризнания того, что они являются результатами творческой деятельности.

Согласно объяснениям автора, съемка этих кадров производилась им с указанием точного времени с использованием его собственной цифровой фотокамеры. Данные фотоизображения затем были им отредактированы (в частности, увеличены яркость и контрастность, выровнен горизонт и удалена некоторая информация со снимка, изменен размер фотоизображения) и размещены в интернете в его личных блогах.

Проведенная судебная искусствоведческая экспертиза, тем не менее, дала заключение об отсутствии признаков творческой новизны, оригинальности, уникальности и неповторимости, не признав, что данный объект является результатом творческой деятельности. Один из экспертов пояснил в суде, что «в композиционном построении обеих фотографий присутствуют практические навыки работы со съемочной аппаратурой, но в творческом аспекте это недостаточно выражено в индивидуальном почерке и эстетическом открытии мира, а именно отсутствует один из основных законов композиции — закон художественной новизны. Эти фотографии не являются постановочными творческими фотографиями, а имеют прикладное (утилитарное) значение, так как представляют собой фиксацию факта природного явления. Непосредственно при фотосъемке был использован стандартный набор технических функций фотокамеры без применения художественных приемов и разно-

¹ Согласно ст. 26, 359 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, гражданские дела по спорам в области авторского права и смежных прав, а также по спорам, вытекающим из применения законодательства, регулирующего отношения, возникающие в связи с созданием, правовой охраной и использованием объектов промышленной собственности, жалобы на решение Апелляционного совета при патентном органе, рассматриваются исключительно судебной коллегией по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь.

образия выразительных средств; при их дальнейшей обработке был использован минимальный пакет опций графического редактора Adobe Photoshop [5].

В данном случае эксперты не приняли во внимание то, что автор является профессиональным фотографом и что фотографии были им впоследствии обработаны с приложением своих творческих способностей и профессиональных умений. Эксперты фактически обозначили, что творческие навыки фотографа выражены недостаточно, указав таким образом на низкую степень творчества, которой «не хватает», для того чтобы признать охраноспособность данного произведения. Кроме того, определяющим стал аргумент о прикладном (утилитарном) значении объекта. Соответственно из этого надо сделать вывод, что фиксация природных явлений не может считаться охраняемым объектом. Использование «стандартного набора технических функций фотокамеры» также уменьшает шансы на подтверждение в суде авторско-правовой охраны.

В Решении Верховного Суда Республики Беларусь от 15 октября 2009 г., наоборот, повторной экспертизой было признано, что четыре фотографических произведения, использованных в периодическом журнале, являются охраняемыми объектами. В заключении повторной судебной искусствоведческой экспертизы от 20 августа 2009 г. указывалось, что «представленные автором четыре фотографии являются произведениями фотографического искусства, так как обладают признаками творческой новизны, творческой оригинальности, творческой уникальности и творческой неповторимости. В представленной хроникально-документальной фотосъемке просматривается новизна в подаче снимаемого материала, присутствует творческий взгляд на построение композиции, отмечается целенаправленный поиск автором необычных ракурсов, т.е. выбор точки зрения, которая дает возможность взглянуть на объект по-новому». «Во всех фотоизображениях присутствует определенное эмоциональное настроение, они вызывают у зрителя определенное эстетическое отношение, рождаемое выразительно построенной композицией, интересными ракурсами, игрой светотени». Суд принял данное повторное заключение, оценив при этом критически заключение первичной экспертизы ввиду его противоречивости [6]. Можно заметить, что оценка экспертами произведений носила в значительной части субъективный характер.

Достаточное количество подобных примеров можно привести и из судебной практики судов Российской Федерации.

В соответствии с недавно принятым Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. «Об изменении кодексов» в новой редакции будет изложен

разд. V «Интеллектуальная собственность» Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Беларуси). В настоящее время ведется работа по приведению в соответствие с данными изменениями специальных законов в сфере интеллектуальной собственности, в том числе Закона Беларуси об авторском праве. В п. 2 ст. 993 ГК Беларуси будет законодательно закреплена презумпция признания создания произведения творческим трудом (пока не установлено иное). Речь идет о так называемой презумпции творчества, согласно которой любой результат интеллектуальной деятельности считается произведением, пока не доказано, что он является следствием простого копирования, компиляции или иного нетворческого труда [7, с. 59]. В Российской Федерации такой вывод сделан на основе смысла ст. 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи, судам при этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом (п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», далее — Постановление № 10).

По мнению специалистов, закрепление данной презумпции в законодательстве положительно отразится в том числе на судебной практике рассмотрения споров в сфере авторского права. Однако презумпция творчества не решает проблему критериев творческой деятельности, на основе которых то или иное фотографическое произведение может быть признано неохраноспособным.

Проблема установления творческого вклада в произведение со стороны фотографа была свойственна данной категории объектов с самого зарождения фотографического искусства. Многие специалисты критически отнеслись к возможности признания фотографа субъектом авторского права вследствие значительного технического компонента в процессе создания названного объекта. Под вопросом оказался и личный элемент, т.е. духовная связь автора со своим произведением. При этом сами авторы-фотографы добивались для фотографических произведений такого же правового режима, как для иных произведений [8, с. 77–78].

Тем не менее определение и влияние «степени» творчества при создании различных видов произведений, в том числе фотографических, на их правовую охрану по-прежнему обсуждается специалистами, а в некоторых странах буквально учитывается при возникновении спора.

В п. 80 Постановления № 10 содержится важное именно для фотографических произведений поло-

жение о том, что творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Очевидна важность такого подхода для фотографических произведений и иных произведений, создание которых сопряжено с активным использованием технических средств, аппаратов и технологий. В качестве примера отсутствия творческого характера деятельности человека приводится фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений. В законодательстве Республики Беларусь отсутствуют подобные положения, не обнаружены они и в исследованных судебных решениях по делам, рассмотренным в Верховном Суде Республики Беларусь. Это не свидетельствует об отсутствии данных проблем или о том, что внимание им не уделялось. Скорее это говорит о подходе, аналогичном выраженному в Постановлении № 10, в связи с чем предполагалось, что использование специальной аппаратуры не является определяющим фактором для установления охраноспособности фотографического произведения.

Рассмотрим иные аргументы. Ответчики указывают, что объект носит исключительно информационный характер, содержит сведения о событиях и фактах, «носит характер новостей дня, простой пресс-информации» [4, с. 16], т.е. подпадает под исключение, предусмотренное подп. 4 п. 6 ст. 1259 ГК РФ и п. 1 ст. 33 Закона Беларуси об авторском праве. В соответствии с положением Закона Беларуси об авторском праве правомерно опубликованные в газетах или журналах статьи по текущим экономическим, политическим, социальным и религиозным вопросам, а также произведения того же характера, правомерно переданные в эфир или по кабелю либо правомерно размещенные для всеобщего сведения в глобальной сети Интернет, могут быть воспроизведены в печатных СМИ, переданы в эфир или по кабелю электронными СМИ, а также сообщены для всеобщего сведения иным образом в случае, когда такие действия не были специально запрещены автором или иным правообладателем соответствующего произведения.

Чаще всего указанный аргумент не приводит к ожидаемым лицом последствиям на практике. Подобное возражение было заявлено ответчиком в названном выше решении Верховного Суда Республики Беларусь от 5 сентября 2016 г. с указанием, что в соответствии с п. 1 ст. 33 Закона Беларуси об авторском праве фотографии не являются основным объектом воспроизведения в видеосюжете и использовались СМИ в информационных, а не коммерческих целях [5]. Очевидно, что попытка обратиться к такому случаю сво-

бодного использования в качестве средства защиты ответчиком зависит от толкования судом отдельных аспектов и условий его применения на практике.

Ссылка на иллюстративный характер использования и новостной аспект материала, с которым вместе было размещено для всеобщего сведения фотографическое произведение, была озвучена также ответчиком в деле № 1ИГИП2131, решение по которому было принято Верховным Судом Республики Беларусь 20 апреля 2021 г. [9]. Ответчик признал факт нарушения, и в данном случае его аргументы содействовали снижению размера компенсации судом, который учел характер нарушения, способ и непродолжительный период времени использования произведения, несоответствие заявленного размера компенсации допущенному нарушению, принцип разумности и справедливости, отсутствие серьезных последствий для истца.

Неоднозначной представляется попытка ответчика доказать, что фотографическое произведение используется как цитата с указанием автора и источника цитирования (п. 1 ст. 1274 ГК РФ, п. 2 ст. 32 Закона Беларуси об авторском праве). Согласно закону, допускается без согласия авторов или иных правообладателей и без выплаты вознаграждения воспроизведение отрывков из правомерно обнародованных произведений (цитирование) в оригинале и переводе в исследовательских, образовательных, полемических, критических или информационных целях в том объеме, который оправдан целью цитирования. Представленная формулировка Закона Беларуси об авторском праве довольно близка к формулировке нормы ГК РФ, в обеих нормах присутствует указание на «информационные цели» использования. На такое использование не требуется согласие авторов и иных правообладателей, как не требуется и выплата вознаграждения. Очевидно, что в данном случае основной вопрос, который решается и доказывается, — это признавать или не признавать саму возможность цитирования фотографии. На взгляд автора этой статьи, применить данное исключение невозможно в отношении ряда произведений, включая фотографические. Традиционно под цитированием понимается использование части произведения, в первую очередь текстуального характера — литературного, музыкального и т.п. Если предположить иное понимание любого термина, согласно законотворческой технике следует дать в соответствующем акте нормативное определение, которое будет отличаться от общепринятого понимания, но удовлетворять потребностям правового регулирования. Таким образом, расширительное толкование понятия «цитирование» требует соответственно изменения формулировки статьи или внесения специального определения данного термина в нормативный правовой акт.

Одним из способов возражения против предъявленного иска является заявление СМИ о том, что объект авторского права был размещен в интернете, следовательно, предполагается, что автор (правообладатель) согласен на использование данного объекта иными субъектами в той же среде без получения специального разрешения. Такой довод не носит специфического характера для медиасферы и является общей проблемой неправомерного использования объектов интеллектуальной собственности, размещенных в интернете как авторами и правообладателями, так и иными субъектами. Подобное возражение было заявлено ответчиком в указанном выше решении Верховного Суда Республики Беларусь от 5 сентября 2016 г. [5].

В частности, В.А. Голуб отмечает, что «особую роль в возможном нарушении прав авторов на изображения играет интернет, так как выложенные в Сети фотографии могут быть легко использованы без разрешения их автора или владельца, причем не существует достаточно надежных способов защиты от таких не санкционированных действий или контроля за распространением изображений (даже внедряемые стеганографическими методами цифровые водяные знаки с информацией об авторе не решают проблемы)» [10, с. 125]. Подобные мнения встречаются и в иных публикациях (см., например, [11, с. 292-293]). При этом цифровые изображения легко копируются при полном сохранении их качества [10, с. 124]. Практика подтверждает правоту автора в данном случае.

На взгляд автора этой статьи, одной из проблем, которая носит, казалось бы, не совсем юридическую природу, является влияние статуса СМИ на итоговый результат, например на размер компенсации, взыскиваемой за нарушение исключительного права. Данный факт можно объяснить высокой степенью публичности при совершении правонарушения и довольно значительной силой воспитательного воздействия соответствующего решения на иных субъектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Наиболее часто в сфере медиа нарушаются права на объекты авторского и смежных прав, в том числе на фотографические произведения.

Ответчиками в случае привлечения к ответственности за нарушение авторских прав приводились следующие основные аргументы:

1) незнание законодательства;

2) невозможность найти (сложность поиска) автора или правообладателя произведения, в том числе отсутствие сведений о них;

3) произведение не является результатом творческой деятельности и соответственно неохраноспособно;

4) наличие в законодательстве об авторском праве применимого в таких условиях случая свободного использования объекта авторского права (право редакции СМИ на использование объекта без разрешения автора или иного правообладателя);

5) право на использование без разрешения обладателя исключительного права обусловлено размещением объекта авторского права в интернете.

Из них специфический для сферы медиа характер имеет только третий аргумент, т.е. наличие особого случая свободного использования, понимаемого в объеме, не совпадающем с толкованием судебных органов. Соответственно не всегда он принимается во внимание судом. Представляется, что применение п. 1 ст. 1274 ГК РФ, п. 2 ст. 32 Закона Беларуси об авторском праве в отношении фотографических произведений необоснованно, поскольку не следует расширительно толковать понятие «цитирование» в отношении некоторых видов произведений.

Можно сказать, что в остальном аргументы особого характера, которые не присутствовали бы при нарушении исключительного права на объекты интеллектуальной собственности в других сферах, отсутствуют. В то же время оценка этих аргументов может иметь особенности в связи со своеобразием сферы СМИ.

На взгляд автора этой статьи, «при прочих равных условиях» редакции СМИ могут понести ответственность в большем размере взыскиваемой компенсации или в целом на решение вопроса о привлечении к ответственности может повлиять их особый статус в обществе. Хотя встречаются и обратные случаи, а именно СМИ освобождаются от ответственности, когда есть все основания предположить вероятность вынесения судом противоположного решения, если бы ответчик занимал иное положение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ястребова А.И. Защита авторских прав в России в произведениях массмедиа в контексте международного опыта // Наука телевидения. 2019. № 15.1. С. 197–226.
2. Панкеев И.А. Авторское право фотожурналиста: Законодательство и практика // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 1.
3. Панкеев И.А. Интеллектуальные права в сфере масс-медиа. [Электронный ресурс] // Медиаскоп. Электронный научный журнал. 2008. № 1. — URL: <http://www.mediascope.ru/issues/149?page=1>

4. Мочалов А.Н. Использование фотографических произведений как объектов интеллектуальной собственности в средствах массовой информации // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 2. С. 13–17.
5. Решение Верховного Суда Республики Беларусь от 5 сентября 2016 г. // Сайт Верховного Суда Республики Беларусь. — URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/foto/ea839ad345afd961.html
6. Решение Верховного Суда Республики Беларусь от 15 октября 2009 г. // Сайт Верховного Суда Республики Беларусь. — URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/foto/c1bb8464dbd5981d.html
7. Копылов А.Ю. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12. С. 56–62.
8. Sidorina N.A. The Specifics of Works of Fine and Photographic Art Qualification as a Condition for Protection of Rights and Legal Interests of Their Authors in Contemporary Legislation of Russia and Germany // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. Vol. 45 (2). P. 73–83; DOI: 10.17323/tis.2023.17375
9. Решение Верховного Суда Республики Беларусь от 20 апреля 2021 г. по делу № 11ГИП2131 // Сайт Верховного Суда Республики Беларусь. — URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/foto/5ce43adafea946fd.html
10. Голуб В.А. Проблемы современной фотожурналистики в контексте прогресса цифровых фотографических технологий // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1. С. 122–128.
11. Гиричева В.В. Проблемы критериев правовой охраны фотографии как объекта авторского права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 12. С. 287–294.
4. Mochalov A.N. Ispol'zovaniye fotograficheskikh proizvedeny kak ob'ektov intellektual'noy sobstvennosti v sredstvakh massovoy informazii // Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka. 2016. No 2. S. 13–17.
5. Reshenie Verkhovnogo Suda Respubliki Belarus ot 05.09.2016 // Sait Verkhovnogo Suda Respubliki Belarus. — URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/foto/ea839ad345afd961.html
6. Reshenie Verkhovnogo Suda Respubliki Belarus ot 15.10.2009 // Sait Verkhovnogo Suda Respubliki Belarus. — URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/foto/c1bb8464dbd5981d.html
7. Kopylov A.J. Tvorchestvo kak uslovie ohranosposobnosti proizvedeniya // Imuschestvennyye otnosheniya v Rossiyskoi Federazii. 2019. No 12. S 56–62.
8. Sidorina N.A. The Specifics of Works of Fine and Photographic Art Qualification as a Condition for Protection of Rights and Legal Interests of Their Authors in Contemporary Legislation of Russia and Germany // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. Vol. 45 (2). P. 73–83; DOI: 10.17323/tis.2023.17375
9. Reshenie Verkhovnogo Suda Respubliki Belarus ot 20.04.2021 po delu No 11GIP2131 // Sait Verkhovnogo Suda Respubliki Belarus. — URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/foto/5ce43adafea946fd.html
10. Golub V.A. Problemy sovremennoy fotozhurnalistiki v kontekste progressa zifrovyykh fotograficheskikh tehnologiy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No 1. S. 122–128.
11. Giricheva V.V. Problemy kriteriev pravovoy ohrany fotografii kak ob'ekta avtorskogo prava // Mezhdunarodny zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2017. No 12. S. 287–294.

REFERENCES

1. Yastrebova A.I. Zashchita avtorskih prav v Rossii v proizvedeniyah massmedia v kontekste mezhdunarodnogo opyta // Nauka televideniya. 2019. No 15.1. S. 197–226.
2. Pankeev I.A. Avtorskoye pravo fotozhurnalista: Zakonodatelstvo i praktika // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2014. No 1.
3. Pankeev I.A. Intellektual'nye prava v sfere mass-media. Mediaskop // Elektronny nauchny zhurnal. 2008. No 1. — URL: <http://www.mediascope.ru/issues/149?page=1>

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР КАК КОМПЛЕКСНЫХ ОБЪЕКТОВ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

THE LEGAL NATURE OF COMPUTER GAMES AS COMPLEX OBJECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Ани Григоровна ДЖРАГАЦПАНЯН

Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения,
jraghatspanyan.ani@mail.ru,
ORCID: 0009-0004-8769-9287

Информация об авторе

А.Г. Джрагацпанян — студентка факультета юриспруденции Российско-Армянского университета

Аннотация. Произошедший в последние десятилетия рост популярности компьютерных цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий порождает множество неопределенностей и правовых проблем в области защиты и охраны интеллектуальных прав на такой феномен художественной культуры, как компьютерные игры. Компьютерные игры являются уникальным видом творческой интеллектуальной продукции, и неполноценное правовое регулирование создает неблагоприятные условия для дальнейшего развития игровой индустрии, в частности, затрудняя последующий процесс защиты прав. В статье рассмотрена важность защиты интеллектуальной собственности в индустрии компьютерных игр, освещены правовые проблемы регламентации компьютерных игр как сложных комплексных объектов права интеллектуальной собственности, рассмотрены проблемы регулирования авторских прав на компьютерные игры с точки зрения армянской и зарубежной системы законодательства. Раскрыта правовая природа компьютерных игр, рассмотрены отличия исследуемых объектов от иных результатов интеллектуальной деятельности, подчеркнута возможность незаконного копирования игр и предложены способы противостояния им.

Кроме того, проанализированы уникальные аспекты защиты и охраны интеллектуальных прав на объекты, включенные в состав компьютерной игры, такие как

- игровые сценарии, персонажи, музыкальная составляющая. Акцент сделан на коммерческую ценность товарных знаков в индустрии компьютерных игр. Рассмотрены современные вызовы, с которыми сталкиваются разработчики и пользователи компьютерных игр и решение по которым требуют более эффективного сотрудничества между правообладателями, разработчиками и правоохранительными органами. Дополнительно проанализированы перспективы развития игровой индустрии в контексте защиты интеллектуальной собственности в эпоху цифровых технологий и онлайн-развлечений.

- **Ключевые слова:** компьютерные игры, программы для ЭВМ, мультимедийный продукт, сложные объекты интеллектуальной собственности, авторско-правовая защита

- **Для цитирования:** Джрагацпанян А.Г. Правовая природа компьютерных игр как комплексных объектов права интеллектуальной собственности: сравнительно-правовой анализ // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 99–106; DOI: 10.17323/tis.2024.22304

Ani Gh. JRAGHATSPANYAN

Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia,
jraghatspanyan.ani@mail.ru,
ORCID: 0009-0004-8769-9287

Information about the author

A.Gh. Jragatspanyan — student of the Faculty of Law of the Russian-Armenian University

- **Abstract.** The growth in popularity of computer digital and information-telecommunication technologies in recent

вателей видеоигр, растет необходимость защиты прав разработчиков. Компьютерные игры длительное время не были популярны, и, когда в 1970-1980-х гг. появились игровые консоли, домашние компьютеры, они постепенно стали частью поп-культуры. Из современных популярных игр, известных всем нам, можно выделить “Dota 2”, “Counter-Strike: Global”, “Grand Theft Auto V”, “Detroit: Become Human” и многие другие.

Так что представляют собой компьютерные игры? Компьютерная игра — это вид программного обеспечения, построенный с использованием мультимедийных возможностей компьютера. Компьютерные игры и видеоигры часто отождествляют, считая, что они имеют одну и ту же правовую природу. Но в научной литературе существуют различные мнения по поводу данного феномена технологического развития. За рубежом часто используется термин «видеоигра» (videogames), а понятие «компьютерная игра» используется строго для игр, которые существуют на компьютерных устройствах. Ни в России, ни в Армении понятие «компьютерная игра» не получило легального определения, поэтому возникает необходимость исследования судебной практики. Рассматривая определение Судебной коллегии Верховного суда РФ от 11 июня 2019 г. №25-КГ19-3, констатируем, что Астраханский областной апелляционный суд использует термин «компьютерные игры» [1].

В зарубежной судебной практике наблюдается тенденция употребления термина «видеоигра». Так, в деле *Alexander v. Take-Two Interactive Software, Inc.* о нарушении исключительных прав на созданные татуировки в играх «WWE» окружной апелляционный суд США использует термин «видеоигра» [2]. Рассматривая научные статьи и судебные дела, которые касаются игровой индустрии, можно констатировать, что отсутствует единый юридически закрепленный термин. Между тем «видеоигра» — понятие более широкое, охватывающее также игры, которые запускаются на консолях, на мобильных телефонах и планшетах, в то время как понятие «компьютерная игра» относится только к играм на компьютерных устройствах.

ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ ОБЪЕКТОВ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Понятие «сложный объект» в законодательстве Республики Армения (далее также — РА) отсутствует, что заметно усложняет ряд аспектов, связанных с дальнейшей защитой и регулированием таких объектов. Согласно ст. 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также — ГК РФ), законодатель в основном закрепляет исчерпывающий

перечень результатов интеллектуальной деятельности и также перечисляет основные права автора, организовавшего создание сложного объекта, не определяя отличительные признаки сложных объектов для дальнейшей правильной дефиниции.

Специалисты перечисляют разные признаки сложных объектов. Например, российский ученый В.С. Толстой к признакам сложных объектов относит комплексный субъектный состав и многоуровневость [3]. Внимания также заслуживает трактовка российского цивилиста Т.В. Шатковской, согласно которой права лица, организовавшего создание сложного объекта, распространяются на весь объект, что отличает его от авторов производных и составных произведений [4].

Правовой анализ указанных признаков позволяет сформулировать авторское определение сложного объекта. Так, сложный объект — это комплексный результат интеллектуального творчества, который объединяет в себе различные самостоятельные элементы художественной деятельности, имеет единый и целостный характер и сложный субъектный состав.

Специфика сложных объектов хорошо объясняет суть компьютерных игр. Последние включают в себя множество результатов интеллектуальной деятельности, преимущественное место среди которых занимают цифровые коды, также охраняемые авторским правом. Компьютерная игра включает в себя также картину с музыкальным сопровождением, то есть аудиовизуальное произведение, и персонажи, которые индивидуальны в каждой игре.

Так чем же отличаются компьютерные игры от иных объектов интеллектуальной собственности? При рассмотрении компьютерных игр как аудиовизуальных произведений исключается программное обеспечение, один из фундаментальных элементов компьютерной игры как сложного объекта. В соответствии с п. 1 ст. 1263 ГК РФ аудиовизуальные произведения это связанные между собой изображения (с сопровождением или без сопровождения звука), которые предназначены для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств.

Аналогичное определение содержится в законодательстве РА (п. 1 ст. 34 Закона Республики Армения «Об авторском праве и смежных правах» от 15 июня 2006 г., далее — Закон РА об авторском праве). Отмечу, что в случае с аудиовизуальными произведениями пользователь в основном является пассивным слушателем или зрителем, в то время как контент компьютерных игр не может проигрываться без активного участия пользователя, его взаимодействия с персонажем. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что аудиовизуальные произведения и компьютерные

игры основаны на компьютерной программе, но способы взаимодействия с ними различны, что не позволяет отождествлять данные результаты творчества.

Другой подход состоит в регулировании компьютерных игр как программ для электронно-вычислительных машин (далее — ЭВМ), поскольку присутствует исходный код, который выполняет те или иные команды и вызывает отображение аудио. В целом, если сделать сравнительный анализ между законодательствами РА и РФ, то главным различием является то, что в законодательстве РФ понятие «программа для ЭВМ» трактуется и раскрывается лучше, чем в законодательстве РА. Регистрация программы для ЭВМ не является обязательным условием для авторско-правовой охраны, так как авторские права возникают в момент создания программы. Но для уклонений от дальнейших проблем и более эффективной защиты созданного программного обеспечения в будущем рекомендуется пройти процесс регистрации. В законодательстве РФ закреплены способы регистрации и правила оформления заявок на регистрацию программ для ЭВМ.

Однако вернемся к вопросу о правовом регулировании компьютерных игр. С точки зрения автора этой статьи, не совсем корректно рассматривать компьютерные игры как программы для ЭВМ. Проблема состоит в том, что программа для ЭВМ является всего лишь одним из фундаментальных компонентов компьютерной игры, на основе которого создается данный комплексный объект.

В директиве № 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе» от 22 мая 2001 г. указано, что компьютерные игры являются самостоятельным сложным объектом, отдельные элементы которого заслуживают правовой защиты [5]. Такого мнения придерживается и специалист в области цифрового права А.И. Савельев [6].

Автору данное правовое регулирование представляется обоснованным, однако с определенными исключениями. Так, простые компьютерные игры (головоломки, аркадные игры) трудно назвать сложными объектами. Последние будут рассматриваться как программы для ЭВМ. Что касается компьютерных игр, в которых присутствуют сложная графика, игровой сюжет, разнообразие персонажей, то, по мнению автора, они могут выступать как самостоятельные сложные объекты интеллектуальной собственности.

Представляется необходимым также обратиться к правовому анализу таких объектов интеллектуального труда, как мультимедийные продукты. В этом смысле есть некая специфика, так как гражданское

законодательство РФ, упоминая мультимедийный продукт среди сложных объектов интеллектуальной деятельности в п. 1 ст. 1243 ГК РФ, не раскрывает понятие последнего, а законодательство РА и вовсе не содержит понятия данного результата творческой деятельности. В зарубежной юридической литературе мультимедийный продукт определяется как особый вид компьютерной технологии, который объединяет в себе как традиционную статическую визуальную информацию (текст, графику), так и динамическую — речь, музыку, видеофрагменты, анимацию и т.д. [7].

Российский специалист в области интеллектуальной собственности Е.С. Котенко (Гринь) в своей монографии «Авторские права на мультимедийный продукт» подчеркивает интерактивный признак мультимедийных продуктов и делает вывод, что пользователи могут взаимодействовать с информацией, хранящейся в мультимедийном продукте, и получать ее в модифицированном виде [8]. Анализируя все перечисленное выше и учитывая схожесть понятий в контексте медиаконтента и интерактивности, можно четко сформулировать условия отождествления компьютерных игр и мультимедийных продуктов в случае отсутствия правового регулирования.

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ НА КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ

Авторское право можно назвать лучшим способом защиты компьютерных игр. Авторские права распространяются на сюжет, персонажи, воображаемую среду и географические места, музыку, искусство, графику и даже исходный код самого программного обеспечения.

Фундаментом компьютерных игр является программный код. Программист же в этом случае обладает личными неимущественными правами, которые нельзя передать другому лицу. В армянской судебной практике хорошим примером нарушения прав на программный код может служить дело ЗАО «Энерджайз глобал сервисиз» против ЗАО «Хайджрмукоюхи», где истец потребовал запретить использование и распространение программы для ЭВМ, являющейся объектом интеллектуальной собственности, другим лицам без разрешения правообладателя [9].

Несмотря на распространение компьютерных игр, их элементы, а именно персонажи, недостаточно исследованы юридической наукой. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что в спорах о нарушении прав на персонажа истец при обращении в суд за восстановлением нарушенного авторского права должен обосновать, что данный персонаж существует как самостоятельный объект [10]. Незакон-

ное использование персонажа произведения является нарушением исключительного права на само произведение [11].

Музыкальные произведения являются неотъемлемой частью компьютерных игр. Написанная композитором мелодия для одной игры не может быть использована в следующих ее частях или в другой игре без нового договора о передаче прав или лицензии. Следует также заметить, что мелодия произведения и его текст могут являться самостоятельными объектами авторского права [12].

Ключевым фактором для создания игры является также сюжет. Сюжет определяет атмосферу игры, характеры персонажей, основные события и мир, в котором происходят действия. Игровой сценарист в этом случае наделяется авторским правом на сюжет и внутриигровой текст, который приравнивается к литературному произведению. Из популярных сюжетных игр последних десятилетий можно выделить *“The Last of Us, God of War”, “Cyberpunk 2077”, “Uncharted”* и многие другие.

Разработчик-организатор считается правообладателем всех элементов игры, которые были созданы по его заказу. В процесс создания одной компьютерной игры вносит творческий вклад большой круг лиц, к которым в первую очередь относятся сценаристы, программисты, актеры, гейм-дизайнеры, художники, продюсеры. Соавторство в компьютерных играх является сложным правовым вопросом, регулирование которого по сей день осложнено правовыми проблемами. Примером соавторства может служить игра *“The Legend of Zelda: Breath of the Wild”*, где авторство разделено между продюсером, дизайнером и композитором [13].

В игровой индустрии мы часто сталкиваемся с незаконным копированием игр (пиратством) и созданием игр-клонов. В США ситуация немного легче, так как в 1998 г. при содействии Конгресса США был принят Закон об авторском праве в цифровую эпоху (*Digital Millennium Copyright Act of 1998, DMCA*), который ужесточает ответственность за нарушение прав авторов в сети Интернет [14]. В Бюро авторского права США может обратиться любое лицо, считающее, что его авторские права были нарушены. Как уже упоминалось, в Армении и в России компьютерные игры регулируются как программы для ЭВМ, и в случае нарушения авторских прав в России будет применяться ст. 1252 ГК РФ о нарушении исключительных прав [15], а в Армении права на компьютерные игры регулируются, в частности, ст. 35 и 36 Закона РА об авторском праве. Так, в ст. 35 Закона РА об авторском праве раскрывается понятие компьютерной программы и перечислены исключительные права автора на

способы использования компьютерной программы. Особый интерес представляют регулирования, содержащиеся в ст. 36 Закона РА об авторском праве, в котором затрагивается вопрос декомпиляции компьютерных программ.

Под декомпиляцией следует понимать действия, направленные на преобразование машинного кода в исходный код. Разрешается без согласия автора декомпилировать компьютерные программы, когда данный процесс необходим для получения информации, для дальнейшего взаимодействия [16]. Декомпиляция рассматривается как законный способ модификации игр. Правовед в области интеллектуальной собственности И.Н. Меркуленко называет два способа приобретения игры. В первом случае разработчик модификации приобрел игру законно. Во втором случае, если разработчик нелегально получил игру и разработал модификацию (прописывал новые коды к существующим, менял модели, игровую карту и другие детали с помощью специальной программы), то он не имеет права на авторство, более того, он может подвергнуться административной и уголовной ответственности [17].

В сравнении с Арменией в Германии предусмотрены более строгие ограничения на декомпиляцию. В ст. 69f Закона Республики Германия «Об авторском праве и смежных правах» от 3 января 2018 г. установлено, что исключительные права на полученный в результате декомпиляции код принадлежит автору исходного кода [18]. Данная правовая норма гарантирует сохранение авторских прав и закрепляет оригинальность созданных произведений.

ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ В ИНДУСТРИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Права авторов видеоигр не всегда полностью защищаются авторским правом, поэтому обратимся также к вопросам охраны товарных знаков на компьютерные игры.

Зарегистрировать как товарный знак можно:

- во-первых, наименования (например, игры *“Minecraft”, “The last of us”*);
- во-вторых, персонажи игр (например, *“Atomic Heart”*);
- в-третьих, символы или объекты, которые связаны с игрой (например, *“Sims”*).

Товарные знаки используются для индивидуализации объектов игр и позволяют отличать данные продукты от продуктов другой компании. Компания может нарушить исключительное право на товарный знак в случае использования зарегистрированного или используемого товарного знака другой компании

[19]. Так, в деле № А40-64050/2019 от 10 февраля 2020 г. истец обратился за взысканием компенсации в связи с использованием его товарных знаков, в том числе общеизвестного, в связи с демонстрацией товара — водки “Stolichnaya” — в художественном фильме. Суд по интеллектуальным правам Москвы согласился с выводом нижестоящих судов о том, что само по себе упоминание товарного знака в произведении не является использованием товарного знака [20].

Также важно отметить, что охрана товарного знака действует только в той юрисдикции, где он зарегистрирован, поэтому компании часто регистрируют свой товарный знак в нескольких странах. В процессе этого крупные компании часто сталкиваются с патентными троллями. Патентными троллями принято называть мелкие компании и частных лиц, которые получают в собственность множество патентов, но вместо разработки товаров и услуг стараются продать их заинтересованным корпорациям по высокой цене, то есть занимаются своего рода вымогательством, не выходя при этом за рамки закона. В октябре 2020 г. компания *Microsoft* обратилась в российский Суд по интеллектуальным правам с требованием прекращения правовой охраны товарного знака “*Minecraft*”, который был зарегистрирован ООО «Сити» в 2014 г. Проблема заключалась в том, что *Microsoft* является обладателем исключительного права на игру “*Minecraft*” с 2014 г. Чтобы не стать жертвой патентных троллей, надо вовремя зарегистрировать товарный знак.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научно-технический прогресс породил много неопределенностей в сфере регулирования компьютерных игр. В статье продемонстрировано, что компьютерные игры являются красочным примером сложных объектов интеллектуальной собственности, которые объединяют в себе различные самостоятельные элементы, имеющие сложный субъектный состав и единый характер. Используя метод сравнительно-правового анализа и сравнивая компьютерные игры с другими объектами права интеллектуальной собственности, автор этой статьи сделала вывод, что именно регулирование компьютерных игр как одних из самых распространенных видов мультимедийных продуктов является наиболее корректным и правомерным решением.

В контексте авторско-правовой защиты было рассмотрено понятие «декомпиляция компьютерных программ», что позволило сделать вывод: декомпиляция компьютерной игры упрощает дальнейшую ее модификацию, а это, в свою очередь, нарушает права правообладателя компьютерной программы.

В сфере товарных знаков выявлена основная проблема в виде наличия патентных троллей, решение проблемы видится в предварительной регистрации товарных знаков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 июня 2019 г. № 25-КГ19-3. [Электронный ресурс]. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1778022 (дата обращения: 25.03.2024).
2. Case 18-cv-966-SMY, *Alexander v. Take-Two Interactive Software, Inc.*, United States District Court for the Southern District of Illinois (26 Sep., 2020).
3. Толстой В.С. Гражданское информационное право: 1-е изд. М.: Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. 296 с.
4. Шатковская Т.В. Сложный объект интеллектуальных прав: проблемы определения и правовой охраны // Право и государство: Теория и практика. 2022. № 4. С. 99–101.
5. Директива Европейского парламента и Совета ЕС № 2001/29/EC от 22 мая 2001 г. о гармонизации отдельных аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the Harmonization of Certain Aspects of Copyright and Related Rights in the Information Society. [Электронный ресурс]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001L0029> (дата обращения: 05.04.2024).
6. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: Правовое регулирование: 1 изд. М.: Статут, 2014. 543 с.
7. Aplin T. Copyright Law in the Digital Society: The Challenges of Multimedia. Oxford: Hart Publishing, 2005. 320 p.
8. Котенко Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт. М.: Проспект, 2014. 128 с.
9. Решение Апелляционного гражданского суда РА от 11 окт. 2019 г. по гражданскому делу номер № 3763/02/17 по иску ЗАО «Энерджайз глобал сервисиз» против ЗАО «Хайджрмуко-юхи». [Электронный ресурс]. — URL: https://datalex.am:443/?app=AppCaseSearch&case_id=14355223812361107 (дата обращения: 10.03.2024).
10. Макаров С.С., Пронин А.А. Видеоигра как объект авторского права // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2023. № 4. С. 19–24.

11. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015). [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс».
12. Шмелева Ю.В., Толстова О.С. Защита интеллектуальных прав разработчиков видеоигр // Оригинальные исследования. 2021. № 1. С. 15–19.
13. The Legend of Zelda // Nintendo.com. [Сайт]. — URL: <https://zelda.nintendo.com/breath-of-the-wild/> (дата обращения: 01.04.2024).
14. Закон об авторском праве в цифровую эпоху США 1998 г. Digital Millennium Copyright Act of 1998. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.copyright.gov/legislation/pl105-304.pdf> (дата обращения: 04.04.2024).
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (с изм., внесенными 30.01.2024). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Закон Республики Армения «Об авторском праве и о смежных правах» от 15 июня 2006 г. № 3А-142-Н (с изм. и доп., внесенными 30.09.2013, 3А-106-Н). [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=86179> (дата обращения: 04.03.2024).
17. Меркуленко И.Н. Модификации и дополнения компьютерных игр как особые объекты авторского права // Материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Минск: БГУ, 2019. С. 262–263.
18. Закон об авторском праве и смежных правах Германии 1965 г. (с изменениями, внесенными Законом от 1 сент. 2017 г.) Act on Copyright and Related rights of Germany of 1965 (Copyright act, as amended up to act of 1 Sep., 2017). [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_urhg/englisch_urhg.html (дата обращения: 04.04.2024).
19. Чурилова А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в игровой индустрии: моногр. М.: Юстицинформ, 2017. 224 с.
20. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 февраля 2020 г. № С01-1426/2019 по делу № А40-64050/2019. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73633486/> (дата обращения: 15.02.2024).
2. Case 18-cv-966-SMY, Alexander v. Take-Two Interactive Software, Inc., United States District Court for the Southern District of Illinois (26 Sep., 2020).
3. Tolstoj V.S. Grazhdanskoe informacionnoe parvo: 1-e izd. M.: Akademiya povysheniya kvalifikacii i professional'noj perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya, 2009. 296 s.
4. Shatkovskaya T.V. Slozhnyj ob"ekt intellektual'nyh prav: problemy opredeleniya i pravovoj ohrany // Pravo i gosudarstvo: Teoriya i praktika. 2022. No 4. S. 99–101.
5. Direktiva Evropejskogo parlamenta i Soveta ES No 2001/29/ES ot 22 maya 2001 g. O garmonizacii otdel'nyh aspektov avtorskogo prava i smezhnyh prav v informacionnom obshchestve. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 g. on the Harmonization of Certain Aspects of Copyright and Related Rights in the Information Society. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001L0029> (data obrashcheniya: 05.04.2024).
6. Savel'ev A.I. Elektronnyy kommerciya v Rossii i za rubezhom: Pravovoe regulirovanie: 1 izd. M.: Statut, 2014. 543 s.
7. Aplin T. Copyright Law in the Digital Society: The Challenges of Multimedia. - Oxford: Hart Publishing, 2005. 320 p.
8. Kotenko E.S. Avtorskie prava na mul'timediynyj product. M.: Prospekt, 2014. 128 s.
9. Reshenie Apelyacionnogo grazhdanskogo suda RA ot 11 okt. 2019g. po grazhdanskomu delu nomer № 3763/02/17 po isku ZAO "Enerdzhajz global servisiz" protiv ZAO "Hajdzhrmukoyuhi". [Elektronnyj resurs]. — URL: https://datalex.am:443/?app=AppCaseSearch&case_id=14355223812361107 (data obrashcheniya: 10.03.2024).
10. Makarov S. S., Pronin A.A. Videoigra kak ob"ekt avtorskogo prava // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2023. No 4. S. 19–24.
11. Obzor sudebnoj praktiki po delam, svyazannym s razresheniem sporov o zashchite intellektual'nyh prav (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 23.09.2015). [Elektronnyj resurs] // "Konsul'tantPlyus".
12. Shmeleva Yu.V., Tolstova O.S. Zashchita intellektual'nyh prav razrabotchikov videoigr // Original'nye issledovani. 2021. No 1. S. 15–19.
13. The Legend of Zelda // Nintendo.com: [sajt]. — URL: <https://zelda.nintendo.com/breath-of-the-wild/> (data obrashcheniya: 01.04.2024).
14. Zakon ob avtorskom prave v cifrovuyu epohu SSHA 1998 g. Digital Millennium Copyright Act of 1998. [Elektronnyj resurs] — URL: <https://www.copyright.gov/legislation/pl105-304.pdf> (data obrashcheniya: 04.04.2024).

REFERENCES

1. Opredelenie Sudebnoj kolegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF ot 11 iyunya 2019 g. No 25-KG19-3. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1778022 (data obrashcheniya: 25.03.2024).

15. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18 dekabrya 2006 goda № 230-FZ (s izm., vnesennymi 30.01.2024) // "Konsul'tantPlyus".
16. Zakon Respubliki Armeniya "Ob avtorskom prave i o smezhnykh pravakh" ot 15 iyunya 2006 g. No ZA-142-N (s izm. i dop., vnesennymi 30.09.2013, ZA-106-N). [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=86179> (data obrashcheniya: 04.03.2024).
17. Merkulenko I.N. Modifikacii i dopolneniya komp'yuternykh igr kak osobyie ob"ekty avtorskogo prava // Materialy mezhdunar. nauch. konferencii studentov, magistrantov i aspirantov. Minsk: BGU, 2019. S. 262–263.
18. Zakon ob avtorskom prave i smezhnykh pravakh Germanii 1965 g. (s izmeneniyami, vnesennymi Zakonom ot 1 sent. 2017 g.) Act on Copyright and Related rights of Germany of 1965 (Copyright act, as amended up to act of 1 Sep., 2017). [Elektronnyy resurs]. — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_urhg/englisch_urhg.html (data obrashcheniya: 04.04.2024).
19. Churilova A.Yu. Pravovoe regulirovanie intellektual'noj sobstvennosti v igrovoj industrii: monogr. M.: Yusticinform, 2017. 224 s.
20. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 10 fevralya 2020 g. No S01-1426/2019 po delu No A40-64050/2019. [Elektronnyy resurs]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73633486/> (data obrashcheniya: 15.02.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рощенко С.В. Видеоигра как объект авторских прав в эпоху развития цифровых технологий // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2022. № 4. С. 223–229.
2. Чернов А.В. Субъекты интеллектуальных прав на компьютерную игру // Образование и право // Образование и право. 2022. № 4. С. 262–265.
3. Dougherty C., Lastowka G. Virtual Trademarks // Santa Clara High Technology Law Journal. 2008. Vol. 27. P. 749–828.
4. Greenspan D., Dimita G. Mastering the game. Business and Legal Issues for Video Game Developers. Switzerland: WIPO Publication, 2021. 376 p.
5. Pina P. Computer Games and Intellectual Property Law: Derivative Works, Copyright and Copyleft // Business, Technological, and Social Dimensions of Computer Games: Multidisciplinary Developments. 2011. P. 464–475.
6. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches / A. Ramos., A. Rodríguez, L. López et al. Geneva: WIPO Publication, 2013. 96 p.

BIBLIOGRAPHY

1. Roshchenko S.V. Videoigra kak ob"ekt avtorskih prav v epohu razvitiya cifrovyyh tekhnologiy // Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina. 2022. No 4. S. 223–229.
2. Chernov A.V. Sub"ekty intellektual'nykh prav na komp'yuternuyu igr / / Obrazovanie i pravo. 2022. No 4. S. 262–265.
3. Dougherty C., Lastowka G. Virtual Trademarks // Santa Clara High Technology Law Journal. 2008. Vol. 27. P. 749–828.
4. Greenspan D., Dimita G. Mastering the game. Business and Legal Issues for Video Game Developers. Switzerland: WIPO Publication, 2021. 376 p.
5. Pina P. Computer Games and Intellectual Property Law: Derivative Works, Copyright and Copyleft // Business, Technological, and Social Dimensions of Computer Games: Multidisciplinary Developments. 2011. P. 464–475.
6. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches / A. Ramos., A. Rodríguez, L. López et al. Geneva: WIPO Publication, 2013. 96 p.

МЕТОД ОБЪЕКТИВНОГО РАСЧЕТА РОЯЛТИ ДЛЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И СДЕЛОК¹

OBJECTIVE ROYALTY CALCULATION METHOD FOR FORENSIC EXAMINATIONS AND COMMERCIAL TRANSACTIONS

Александр Валерьевич КОСТИН

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (ЦЭМИ РАН), Москва, Российская Федерация,
kostin.alexander@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-8654-4612

Информация об авторе

А.В. Костин — ведущий научный сотрудник ЦЭМИ РАН, кандидат экономических наук, основатель онлайн-школы оценщиков интеллектуальной собственности, член Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам, председатель Международного комитета по экономике интеллектуальной собственности Евразийской Организации Экономического Сотрудничества (ЕОЭС), ученый секретарь Научного совета по проблемам интеллектуальной собственности при Отделении общественных наук РАН, судебный эксперт

Аннотация. Представлен инновационный метод расчета ставок роялти для судебных экспертиз, основанный на использовании данных из большого числа независимых источников. Метод позволяет объективно определять ставки роялти за использование объектов интеллектуальной собственности, что особенно важно для судебных экспертиз и коммерческих сделок, независимо от страны применения. В статье подробно рассмотрены

- этапы реализации метода: от сбора и анализа данных бухгалтерской отчетности и отраслевой статистики до расчета и согласования результатов с использованием нечеткой логики. Применение данного подхода минимизирует ошибки и неточности, вызванные некорректными исходными данными и устаревшими методами оценки, обеспечивая высокую точность и надежность результатов.

- **Ключевые слова:** ставка роялти, метод LABRATE ROYALTY PRO, нечеткая логика, интеллектуальная собственность, финансовая отчетность, отраслевая статистика, объективная оценка, судебные экспертизы, расчетные модели, аппарат согласования, коммерческие сделки, минимизация ошибок, надежность результатов, лицензиар, лицензиат

- **Благодарности.** Автор выражает искреннюю благодарность руководству, сотрудникам и аспирантам Высшей школы экономики за поддержку и содействие в проведении глобальных исследований «LABRATE ROYALTY PRO». Автор особенно признателен Михаилу Александровичу Федотову и Руслану Александровичу Буднику, внесшим неоценимый вклад в работу над статьей.

- **Для цитирования:** Костин А.В. Метод объективного расчета роялти для судебных экспертиз и сделок // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 107–117; DOI: 10.17323/tis.2024.22305

¹ Данная статья может вызвать недоумение некоторой части традиционных читателей нашего журнала, среди которых преобладают правоведы и практикующие юристы, поскольку она написана языком, естественным для экономистов и математиков, содержит много математических формул и понятий. Однако редакция сочла целесообразным предложить ее вниманию читателей, полагая, что она может оказаться полезна тем, кто непосредственно связан с заключением лицензионных договоров, предполагающих выплату роялти. — Примеч. ред.

Alexander V. KOSTIN

- Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS), Moscow, Russian Federation,
kostin.alexander@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-8654-4612

Information about the author

A.V. Kostin — Leading Research Fellow at the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS), Candidate of Economic Sciences, Founder of the Online School for Intellectual Property Valuation, Member of the Scientific Advisory Board at the Intellectual Property Court, Chairman of the International Committee on Intellectual Property Economics of the Eurasian Organization for Economic Cooperation (EOEC), Scientific Secretary of the Scientific Council on Intellectual Property Issues of the Division of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Forensic Expert

Abstract. The article presents an innovative method for calculating royalty rates for forensic examinations, based on the use of data from a large number of independent sources. The method allows for the objective determination of royalty rates for the use of intellectual property, which is especially important for forensic examinations and commercial transactions, regardless of the country of application. The paper details the stages of the method's implementation: from the collection and analysis of accounting reports and industry statistics data to the calculation and reconciliation of results using fuzzy logic. The obrashhenija: of this approach minimizes errors and inaccuracies caused by incorrect initial data and outdated evaluation methods, ensuring high accuracy and reliability of the results.

Keywords: royalty rate, LABRATE ROYALTY PRO method, fuzzy logic, intellectual property, financial reporting, industry statistics, objective evaluation, forensic examinations, computational models, reconciliation apparatus, commercial transactions, error minimization, reliability of results, licensor, licensee

Acknowledgments. The author extends sincere gratitude to the leadership, staff, and postgraduate students of the Higher School of Economics for their support and assistance in conducting the global research “ABRATE ROYALTY PRO”. Special acknowledgments go to Mikhail Alexandrovich Fedotov and Ruslan Alexandrovich Budnik, whose contributions have been invaluable during the preparation of this paper.

For citation: *Kostin A.V. Objective Royalty Calculation Method for Forensic Examinations and Commercial Transactions // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 107–117; DOI: 10.17323/tis.2024.22305*

-
-
-
-
-
-
-

LABRATE ROYALTY PRO — метод расчета ставок роялти (RoS — Royalty on Sales Price) за использование объектов интеллектуальной собственности в судебных экспертизах и сделках. Метод основан на применении нечеткой логики (Fuzzy Logic) для согласования результатов расчета RoS на основе трех ключевых показателей, получаемых из данных бухгалтерской отчетности сторон сделки или судебного спора (далее — стейкхолдеры), а также отраслевой статистики, охватывающей все предприятия отрасли с положительной рентабельностью продаж и EBIT по видам деятельности, соответствующим основным кодам видов деятельности стейкхолдеров в странах регистрации (табл. 1):

- доля лицензиара в прибыли лицензиата (LS — Licensor's Share);
 - рентабельность продаж (ROS — Return on Sales);
 - рентабельность по EBIT (EM — EBIT Margin).
- Этот метод применим в любой стране и позволяе
- достичь более точных и справедливых расчетов ставок роялти, что существенно улучшает процесс принятия решений как в коммерческих сделках, так и в судебных экспертизах.

Основное назначение метода заключается в максимально объективном определении ставок роялти за использование объектов интеллектуальной собственности в судебных экспертизах и сделках на основе данных отраслевой статистики стейкхолдеров (см. примеры в табл. 2 и 3), финансовой отчетности лицензиата и лицензиара или сторон судебного спора.

Метод послужил аналитической основой для справочника по ставкам роялти LABRATE ROYALTY за использование объектов интеллектуальной собственности². Пример применения этого метода для подготовки справочника по ставкам роялти по отрасли с кодом ОКВЭД 26.20 представлен в табл. 5 (см.

- ² Впервые фрагмент справочника по отрасли 85.22 (Образование высшее) был представлен 19.04.2024 на IV Международной научно-практической конференции «АВТОР/AUTHOR — 2024» (Москва, ВШЭ) в докладе А.В. Костина «Монетизация результатов творческой деятельности IP-эксперта, или Как юристу, журналисту и квалиметрологу заработать на технологии»
- #IPValuationSchool?» (<https://click.ru/3BrDAA>).

Таблица 1. Основные классификаторы видов деятельности

Система	Описание	Страны использования	Пример кода	Расшифровка кода
NACE	Номенклатура статистических видов экономической деятельности в ЕС	Страны Европейского Союза, включая Германию, Францию, Италию, Испанию, Нидерланды и т.д.	26.20	Manufacture of computers and peripheral equipment
NAICS	Североамериканская система классификации отраслей	США, Канада, Мексика	334111	Electronic Computer Manufacturing
ISIC	Международная стандартная промышленная классификация всех видов экономической деятельности	Большинство стран мира, члены ООН	C2620	Manufacture of computers and peripheral equipment
ОКВЭД	Общероссийский классификатор видов экономической деятельности	Россия	26.20	Производство компьютеров и периферийного оборудования
АТЕСО	Классификация экономической деятельности в Италии	Италия	26.20	Fabbricazione di computer e unità periferiche
NOGA	Швейцарская система классификации экономической деятельности	Швейцария	26.20	Herstellung von Datenverarbeitungsgeräten und peripheren Geräten
ANZSIC	Австралийская и Новозеландская стандартная классификация отраслей	Австралия, Новая Зеландия	2421	Computer and Electronic Office Equipment Manufacturing
SIC	Стандартная индустриальная классификация США (исторически)	США (раньше использовалась, но с 1997 г. заменена на NAICS)	3571	Computer and Office Equipment

Таблица 2. Пример отраслевой статистики по коду ОКВЭД 26.20

Период	ROS — отраслевая рентабельность продаж (операционная маржа), код ОКВЭД 26.20, %			ЕМ — отраслевая рентабельность по ЕВИТ (операционная доходность), код ОКВЭД 26.20, %			Выручка, Σ[2110], млрд рублей	Объем выборки по коду — 26.20
	Медиана	Среднее	Средне-взвешенное	Медиана	Среднее	Средне-взвешенное		
2019	7,9	16,9	13,0	6,8	17,5	12,5	113,4	376
2020	8,7	15,7	11,6	7,6	15,0	10,3	159,6	410
2021	8,3	14,5	9,6	7,1	13,2	9,1	105,1	401
2022	10,3	16,8	12,6	9,4	16,5	11,9	174,0	408
2023	10,3	16,3	15,9	9,2	15,9	15,5	179,0	447
min	7,9	14,5	9,6	6,	13,2	9,1	105,10	Всего — 2042
max	10,3	16,9	15,9	9,4	17,5	15,5	179,00	
Среднее	9,1	16,0	12,5	8,0	15,6	11,9	146,22	

Таблица 3. Расчет ROS и ЕМ по отрасли с ОКВЭД 26.20

Период	ROS — отраслевая рентабельность продаж, % (операционная маржа), код ОКВЭД 26.20			ЕМ — отраслевая рентабельность по ЕВИТ, % (операционная доходность), код ОКВЭД 26.20			Выручка, Σ[2110], млрд рублей	Объем выборки по коду 26.20
	1-й квартиль	Медиана	3-й квартиль	1-й квартиль	Медиана	3-й квартиль		
2019	3,8	7,9	21,0	3,1	6,8	20,5	113,4	376
2020	4,2	8,7	18,5	3,1%	7,	17,	159,6	410

Окончание табл. 3

Период	ROS — отраслевая рентабельность продаж, % (операционная маржа), код ОКВЭД 26.20			ЕМ — отраслевая рентабельность по EBIT, % (операционная доходность), код ОКВЭД 26.20			Выручка, Σ[2110], млрд рублей	Объем выборки по коду 26.20
	1-й квартиль	Медиана	3-й квартиль	1-й квартиль	Медиана	3-й квартиль		
2021	3,8	8,3	17,4	2,	7,1	16,9	105,1	401
2022	4,5	10,3	23,4	3,7	9,4	22,8	174,0	408
2023	4,2	10,3	22,3	3,5	9,2%	21,4	179,0	447
Min	3,8	7,9	17,4	2,7	6,8	16,9	105,10	Всего — 2042
Max	4,5	10,3	23,4	3,7	9,4	22,8	179,00	
Среднее	4,1	9,1	20,5	3,2	8,0	19,8	146,22	

Примечание. Первый квартиль — это значение, меньше которого будет 25% наблюдений, а 75% будет больше. Третий квартиль — это значение, больше которого будет 25% наблюдений. Медиана делит распределение пополам.

Таблица 4. Доля лицензиара (LS) в прибыли лицензиата, %

Степень ценности технологий	Лицензия				Нелицензионное ноу-хау
	Исключительная		Неисключительная		
	патентная	беспатентная	патентная	беспатентная	
Особо ценная	40–50	30–40	25–30	20–25	25–30
Средней ценности	30–40	20–30	20–25	15–20	10–25
Малоценная	20–30	10–20	15–20	10–15	3–10

в конце статьи). Доля лицензиара в прибыли лицензиата (LS) может быть рассчитана аналитическим методом или взята из табл. 4, приведенной в [1, с. 22].

Подход позволяет избежать получения некорректных результатов при расчете ставок роялти вследствие ошибок в отчетности, некорректных исходных данных и выбора нерелевантного метода.

Метод LABRATE ROYALTY PRO расчета ставок роялти от продаж реализуется в несколько этапов:

- 1) постановка исследовательского вопроса, временных рамок исследования, сбор необходимой и достаточной для исследования информации;
- 2) анализ стейкхолдеров, проверка достоверности данных, определение ожиданий каждого стейкхолдера по отношению к величине получаемого результата (ставки роялти);
- 3) сбор и анализ данных (финансовых показателей) лицензиара и лицензиата (или сторон судебного спора), отраслей их функционирования с учетом временных рамок и ограничений;
- 4) расчет ставок роялти по методу LABRATE ROYALTY PRO;
- 5) построение расчетных моделей для трех групп параметров (min, max, average);
- 6) согласование результатов в соответствии с тематическим аппаратом нечеткой логики.

Расчетная методика LABRATE ROYALTY PRO имеет следующий формальный вид:

$$\begin{cases} y(RoS) = f(LS, ROS \vee EM); \\ LS \in [0; 1]; \\ ROS = \frac{OP}{Sales}; \\ EM = \frac{EBIT}{Sales}. \end{cases} \tag{1}$$

Методика имеет набор базовых ограничений, определяющих все последующие расчеты, количество исходных таблиц данных и результаты. Пусть ROS и EM в модели (1) являются результатом расчета соответствующих ROS и EM для трех сценариев (min, max, average) по данным финансовой отчетности лицензиара, лицензиата и отраслей их функционирования за определенный период. Введем множество Q, содержащее релевантные исходные данные для расчета ROS и EM по данным лицензиара, лицензиата и требуемому количеству отраслей для анализа: $Q = \{q_n\}$, где $q_n = \{ROS_{nt} \vee EM_{nt}; > 0\}$, наборы исходных данных — за пятилетний период только с положительными значениями рентабельности продаж и EBIT, то есть $t \geq 5$.

Тогда формальный вид моделей определения ROS и EM в трех сценариях по данным финансовой отчет-

ности лицензиара, лицензиата и отраслей их функционирования из множества $Q = \{q_n\}$ имеет вид:

$$ROS_{\min}^{q_n} = \min(ROS_{nt}^{q_n}); \quad (2)$$

$$ROS_{\max}^{q_n} = \max(ROS_{nt}^{q_n}); \quad (3)$$

$$ROS_{average}^{q_n} = \frac{\min(ROS_{nt}^{q_n}) + \max(ROS_{nt}^{q_n})}{2}; \quad (4)$$

$$EM_{\min}^{q_n} = \min(EM_{nt}^{q_n}); \quad (5)$$

$$EM_{\max}^{q_n} = \max(EM_{nt}^{q_n}); \quad (6)$$

$$EM_{average}^{q_n} = \frac{\min(EM_{nt}^{q_n}) + \max(EM_{nt}^{q_n})}{2}. \quad (7)$$

Обозначим сценарии (в нашем случае $\min$, $\max$, $average$) в виде множества $SC = \{sc_n\}$. Тогда итоговые ставки роялти (RoS) во всех сценариях, $e(RoS_{sn}^{q_n}) = f(LS, ROS_{sn}^{q_n} \vee EM_{sn}^{q_n})$, рассчитываются по следующим моделям:

$$RoS_{sc_n}^{q_n} = LS \cdot EM_{sc_n}^{q_n}; \quad (8)$$

$$RoS_{sc_n}^{q_n} = LS \cdot ROS_{sc_n}^{q_n}. \quad (9)$$

Становится очевидно, что число сценариев может быть расширено при необходимости, и тогда множество $SC = \{sc_n\}$ будет содержать больше трех элементов.

Метод LABRATE ROYALTY PRO приводит к получению нескольких выходных таблиц расчетных ставок роялти для разных наборов данных (сценариев). Например, при анализе только двух стейкхолдеров и двух отраслей функционирования итоговое число расчетных таблиц составит восемь [1, с. 23–24]. Каждое увеличение числа стейкхолдеров и/или анализируемых отраслей (в том числе при пересечении видов деятельности по ОКВЭД) приводит к росту числа выходных расчетных таблиц ставок роялти. Например, включение в расчет одной дополнительной отрасли приводит к увеличению числа расчетных таблиц на две единицы.

Очевидно, что определение итоговой ставки роялти по всем выходным расчетным таблицам требует применения аппарата согласования результатов. В качестве аппарата согласования в методе LABRATE ROYALTY PRO используется математический аппарат нечеткой логики (fuzzy logic), методология применения которого впервые описана в [2] и излагается далее в строгой математической форме. Этап согласования результатов с применением нечеткой логики соответствует описанному выше шестому этапу реализации метода LABRATE ROYALTY PRO.

Пусть рассматривается проблема определения значения ставки роялти за использование объекта интеллектуальной собственности для целей опреде-

ления справедливого размера платежа по лицензионному договору в рамках судебного спора [1, с. 18]. Множество методов расчета ставок роялти, исходные предпосылки и источники финансовой информации приводят к получению дифференцированных итоговых результатов. В связи с этим в судебных спорах или в процессе лицензирования возникает острая необходимость в научно-обоснованном и точном определении рыночной ставки роялти.

Пусть $\tilde{A}$ — элементарное нечеткое высказывание (предложение, выражающее законченную мысль, относительно которой можно судить об ее истинности или ложности только с некоторой степенью уверенности). При этом совокупность элементарных нечетких высказываний $\tilde{A}$ определяет нечеткое множество A_i . Тогда в терминах нечеткой логики можно утверждать, что $\tilde{A} \in [0, 1]$, где интервал $[0, 1]$ представляет собой непрерывное множество количественной оценки степени истинности высказывания [3].

Множество всех нечетких высказываний относительно проблематики определения ставки роялти обозначим $\tilde{U}$, тогда T — отображение истинности нечетких высказываний $\tilde{A}_i$. Истинность некоторого нечеткого высказывания относительно проблематики определения ставки роялти может быть определена через оператор $T(\tilde{A}_i)$.

Таким образом, первичная постановка задачи может быть формализована следующим образом:

$$\tilde{A}_i \in \tilde{U}; \quad (10)$$

$$T(\tilde{A}_i) \in [0, 1]; \quad (11)$$

$$T(\tilde{A}_i) = x. \quad (12)$$

Важнейшим этапом реализации процедуры согласования ставки роялти при помощи нечеткой логики является построение функций принадлежности по расчетным данным. Обозначим функцию принадлежности $\mu_A(x)$, тогда множество упорядоченных пар значений A , преобразованных по функции принадлежности, определяется как $A = \{\mu_A(x)/x\}$.

Операции объединения и/или пересечения нечетких множеств выступают основой для определения согласующего нечеткого множества [4]. Пересечение нечетких множеств (в нашем случае множеств определения ставок роялти по разным наборам данных) — это наибольшее нечеткое подмножество $A_i \cap A_{in}$, содержащееся одновременно в нечетких множествах A_i и A_{in} с функцией принадлежности, заданной следующим образом:

$$\mu_{A_i \cap A_{in}}(x) = \min(\mu_{A_i}(x), \mu_{A_{in}}(x)). \quad (13)$$

Объединение нечетких множеств, заданных на универсальном множестве, — это нечеткое множе-

ство $A_i \cup A_m$, включающее в себя оба данных нечетких множества с функцией принадлежности, заданной следующим образом:

$$\mu_{A_i \cup A_m}(x) = \max(\mu_{A_i}(x), \mu_{A_m}(x)). \quad (14)$$

На практике удобно использовать те функции принадлежности, которые допускают аналитическое представление в виде некоторой простой математической функции. Это не только упрощает соответствующие численные расчеты, но и сокращает вычислительные ресурсы. Аналитические представления функций принадлежности имеют общий вид и методологию построения, применимы в том числе для определения ставок роялти. Очевидно, что аналитические формы функций принадлежности — аппроксимация общей функции.

Задание аналитической формы функции принадлежности в наиболее частых случаях производится типовыми формами. Максимальное распространение получили треугольная, трапецеидальная и гауссова функция принадлежности [5]. С практической точки зрения наиболее приемлемыми формами типового моделирования функции принадлежности являются треугольная и трапецеидальная формы. Общая форма задания функции принадлежности в треугольной форме имеет вид [определяется числами (a, b, c) , где a, b, c — некоторые числовые параметры, принимающие произвольные действительные значения и упорядоченные отношением]:

$$MF(x) = \begin{cases} 0, & x \leq a, \\ \frac{x-a}{b-a}, & a \leq x \leq b, \\ \frac{c-x}{c-b}, & b \leq x \leq c, \\ 0, & x \geq c. \end{cases} \quad (15)$$

Треугольная форма функции принадлежности используется для задания таких свойств множеств, которые характеризуют следующие виды неопределенности: «приблизительно равно», «среднее значение», «расположен в интервале». Таким образом, именно треугольная функция достаточно точно аппроксимирует нечеткое множество A_i ставок роялти, рассчитанных по различным наборам данных³.

³ В математике известно множество аналитических форм задания функций принадлежности, среди которых можно выделить Z-образные и S-образные функции принадлежности (сплайн-функции), П-образные функции принадлежности. Последний тип функции порождает нормальные нечеткие множества и может применяться для повышения достоверности результатов в условиях неопределенности, которые лучше аппроксимируются через нормальное распределение.

Важным этапом построения функций принадлежности является определение универсума X , то есть области определения аппроксимированной функции принадлежности. Универсум в общем случае задается как $x \in X$. Применительно к определению ставки роялти по различным наборам данных⁴ эксперт либо группа экспертов задают для каждого нечеткого множества ставок роялти допустимый универсум $x \in X$.

После определения базовых терминов необходимо описать процедуру нечеткого логического вывода — получение конкретного четкого значения ставки роялти вследствие дефазификации.

Первый этап — формирование базы правил систем нечеткого вывода. Задаются набор множества правил $P = \{R_1, R_2, \dots, R_n\}$, каждому из которых присваивается вектор коэффициентов определенности (надежности) $F_n (i \in \{1, 2, \dots, n\})$ где $F_n \in [0, 1]$, и множество входных лингвистических переменных (ставки роялти по разным базам данных и выборкам данных) $V = \{b_1, b_2, \dots, b_n\}$. Также задается множество выходных лингвистических переменных — рассчитанных ставок роялти $W = \{w_1, w_2, \dots, w_n\}$.

Второй этап — фаззификация. Определение множества $V' = \{a_1, a_2, \dots, a_n\}$, представляющего собой конкретные значения лингвистических переменных $\{b_1, b_2, \dots, b_n\}$. В общем виде $a_n \in X_n$ где X_n — универсум лингвистической переменной. Далее на основании известных a_n и функций принадлежности находятся значения $b'_n = \mu(a_n)$ и множество всех значений лингвистической переменной (ставок роялти) $B = \{b'_n\}$. Множество $B = \{b'_n\}$ является результатом фаззификации условий.

Третий этап — агрегирование. Формирование множества $B'' = \{b''_1, b''_2, \dots, b''_n\}$. Если множество $B = \{b'_n\}$ включает в себя разные лингвистические переменные (ставки роялти⁵, рассчитанные для различ-

⁴ Минимальный набор расчетных значений ставок роялти для двух стейкхолдеров и двух отраслей включает в себя восемь наборов данных: 1) расчет роялти на основе ROS Стейкхолдера 1 (бухгалтерская отчетность Стейкхолдера 1); 2) расчет роялти на основе EM Стейкхолдера 1 (бухгалтерская отчетность Стейкхолдера 1); 3) расчет роялти на основе ROS Стейкхолдера 2 (бухгалтерская отчетность Стейкхолдера 2); 4) расчет роялти на основе EM Стейкхолдера 2 (бухгалтерская отчетность Стейкхолдера 2); 5) расчет отраслевой ставки роялти на основе ROS (по ОКВЭД, соответствующему Стейкхолдеру 1); 6) расчет отраслевой ставки роялти на основе EM (по ОКВЭД, соответствующему Стейкхолдеру 1); 7) расчет отраслевой ставки роялти на основе ROS (по ОКВЭД, соответствующему Стейкхолдеру 2); 8) расчет отраслевой ставки роялти на основе EM (по ОКВЭД, соответствующему Стейкхолдеру 2).

⁵ Ставки роялти за использование объектов интеллектуальной собственности в судебных экспертизах и сделках RoS (Royalty on Sales Price) рассчитываются на основе доли лицензиара в прибыли лицензиата (LS — Licensors Share), рентабельности

ных наборов данных), то формированию агрегированного множества $B'' = \{b_1'', b_2'', \dots, b_n''\}$ предшествуют этапы нечеткой конъюнкции или связки «И» и нечеткой дизъюнкции или связки «ИЛИ» по следующим формулам (значения b_n' используются в качестве аргументов соответствующих логических операций):

$$\text{«И»}: T(b_1 \wedge b_2) = \min\{b_1', b_2'\}; \quad (16)$$

$$\text{«ИЛИ»}: T(b_1 \vee b_2) = \max\{b_1', b_2'\}. \quad (17)$$

Этап агрегирования закончен, если для всего множества правил $P = \{R_1, R_2, \dots, R_n\}$ найдены все значения $B'' = \{b_1'', b_2'', \dots, b_n''\}$.

Четвертый этап — активизация. В общем случае она представляет собой алгебраическое произведение множеств $B'' = \{b_1'', b_2'', \dots, b_n''\}$ и $F_n (i \in \{1, 2, \dots, n\})$. Нетрудно заметить, что в случае, если множество $F_n (i \in \{1, 2, \dots, n\})$ задается коэффициентом 1 для всех n , то множество $B'' = \{b_1'', b_2'', \dots, b_n''\}$ соответствует множеству значений лингвистических переменных, полученных на предыдущем этапе.

Пятый этап — аккумуляция или процесс нахождения функции принадлежности для каждой из выходных лингвистических переменных множества $W = \{w_1, w_2, \dots, w_n\}$. Выходные переменные обозначены другими буквами в отличие от предыдущих этапов, где b_n обозначались входные переменные. По сути, в данном случае выходная лингвистическая переменная — искомая ставка роялти во всех вариантах. В результате для каждой выходной переменной $W_n \in W$ и относящихся к ней нечетких множеств $C = \{C_{n1}, C_{n2}, \dots, C_{nq}\}$ определяются объединения нечетких множеств по правилу объединения $C_{ni} \cup C_{nq}$. В результате формируются итоговые объединенные нечеткие множества $C = \{C_1, C_2, \dots, C_n\}$ для всех выходных лингвистических переменных $W = \{w_1, w_2, \dots, w_n\}$.

Шестой этап — дефаззификация. Пусть известны множества $C = \{C_1, C_2, \dots, C_n\}$ и соответствующие им выходные переменные $W = \{w_1, w_2, \dots, w_n\}$. Далее последовательно рассматриваются каждая из выходных лингвистических переменных и относящееся к ней итоговое нечеткое множество, а итоговый четкий результат значения всех ставок роялти $W_n \in W$ определяется методом центра тяжести [6]:

$$y = \frac{\int_{\min}^{\max} x \cdot \mu(x) dx}{\int_{\min}^{\max} \mu(x) dx},$$

где: y — четкое значение ставки роялти; x — переменная, соответствующая выходной лингвистической переменной w ; $\min$ и $\max$ — левая и правая точки интервала носителя нечеткого множества рассматриваемой выходной переменной w (по сути, границы ставки роялти); $\mu(x)dx$ — функция принадлежности нечеткого множества, соответствующего выходной переменной w после этапа аккумуляции.

При дефаззификации методом центра тяжести значение выходной переменной равно абсциссе центра тяжести площади, ограниченной графиком кривой функции принадлежности соответствующей выходной переменной. При этом становится очевидно, что способ задания аналитической функции принадлежности (в нашем случае — треугольной) будет определять итоговый результат процедуры дефаззификации.

Этап дефаззификации считается законченным, когда для каждой из выходных лингвистических переменных определены итоговые количественные значения в форме числа, то есть множество $y = \{y_n\}$, где n — общее количество выходных лингвистических переменных в базе правил системы нечеткого вывода.

Ограничения и допущения модели:

- 1) результат нечеткого вывода зависит от выбранного способа задания функции принадлежности;
- 2) результат нечеткого вывода зависит от метода дефаззификации⁶;
- 3) результат нечеткого вывода зависит от выбранного универсума ставки роялти;
- 4) результат нечеткого вывода зависит от базы данных, использованной для расчетов ставок роялти (отраслевые данные, размер выборки, территориально-географические параметры, временной горизонт и т.д.);
- 5) результат нечеткого вывода зависит от способа определения и размера доли лицензиара в прибыли лицензиата, а также определения типа лицензии / степени ценности технологии.

Указанные параметры, влияющие на итоговый вывод, определяются экспертом и задают базис для дальнейших расчетов.

Итак, общий формальный вид математической записи методологии согласования результатов посредством аппарата нечеткой логики и расчета итоговой ставки роялти методом «LABRATE ROYALTY PRO»

продаж (ROS — Return on Sales) и рентабельности по EBIT (EM — EBIT Margin) по данным бухгалтерской отчетности стейкхолдеров и отраслевой статистики, согласно коду ОКВЭД, соответствующему основному и/или дополнительному кодам ОКВЭД стейкхолдеров, по всем предприятиям отрасли с положительной рентабельностью продаж и EBIT. Дополнительными кодами ОКВЭД могут являться общие (пересекающиеся) коды ОКВЭД Стейкхолдера 1 и Стейкхолдера 2.

⁶ Существуют следующие методы нахождения итогового четкого значения: метод центра тяжести (рассмотрен выше), метод центра тяжести для одноточечных множеств, метод центра площади, метод левого и правого модального значения.

имеет вид, представленный ниже. Последовательная реализация этапов приводит к получению искомого значения ставки роялти из всех возможных баз расчетов:

$$\begin{aligned} P &= \{R_1, R_2, \dots, R_n\}; V = \{b_1, b_2 \dots b_n\}; \\ F_n &(i \in \{1, 2, \dots, n\}); \\ F_n &\in [0, 1]; W = \{w_1, w_2, \dots, w_n\}; \\ V' &= \{a_1, a_2, \dots, a_n\}, a_n \in X_n; b_n \mapsto a_n; \\ B &= \{b'_n\}, b'_n = \mu(a_i); \\ B'' &= \{b''_1, b''_2, \dots, b''_n\}; \\ (B'' &= \{b''_1, b''_2, \dots, b''_n\} \cdot F_n = \{F_1, F_2, \dots, F_n\}, \\ F_n &\in [0, 1]); \\ W &= \{w_1, w_2, \dots, w_n\}, w_n \in W; \\ C &= \{C_1, C_2, \dots, C_n\}, C_i = C_{ni} \cup C_{nq} \\ y &= \{y_n\}, y \in R; y = \frac{\int_{\min}^{\max} x \cdot \mu(x) dx}{\int_{\min}^{\max} \mu(x) dx}. \end{aligned}$$

В приведенной ниже таблице представлено 480 значений ставок роялти за период 2019–2023 гг., рассчитанных двумя методами: на основании рентабельно-

сти продаж (ROS) и рентабельности по ЕБИТ (ЕМ). Данные представлены в органы ФНС России предприятиями с основным кодом ОКВЭД 26.20 (Производство компьютеров и периферийного оборудования), имеющими положительную рентабельность продаж и ЕБИТ. Ставки роялти рассчитаны для трех групп значений ROS и ЕМ: медиана, среднее арифметическое и средневзвешенное. Каждое значение в таблице можно однозначно идентифицировать по номеру строки и столбца. Например, ставка роялти RoS, рассчитанная по ROS при LS = 0,25 за 2023 г. на основе медианного значения рентабельности продаж, обозначается как LABRATE ROYALTY (2019–2023, 26.20, 39/IV). В случае, когда ставка роялти рассчитана по ROS при LS = 0,45 за 2021 г. на основе среднеарифметического значения рентабельности продаж, она обозначается как LABRATE ROYALTY (2019–2023, 26.20, 57/V). Ссылка на ставку роялти, рассчитанную на основе ЕМ при LS = 1 за 2019 г. на основе средневзвешенного значения рентабельности по ЕБИТ, обозначается как LABRATE ROYALTY (2019–2023, 26.20, 85/IX). Ставки роялти при LS = 1 используются для расчета убытков правообладателей, согласно ст. 15 ГК РФ.

Таблица 5. Справочник по ставкам роялти (26.20) за период 2019–2023 гг.

№ строки	По данным Сете- вого издания Ин- формационный ресурс СПАРК для ОКВЭД 26.20	Период	ROS — отраслевая рентабельность продаж (операционная маржа), код ОКВЭД 26.20, %			ЕМ — отраслевая рентабельность по ЕБИТ (операционная доход- ность), код ОКВЭД 26.20, %		
			Медиана	Среднее арифмети- ческое	Средне- взвешен- ное	Медиана	Среднее арифмети- ческое	Средне- взвешен- ное
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
1	Рентабельность за пять лет	2019	7,9	16,9	13,0	6,8	17,5	12,5
2		2020	8,7	15,7	11,6	7,6	15,0	10,3
3		2021	8,3	14,5	9,6	7,1	13,2	9,1
4		2022	10,3	16,8	12,6	9,4	16,5	11,9
5		2023	10,3	16,3	15,9	9,2	15,9	15,5
6	Статистика по рентабельности за пятилетний период	Мин.	7,9	14,5	9,6	6,8	13,2	9,1
7		Макс.	10,3	16,9	15,9	9,4	17,5	15,5
8		Медиана	8,7	16,3	12,6	7,6	15,9	11,9
9		Среднее	9,1	16,0	12,5	8,0	15,6	11,9
10	Ставка роялти при LS = 0,03	2019	0,2	0,5	0,4	0,2	0,5	0,4
11		2020	0,3	0,5	0,3	0,2	0,4	0,3
12		2021	0,2	0,4	0,3	0,2	0,4	0,3
13		2022	0,3	0,5	0,4	0,3	0,5	0,4
14		2023	0,3	0,5	0,5	0,3	0,5	0,5
15	Ставка роялти при LS = 0,05	2019	0,4	0,8	0,7	0,3	0,9	0,6
16		2020	0,4	0,8	0,6	0,4	0,7	0,5
17		2021	0,4	0,7	0,5	0,4	0,7	0,5
18		2022	0,5	0,8	0,6	0,5	0,8	0,6
19		2023	0,5	0,8	0,8	0,5	0,8	0,8

№ строки	По данным Сете- вого издания Ин- формационный ресурс СПАРК для ОКВЭД 26.20	Период	ROS — отраслевая рентабельность продаж (операционная маржа), код ОКВЭД 26.20, %			ЕМ — отраслевая рентабельность по ЕВІТ (операционная доход- ность), код ОКВЭД 26.20, %		
			Медиана	Среднее арифмети- ческое	Средне- взвешен- ное	Медиана	Среднее арифмети- ческое	Средне- взвешен- ное
20	Ставка роялти при $LS = 0,1$	2019	0,8	1,7	1,3	0,7	1,8	1,2
21		2020	0,9	1,6	1,2	0,8	1,5	1,0
22		2021	0,8	1,4	1,0	0,7	1,3	0,9
23		2022	1,0	1,7	1,3	0,9	1,6	1,2
24		2023	1,0	1,6	1,6	0,9	1,6	1,5
25	Ставка роялти при $LS = 0,15$	2019	1,2	2,5%	2,0	1,0	2,6	1,9
26		2020	1,3	2,4	1,7	1,1	2,2	1,6
27		2021	1,2	2,2	1,4	1,1	2,0	1,4%
28		2022	1,6	2,5	1,9	1,4	2,5	1,8
29		2023	1,5	2,4	2,4	1,4	2,4	2,3
30	Ставка роялти при $LS = 0,2$	2019	1,6	3,4	2,6	1,4	3,5	2,5
31		2020	1,7	3,1	2,3	1,5	3,0	2,1
32		2021	1,7	2,9	1,9	1,4	2,6	1,8
33		2022	2,1	3,4	2,5	1,9	3,3	2,4
34		2023	2,1	3,3	3,2	1,8	3,2	3,1
35	Ставка роялти при $LS = 0,25$	2019	2,0	4,2	3,3	1,7	4,4	3,1
36		2020	2,2	3,9	2,9	1,9	3,7	2,6
37		2021	2,1	3,6	2,4	1,8	3,3	2,3
38		2022	2,6	4,2	3,2	2,4	4,1	3,0
39		2023	2,6	4,1	4,0	2,3	4,0	3,9
40	Ставка роялти при $LS = 0,3$	2019	2,4	5,1	3,9	2,0	5,3	3,7
41		2020	2,6	4,7	3,5	2,3	4,5	3,1
42		2021	2,5	4,3	2,9	2,1	3,9	2,7
43		2022	3,1	5,0	3,8	2,8	4,9	3,6
44		2023	3,1	4,9	4,8	2,8	4,8	4,6
45	Ставка роялти при $LS = 0,35$	2019	2,8	5,9	4,6	2,4	6,1	4,4
46		2020	3,0	5,5	4,0	2,6	5,2	3,6
47		2021	2,9	5,1	3,4	2,5	4,6	3,2
48		2022	3,6	5,9	4,4	3,3	5,8	4,2
49		2023	3,6	5,7	5,6	3,2	5,6	5,4
50	Ставка роялти при $LS = 0,4$	2019	3,2	6,7	5,2	2,7	7,0	5,0
51		2020	3,5	6,3	4,6	3,0	6,0	4,1
52		2021	3,3	5,8	3,9	2,9	5,3	3,6
53		2022	4,1	6,7	5,0	3,8	6,6	4,8
54		2023	4,1	6,5	6,4	3,7	6,3	6,2
55	Ставка роялти при $LS = 0,45$	2019	3,6	7,6	5,9	3,1	7,9	5,6
56		2020	3,9	7,1	5,2	3,4	6,7	4,7
57		2021	3,7	6,5	4,3	3,2	5,9	4,1
58		2022	4,7	7,5	5,7	4,2	7,4	5,4
59		2023	4,6	7,3	7,1	4,1	7,1	7,0

№ строки	По данным Сете- вого издания Ин- формационный ресурс СПАРК для ОКВЭД 26.20	Период	ROS — отраслевая рентабельность продаж (операционная маржа), код ОКВЭД 26.20, %			ЕМ — отраслевая рентабельность по ЕВІТ (операционная доход- ность), код ОКВЭД 26.20, %		
			Медиана	Среднее арифмети- ческое	Средне- взвешен- ное	Медиана	Среднее арифмети- ческое	Средне- взвешен- ное
60	Ставка роялти при $LS = 0,5$	2019	4,0	8,4	6,5	3,4	8,8	6,2
61		2020	4,3	7,9	5,8	3,8	7,5	5,2
62		2021	4,2	7,2	4,8	3,6	6,6	4,5
63		2022	5,2	8,4	6,3	4,7	8,2	6,0
64		2023	5,1	8,1	7,9	4,6	7,9	7,7
65	Ставка роялти при $LS = 0,6$	2019	4,7	10,1	7,8	4,1	10,5	7,5
66		2020	5,2	9,4	6,9	4,5	9,0	6,2
67		2021	5,0	8,7	5,8	4,3	7,9	5,4
68		2022	6,2	10,1	7,6	5,7	9,9	7,2
69		2023	6,2	9,8	9,5	5,5	9,5	9,3
70	Ставка роялти при $LS = 0,7$	2019	5,5	11,8	9,1	4,8	12,3	8,7
71		2020	6,1	11,0	8,1	5,3	10,5	7,2
72		2021	5,8	10,1	6,7	5,0	9,2	6,3
73		2022	7,2	11,7	8,8	6,6	11,5	8,4
74		2023	7,2	11,4	11,1	6,4	11,1	10,8
75	Ставка роялти при $LS = 0,8$	2019	6,3	13,5	10,4	5,5	14,0	10,0
76		2020	6,9	12,6	9,3	6,1	12,0	8,3
77		2021	6,7	11,6	7,7	5,7	10,5	7,3
78		2022	8,3	13,4	10,1	7,6	13,2	9,5
79		2023	8,2	13,0	12,7	7,4	12,7	12,4
80	Ставка роялти при $LS = 0,9$	2019	7,1	15,2	11,7	6,1	15,8	11,2
81		2020	7,8	14,2	10,4	6,8	13,5	9,3
82		2021	7,5	13,0	8,7	6,4	11,8	8,2
83		2022	9,3	15,1	11,3	8,5	14,8	10,7
84		2023	9,2	14,6	14,3	8,3	14,3	13,9
85	Ставка роялти при $LS = 1$	2019	7,9	16,9	13,0	6,8	17,5	12,5
86		2020	8,7	15,7	11,6	7,6	15,0	10,3
87		2021	8,3	14,5	9,6	7,1	13,2	9,1
88		2022	10,3	16,8	12,6	9,4	16,5	11,9
89		2023	10,3	16,3	15,9	9,2	15,9	15,5
90	Параметры выборки, при которых	Период	Кол-во фирм в выборке	НМА [1110], млрд рублей	Выручка [2110], млрд рублей	Прибыль [2200], млрд рублей	Активы [1600], млрд рублей	ЕВІТ, млрд рублей
91	отраслевая ставка роялти при $LS =$ [0,1; 0,5] находит- ся в диапазоне от 0,7 до 8,8%	2019	376	1,057	113,400	14,764	96,372	14,145
92		2020	410	2,217	159,600	18,463	142,615	16,515
93		2021	401	0,993	105,100	10,124	82,021	9,532
94		2022	408	1,870	174,000	21,940	141,135	20,772
95		2023	447	2,012	179,000	28,433	153,366	27,683

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Костин А.В. Метод расчета ставок роялти на основе Big Data и Fuzzy Logic // Цифровая экономика. 2024. № 2(28). С. 15–30. DOI: 10.33276/DE-2024-02-02. — URL: <https://clck.ru/3C4e62> (дата обращения: 01.08.2024).
2. Костин А.В., Смирнов В.В. Метод согласования результатов оценки стоимости, основанный на нечеткой логике // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 12. С. 6–20. — URL: <https://clck.ru/3BosDr> (дата обращения: 01.08.2024).
3. Zadeh L.A. Fuzzy sets // Information and Control. 1965. Vol. 8, № 3. P. 338–353.
4. Derroncourt F. Introduction to fuzzy logic // Massachusetts Institute of Technology. 2013. Vol. 21, №3. P. 50–56.
5. Azam M., Hasan M., Hassan S., Jadid Abdulkadir S. Fuzzy Type-1 Triangular Membership Function Approximation Using Fuzzy C-Means // 2020 IEEE International Conference on Computational Intelligence (ICCI). 2020. P. 77–83. DOI: 10.1109/ICCI51257.2020.9247773
6. Mamdani E.H., Assilian S. An experiment in linguistic synthesis with a fuzzy logic controller // International Journal of Man-Machine Studies. 1975. Vol. 7. P. 1–13. DOI: 10.1016/S0020-7373(75)80002-2

REFERENCES

1. Kostin A.V. Metod rascheta stavok royalty na osnove Big Data i Fuzzy Logic // Cifrovaya e`konomika. 2024. No 2(28). S. 15–30. — DOI: 10.33276/DE-2024-02-02. — URL: <https://clck.ru/3C4e62> (data obrashheniya: 01.08.2024).
2. Kostin A.V., Smirnov V.V. Metod soglasovaniya rezul`tatov ocenki stoimosti, osnovanny`j na nechetkoj logike // Imushhestvenny`e otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2012. No 12. S. 6–20. — URL: <https://clck.ru/3BosDr> (data obrashheniya: 01.08.2024).
3. Zadeh L.A. Fuzzy sets // Information and Control. 1965. Vol. 8, No 3. P. 338–353.
4. Derroncourt F. Introduction to fuzzy logic // Massachusetts Institute of Technology. 2013. Vol. 21, No 3. P. 50–56.
5. Azam M., Hasan M., Hassan S., Jadid Abdulkadir S. Fuzzy Type-1 Triangular Membership Function Approximation Using Fuzzy C-Means // 2020 IEEE International Conference on Computational Intelligence (ICCI). 2020. P. 77–83. DOI: 10.1109/ICCI51257.2020.9247773
6. Mamdani E.H., Assilian S. An experiment in linguistic synthesis with a fuzzy logic controller // International Journal of Man-Machine Studies. 1975. Vol. 7. P. 1–13. DOI: 10.1016/S0020-7373(75)80002-2

Научная статья

УДК: 347.78

DOI: 10.17323/tis.2024.22306

Original article

CHATGPT, ТЕКСТ, ИНФОРМАЦИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ CHATGPT, TEXT, INFORMATION: CRITICAL ANALYSIS

Марина Николаевна КОМАШКО

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Российская
Федерация,
komashko@list.ru, mkomashko@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-5211-0055

Информация об авторе

М.Н. Комашко — доцент департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ ВШЭ, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам НИУ ВШЭ, кандидат юридических наук

Аннотация. Рассмотрены вопросы теории и практики, связанные с таким типом искусственного интеллекта, как большие языковые модели, в частности ChatGPT. Основное внимание уделено сферам человеческой деятельности, в которых обмен информацией, изложенной в виде текста, имеет наибольшее значение: науке, образованию и журналистике (медиа сфере).

Описан опыт взаимодействия пользователей с чат-ботами. Достаточно подробно рассмотрен принцип работы больших языковых моделей. Это позволяет подвести читателя к выводу о том, что чат-боты не могут и не должны осуществлять мыслительный процесс вместо человека и создавать осмысленные, правдивые тексты, которые не нуждались бы в тщательной проверке и редактировании.

Также автор обосновывает вывод о том, что искусственный интеллект (по крайней мере, большие

- языковые модели) не имитирует деятельность человека,
- а осуществляет деятельность принципиально иного рода.
- В заключительной части работы автор развенчивает миф о том, что чат-боты могут нанести непоправимый ущерб человеческой цивилизации путем внедрения дезинформации.

- **Ключевые слова:** искусственный интеллект, нейросеть, большие языковые модели, LLM, чат-бот, дезинформация, галлюцинирование данными, отравление данными, средства массовой информации, журналистика

- **Для цитирования:** Комашко М.Н. ChatGPT, текст, информация: критический анализ // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 118–128; DOI: 10.17323/tis.2024.22306

Marina N. KOMASHKO

- National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
komashko@list.ru, mkomashko@hse.ru,
https://orcid.org/0000-0002-5211-0055

Information about the author

- M.N. Komashko — Associate Professor, Department of Digital Law and Bio-Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, Associate Fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the National Research University Higher School of Economics, Candidate of Legal Sciences

Abstract. The paper deals with theory and practice issues related to such type of artificial intelligence as large language models, in particular, ChatGPT. The main attention is paid to spheres of human activity, in which the exchange of information stated in the form of text is of the greatest importance: science, education and journalism (media sphere).

The experience of user interaction with chatbots is described. The working principle of large language models is discussed in some detail. This allows to lead the reader to the conclusion that chatbots cannot and should not be able to carry out the thinking process instead of a human and create meaningful, truthful texts that would not need careful checking and editing.

The author also substantiates the conclusion that artificial intelligence (at least large language models) does not imitate human activity, but carries out activity of a fundamentally different kind.

In the final part of the paper, the author debunks the myth that chatbots can cause irreparable damage to human civilization by introducing misinformation.

Keywords: artificial intelligence, neural network, large language models, LLM, chatbot, disinformation, data hallucination, data poisoning, media, journalism

For citation: Komashko M.N. ChatGPT, Text, Information: Critical Analysis // Trudi po Intellektualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 118–128; DOI: 10.17323/tis.2024.22306

В последние годы мы с большим интересом, а порою с обеспокоенностью, наблюдаем за развитием технологий искусственного интеллекта. 2023 г. больше всего, пожалуй, запомнится нам волнениями, связанными с ChatGPT-4. Чего только не происходило в прошлом году в связи с использованием этого программного обеспечения! То студент сдаст выпускную квалификационную работу, написанную чат-ботом, как свою (см., например, [1]; также по этой теме см. [2]), то фанаты решат продолжить фантастическую эпопею вместо ее автора-писателя (см., например, [3]), то ученый заявит в интервью, что «новые инструменты искусственного интеллекта... угрожают выживанию человеческой цивилизации» [4]. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что появление ChatGPT перевернуло нашу жизнь в очередной раз (причем есть ощущение, что этот раз далеко не последний).

Многие пользователи начали экспериментировать и пытаются освоить новый «сорт» искусственного интеллекта. Появились даже курсы и тренинги, на которых обещают научить пользоваться ChatGPT тех, кто не справился сам. В результате экспериментов выяснилось, что ликование (не у всех, кое у кого — ужас) от того, что больше не нужен человек, чтобы состряпать текст на заданную тему, сменилось разочарованием и претензиями то ли к самому искусственному интеллекту, то ли к компании, выпустившей этот продукт на рынок.

Так, коллеги весь год делились по большей части негативными впечатлениями от использования чат-бота и обсуждали проблему выдуманных научных статей, которые никто никогда не публиковал (а в среде юристов также обсуждались выдуманные нейросетью судебные споры). Вот как, например, исследователь Сон Гон Ким описывает свой опыт взаимодействия с ChatGPT: «Я отправил несколько вопросов в ChatGPT ... он ответил ... я снова спросил: “Есть ли какие-либо ссылки по этой теме?” ... он ответил: “Да, ... Вот несколько примеров...”. Я проверил, настоящие эти ссылки или поддельные. К сожалению, все ссылки являются поддельными, включая поддельных авторов» [5]. Другие авторы также «столкнулись с тенденцией ChatGPT измышлять факты (феномен галлюцинирования). ... Бот сочинял несуществующие цитаты и неточно передавал информацию» [6].

Когда обнаружился такой, мягко говоря, недостаток работы чат-ботов, были предприняты некоторые меры по его нивелированию, но об этом подробнее будет сказано ниже.

Как бы то ни было, способность искусственного интеллекта генерировать связные тексты произвела настолько ошеломляющее впечатление на людей, что возникли представления о способности его также и к анализу текстовой информации. Так, в медицинских кругах проводятся исследования, направленные на определение возможностей использовать чат-бот в диагностике заболеваний. Результаты не слишком удовлетворительные. Например, известно, что «GPT-4 правильно диагностировал только 39% сложных медицинских случаев как у взрослых, так и у детей» [7] (см. также: [8]). Более ранней версии «чат-бот с искусственным интеллектом, работающий на языковой модели под названием GPT-3.5 от OpenAI, не смог правильно диагностировать 83% педиатрических случаев, которые исследовал» [7]. В совокупности «ChatGPT предоставил неправильные диагнозы для 72 из 100 случаев, при этом 11 из 100 результатов были классифицированы как «клинически связанные, но слишком общие, чтобы считаться правильным диагнозом»» [там же].

Тем не менее желание приспособить чат-бот для целей медицины не угасает. В феврале этого года произвела фурор новость об обученном на медицинской литературе GigaChat (аналоге ChatGPT от Сбера), который «сдал» экзамен по направлению подготовки «Лечебное дело» на четыре балла (см., например, [9–11]). Как упоминается в новостных сообщениях об этом событии, и «обучение» искусственного интеллекта, и проверку его способностей проводил Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова, что само по себе наводит на определенные мысли (и вызывает вопрос, почему в таких условиях чат-бот сдал экзамен всего на четыре балла, а не на пять с плюсом). Но дело даже не в самом чат-боте и не в нюансах организации проекта. К этой истории мы также вернемся далее.

Журналисты и блогеры не остались в стороне и тоже бросились осваивать ChatGPT. Информационное поле наводнили фейки и курьезы. Примером может служить занятая статейка о последних по состоянию на 2023 г. планах по строительству метро в подмосковной Балашихе [12]. Бесконечно длинная и настолько же бессодержательная заметка полна нелепостей: начиная от знаменитого района Балашихи под названием «Уралмаш» и заканчивая откровением о том, что «в преддверии проведения чемпионата мира по футболу в Балашихе город активно работает над организацией метро для обеспечения удобства перемещения болельщиков и жителей города. В рамках

подготовки к чемпионату мира город решил расширить сеть метро» [там же] (в Балашихе метро нет и не было, как и чемпионата мира по футболу. — Авт.).

Несмотря на уже всеми, кажется, признанные недостатки текстов от искусственного интеллекта («водянистость», нехватка фактуры, отсутствие эмоционального окраса и смыслов [13], некорректные данные и ошибки [14]), в медиаиндустрии встречается мнение, будто ошибки возникают из-за того, что нейросети «были обучены на неправильных базах данных» [там же], и чат-боты все-таки могут применяться в целях автоматической генерации контента для финансовых новостей, в которых много цифр и фактических данных [там же].

Однако как раз с фактическими данными и возникает главная сложность, что отлично видно на приведенном выше примере. Уже упоминавшийся Сон Гон Ким, в частности, не считает возможным доверять данным от искусственного интеллекта: «...любые новые идеи, сгенерированные ChatGPT, должны быть подтверждены... а результаты должны быть проверены людьми... ChatGPT потенциально может генерировать ложную информацию, поэтому авторам-людям важно тщательно просмотреть и подтвердить информацию, сгенерированную ChatGPT, прежде чем включать ее в свои статьи» [5].

По поводу недостоверности данных, включаемых ChatGPT в свои тексты, высказался также академик А.Р. Хохлов: «Не стоит обвинять в этом нейронную сеть, просто она так работает. Она выдает наиболее вероятный, а вовсе не правильный ответ. Причем наиболее вероятный, исходя из загруженной в нее информации» [15]. Невозможно не согласиться с Алексеем Ремовичем. Будучи человеком с физико-математическим образованием, он обозначил самую суть принципа работы этого программного обеспечения.

Итак, что же такое ChatGPT (кроме того, что он — искусственный интеллект и нейросеть)? ChatGPT относится к семейству больших языковых моделей (Large Language Models, LLM)¹. У всех LLM общий

¹ Необходимо отметить, что в данной статье допускаются не вполне корректные формулировки, когда ставится знак равенства между чат-ботом и искусственным интеллектом. Если говорить более строго, ChatGPT, а также GigaChat и прочие чат-боты — это продукт, выпущенный компанией-разработчиком на рынок, в основе функционирования которого лежит искусственный интеллект, а именно — большая языковая модель. То есть кроме ИИ внутри чат-бота может быть еще много чего, что тоже влияет на качество работы бота. Но поскольку «фундамент» чат-бота составляет именно LLM, а статья предназначена для коллег-гуманитариев (специалисты в компьютерных науках явно будут читать об LLM в других источниках), такая вольность кажется допустимой ради простоты изложения.

принцип работы, и этот принцип заключается в том, что они (как невероятно!) *не пишут тексты* и уж тем более не анализируют и не делают умозаключений. LLM, и ChatGPT в том числе, *составляют цепочку из слов*. По сути, мы все уже давно знакомы с этим механизмом: Т9 в смартфоне тоже составляет цепочку из более или менее подходящих, как ему кажется, слов. LLM (ChatGPT) — это более совершенный и эффективный Т9. Главная задача чат-бота — продолжить предоставленный пользователем текст на одно следующее слово, а затем продолжить получившийся текст еще на одно слово, затем снова продолжить еще на одно слово и так далее. Как показали эксперименты, наиболее правдоподобные и «читаемые» тексты получаются, если нейросеть настроена продолжать текст не теми словами, которые наиболее часто употребляются после последнего введенного слова, а словами, частота употребления которых следом за «отправным» словом, составляет около 80%.

Замечу, что LLM не понимают значения слов: «...внутри ChatGPT любой фрагмент текста фактически представлен массивом чисел, которые мы можем рассматривать как координаты точки в некоем «пространстве лингвистических признаков». Таким образом, когда ChatGPT продолжает фрагмент текста, это соответствует прослеживанию траектории в пространстве лингвистических признаков» [16]. Естественно, LLM не понимают и значений получающихся текстов. Они выставляют слова по порядку (в соответствии с заложенным в них алгоритмом), но не оценивают смысл, содержание текста и не проверяют достоверность получившихся «данных». Большие языковые модели (как, впрочем, и искусственный интеллект других типов) не знают ничего о мире, они «видят» только предоставленные им для «обучения» тексты, а точнее — знают частоту употребления в этих текстах слов рядом друг с другом.

Есть еще одно важное обстоятельство. LLM обычно запрограммированы на постоянное «дообучение», то есть, взаимодействуя с пользователем или получая доступ к новым текстам в интернете, нейросеть как бы развивает себя. Другими словами, нет какого-то канонического набора текстов, на которые ориентируется языковая модель, она берет в работу все, что попадает «под руку».

Более подробно об устройстве и принципах работы больших языковых моделей можно узнать, например, из [16, 17, 18].

Позволю себе лирическое отступление. Стивен Вольфрам, британский физик, математик и программист, высоко оценивает тексты, генерируемые нейросетями (ChatGPT, в частности): «То, что ChatGPT

делает при генерации текста, очень впечатляет — и результаты обычно очень похожи на те, которые получаем мы, люди» [16]. Однако русскоязычные тексты от нейросетей весьма слабы, неинтересны, они «пресные» — сразу видно, что писал их не человек.

Обычно считается, что, раз нейросети разрабатываются по большей части в англоязычных странах, они обучены в основном на текстах, написанных на английском языке, и поэтому лучше им «владеют». Но, не исключено, что объяснение кроется в особенностях самих языков — английского и русского. Возможно, английский как более алгоритмизированный язык, относящийся к группе аналитических языков, лучше поддается «освоению» искусственным интеллектом, чем более стихийный русский, относящийся к группе синтетических языков.

Кроме того, Стивен Вольфрам [16] делает весьма и весьма интересные умозаключения о той роли, которую может сыграть ChatGPT в деле познания законов человеческого мышления и развития человеческого языка, являясь как бы отражением математических закономерностей, существующих в языке, но не обнаруженных пока самими людьми.

Итак, если понять, как устроен и работает ChatGPT, то покажутся странными удивление и возмущение со стороны пользователей из-за того, что нейросеть выдает ложные данные. И еще более странными выглядят надежды на то, что LLM могут что-либо анализировать.

Вероятно, слишком завышенные ожидания от чат-бота возникли из-за того, что изначально кто-то преподнес LLM как программу, способную создавать тексты, подобно человеку. Возможно, в контексте, в котором это было сказано, было совершенно понятно, что именно представляют собой большие языковые модели. Но «мысль изреченная есть ложь» [19], и вырванная из контекста, эта фраза породила неоправдавшиеся надежды.

А ведь никто и не обещал, что чат-бот будет генерировать тексты, содержащие хоть какую-то мысль. Генерация текста ≠ умозаключение. Откуда возьмется мысль или новая идея, если текст — всего лишь достаточно шаблонный набор слов, буквально — общее место [20]? Стоит ли удивляться «водянистости» и «отсутствию смысла» [13]?

Очевидно, что специфическая бессмысленность текстов от чат-бота обусловлена технологией его работы. С другой стороны, людям не всегда нужен какой-либо смысл в тексте. Например, в поздравительных речах не требуется особого смысла. Шаблонные фразы вполне годятся. Вот, например, шутники собрали новогодние речи президента за несколько лет в один поздравительный видеоролик:

(президент появляется в «плиточке» того года, в котором он говорил звучащую в ролике фразу) [21]. Стали ли хуже новогодние поздравления от того, что они повторяются? Очевидно, что нет.

Далее. Никто не обещал, что в текстах от чат-бота будет правда. Если мы понимаем принцип его работы, будем ли мы удивляться, что сведения, сочиненные языковой моделью, не соответствуют действительности? Это ведь тоже следствие технологии.

Никто не обещал, что будет годный контент, который не надо проверять. Как минимум необходимо разбираться в теме, по которой заказал чат-боту текст, и прочитать этот самый текст перед публикацией или отправкой адресу.

Еще один немаловажный момент. В 2023 г. исследователи изучили тенденции саморазвития чат-бота. И — о чудо! — оказалось, что большие языковые модели, постоянно обновляющие базу текстов, со временем (довольно быстро) «тупеют». Этот эффект получил красочные названия: «отравление данными», «крах модели» [22]. Однако, если мы будем помнить о принципе работы и самообучения чат-бота, нам станет очевидно, что со временем «отупение» неизбежно. Как известно, «с кем поведешься, от того и наберешься», а доступные широкой публике языковые модели впитывают сведения и от самих себя (сгенерированные искусственным интеллектом и, как было показано выше, не блещущие качеством), и от пользователей, не все из которых отличаются умом и высокими моральными принципами.

Сама по себе технология больших языковых моделей остается принципиально неизменной, насколько можно судить по доступной информации (имеются сведения о новой технологии, которая потенциально может заменить LLM, но это не относится к предмету

данной статьи). Отмеченные выше недостатки в работе чат-ботов нивелируются другими методами.

Так, для устранения проблемы галлюционирования применяется ряд решений (см. об этом [23]). Однако эта проблема все еще остается актуальной (см., например, [24]).

Для борьбы с «водянистостью», нехваткой фактуры и «отравлением данными» тоже нашелся метод — цензура данных для обучения. К примеру, как известно из приведенных выше новостей про GigaChat, его обучали не на всей подряд информации, имеющейся в интернете, без разбора, а только на специализированной медицинской литературе (причем не абы какой, а рекомендованной для обучения будущих врачей). Соответственно подцензурный чат-бот генерирует тексты, опираясь на «веса» слов и словосочетаний в массиве данных, предварительно отобранных разработчиком в соответствии со своей картиной мира. В случае медицины и научного медицинского центра это оправданно; но, как говорится, могут быть и другие варианты.

Теперь, после краткого рассмотрения принципа работы больших языковых моделей, настало время сравнить деятельность человека по написанию текста и деятельность нейросети.

Очевидно, что действия LLM совсем не похожи на то, как человек пишет тексты. Это *принципиально другая* деятельность. Человек, садясь за написание чего-либо, сначала формирует импульс, побуждающий его к этой процедуре, решает «организационные» вопросы: на какую тему он будет писать, в какой форме (письмо, роман, стихи и так далее), с помощью каких инструментов (на бумаге чернилами при свечах или на компьютере); у него в голове рождается мысль, и только после этого человек выражает, более или менее удачно, свою мысль в виде текста. Как бы спонтанно или, наоборот, после раздумий ни взялся живой человек за создание текста, ни при каких обстоятельствах даже самый отъявленный халтурщик от журналистики не станет рассчитывать частоту употребления последовательности слов и составлять слова в цепочку. Человеческий текст — это выраженные вовне эмоции, мысли, идеи (даже если этот человек мыслит штампами, а все его идеи бездарны), но не математические расчеты так называемых «весов».

Говорят, чувственный опыт — самый простой и надежный критерий истины. Поэтому, чтобы окончательно убедиться в том, что LLM составляет тексты *не как человек*, сыграйте в игру: выбирайте случайные слова (существительные, прилагательные, глаголы и так далее) из хорошей книги и собирайте их, одно за другим, в предложения. Текст получится не такой складный, как у чат-бота (что естественно, ведь у этой

игры алгоритм гораздо более примитивный), но он получится! А игроки почувствуют на собственном опыте, насколько вся предыдущая их работа по написанию текстов не похожа на составление цепочек слов (то есть на работу языковой модели).

Также интересно поупражняться в составлении предложений из слов на незнакомом языке (например, китайском или японском, в которых каждый иероглиф, как известно, является целым словом). Если взять иероглифы, относящиеся к одной теме, то при известной доле удачи получится почти настоящий текст. Правда, вы, без знания языка, не поймете, что говорится в составленном вами тексте. Ну так и LLM не понимают смысла составленных предложений, им просто нечем (да и незачем).

И здесь мы подходим к весьма важному моменту. Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) [25] (далее — Национальная стратегия), искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющий *имитировать* когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их, — комплекс, включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Обратимся к толкованию терминов. Имитировать — значит воспроизводить с точностью, подражая кому-нибудь / чему-нибудь [26]. Когнитивные функции человека — это способность понимать, познавать, изучать, осознавать, воспринимать и перерабатывать (запоминать, передавать, использовать) внешнюю информацию [27].

Таким образом, под искусственным интеллектом мы должны понимать комплекс технологических решений, позволяющий воспроизводить с точностью, подражая человеку, способность человека понимать, познавать, изучать, осознавать, воспринимать и перерабатывать внешнюю информацию.

В 2019 г. действительно казалось (и, видимо, кажется до сих пор, раз при внесении изменений в Национальную стратегию определение искусственного интеллекта было слегка изменено, но не было улучшено), что искусственный интеллект имитирует деятельность человека. В те времена чат-ботов еще не было, а нейросети делали такие вещи, как определение объекта, изображенного на фотографии или в кадре

видеозаписи, определение соответствия человека фотографии в документе, который этот человек предъявляет, например, в банке для удостоверения личности, считывание номера и тому подобное. Вроде бы это умственная деятельность (физическим трудом такую работу трудно назвать), но все-таки не самая интеллектуальная. Зачастую искусственный интеллект справляется с такими задачами лучше живых людей (хотя результаты бывают разные, в том числе абсолютно курьезные).

Однако, чем интеллектуальнее задача, тем более очевидно, что искусственный интеллект не имитирует работу человеческого мозга. Большие языковые модели осуществляют *совершенно другую* деятельность, ничем не похожую на человеческую, а вовсе не подражают человеку. Причем это утверждение справедливо не только для рассматриваемых здесь LLM, но и для других (хотя, может быть, и не всех) типов искусственного интеллекта (подробнее о некоторых из них см., например, [28, 29]).

Можно с определенными допущениями говорить об имитации *результатов* умственной деятельности человека, да и то — оценки текстов, составленных на разных языках, как было показано выше, существенно разнятся.

Таким образом, мы видим, что определение, данное искусственному интеллекту в Национальной стратегии, основополагающем российском документе об искусственном интеллекте, недостаточно корректно. Оно не соответствует как минимум некоторым типам искусственного интеллекта (в том числе весьма распространенным, таким как большие языковые модели и компьютерное зрение). Есть у этого определения и другие недостатки [28, с. 100].

Другая важная проблема, которую высветил искусственный интеллект, в частности история с GigaChat и экзаменом, касается нас всех как членов общества, но особенно она актуальна для университетов и преподавателей.

Как было показано выше, большие языковые модели не мыслят, ничего не анализируют, ничего не знают о нашем мире, они лишь рассчитывают «веса» и математические траектории и ставят объекты (которые для нас являются словами) в цепочку в соответствии с частотностью их присутствия в неких массивах (для нас являющихся текстами). Из того факта, что LLM справилась с ответами на экзаменационные вопросы, напрашивается следующий вывод: экзамен не проверяет способность студента к анализу и мышлению, *понимание* им темы, а проверяет только его способность вы зубрить учебник и ответить близко к тексту (тут у LLM, естественно, большое преимущество). Если выпускнику мединститута не нужны понимание и умение думать, способен ли он лечить людей?

Вот, к примеру, один из экзаменационных вопросов: назначьте пациенту дополнительное обследование [9]. Из самого вопроса студенту уже понятно, что, во-первых, пациент действительно чем-то болен, а во-вторых, что он недообследован. Дело за малым — назначить процедуры по методичке. А врачу на приеме кто должен подсказать, требуется тут дообследование или нет? Пациент? Или лечащий врач каждый раз к профессору будет за подсказками бегать: что с этим пациентом делать — план лечения составлять или обследовать дополнительно? А если к такому выпускнику на прием попадет здоровый человек, сможет врач его отличить от больного или начнет «лечить анализы»?

Как представляется, вопросы о том, что проверяет экзамен и чему в итоге научены студенты: умению работать по специальности или умению запоминать и пересказывать учебник, касаются не только медицинских учебных заведений, но и всех остальных (просто в них не проводили еще экспериментов с искусственным интеллектом и не хвастались успехами).

Наконец, рассмотрим еще один аспект, который обсуждается в связи с LLM: угроза дезинформации, исходящая от чат-ботов. Доктор Хинтон, которого часто называют крестным отцом искусственного интеллекта, высказал озабоченность в связи с тем, что «интернет будет наводнен фальшивыми фотографиями, видео и текстом, и обычный человек больше не сможет узнать, что является правдой» [30]. Так же считает и Евгений Соколов, специалист в области компьютерных наук и информатики: «Главная угроза лично мне видится в том, что ИИ будет дезинформировать людей и выдавать ложную информацию за истину» [17].

Эту же мысль более развернуто высказал израильский историк и философ Юваль Ноа Харари: «То, что мы обычно принимаем за реальность, часто оказывается просто вымыслом в нашем собственном сознании. ... Если мы не будем осторожны (с разработкой и применением искусственного интеллекта. — *Авт.*), мы можем оказаться в ловушке за завесой иллюзий, от которой мы не сможем оторваться — или даже осознать, что она существует» [4].

Действительно, фейки, созданные при помощи ChatGPT, не заставили себя ждать. Уже в мае 2023 г. появились сообщения о задержании полицией Китая человека в связи с подозрением о распространении им в интернете ложных новостей о чрезвычайном происшествии (см., например, [31]). Однако журналисты без всякого чат-бота сами прекрасно справляются с дезинформацией: в частности, сочиняют «кликбейтные» новостные заголовки о том, что в Китае человека арестовали за использование ChatGPT (см., например, [32, 33]).

Дезинформация не является изобретением нейросетей. До появления искусственного интеллекта дезинформация также существовала, и не просто существовала, а обеспечивала своим адептам славу, почет и даже Пулитцеровскую премию (правда, ненадолго). О нескольких таких случаях, происходивших с 1980-х по 2010-е годы, весьма занимательно рассказал Егор Воробьев [34].

Об этой же проблеме высказался и профессор В.Н. Снетков: «В журналистском творчестве существуют и такие негативные явления, как диффракции этических конвенций, что проявляется в несоответствии действительности публикуемых сведений, девиации установленного порядка их проверки, распространении слухов или версий под видом достоверных сообщений, а в некоторых случаях — в фальсификации общественно значимых фактов, в нарушении принципа полифоничности взглядов на проблему. Это девальвирует способность СМИ осуществлять социальную функцию, гарантировать важнейшее демократическое право граждан на получение достоверной информации» [35, с. 400–401].

Но по большому счету дело даже не в привирающих (иногда очень сильно) журналистах и уж тем более не в чат-ботах, сочиняющих «данные». Это все может быть оставлено на совести отдельных людей, выпустивших негодные тексты в свет.

Существуют более серьезные причины возникновения проблемы дезинформации: «Исследователи акцентируют внимание на отчуждении СМИ от аудитории массовым манипулированием, мифологизацией, мистификацией общественного сознания. Выстраивается жесткая зависимость: собственник — издание — общественное сознание. При уходе из-под контроля СМИ демонстрируют “анархическую независимость, самодостаточность и самовластие, умножая асоциальную прессу и телеканалы, серьезно угрожают свободе массовой информации и гражданским правам в обществе”... Независимость и непонимание в среде СМИ возникают из-за необъятного клубка и пересечения личных интересов, выгод, комплексов, пороков, планов, целей и т.п. ... Ряд факторов — экономических, политических, социальных — искажают лицо современной прессы» [там же].

Хотелось бы обратить внимание на то, что все это было исследовано и отмечено еще в 2006 г., когда ни про какой искусственный интеллект среди журналистов никто и не слышал. Да и в более ранние времена существовала проблема качества и достоверности информации. Вот, например, краткая, но емкая характеристика европейских СМИ середины XIX в.: «... характерной особенностью тогдашнего времени была глубокая деморализация прессы. ... Никогда еще

не замечалось столь полной и упорной системы подкупа всех органов (прессы. — *Авт.*) большой страны (Франции). Не иначе дело обстоит в Германии. Большинство газет находится в услужении у банков» [36, с. 121–122].

Как видим, вовсе не большие языковые модели и такие продукты современности, как ChatGPT, и даже не искусственный интеллект в целом создают угрозы дезинформации. На качество работы медиаструктур оказывают куда большее влияние совсем другие факторы, которые действовали задолго до появления искусственного интеллекта и продолжают существовать, пока будут существовать люди. Так что в очередной раз мы можем убедиться, что применение искусственного интеллекта не создает принципиально новых проблем, а лишь обращает внимание на давно существующие.

В заключение еще раз кратко сформулирую основные выводы, к которым привело это исследование:

1) прежде чем начинать использовать любые технологии, включая чат-боты, необходимо разобраться в их сути. Да, это непросто, и людям не всегда хочется вникать в особенности технологического процесса, но делать это все равно придется;

2) если есть понимание, как работает технология, то не остается места для появления сюрпризов и для удивления ее «ошибкам» (а на самом деле — абсолютным логичным следствиям применения технологии);

3) способность составить текст не означает умение анализировать, понимать слова, воспринимать информацию;

4) тексты можно создавать разными способами. Человек обычно (если он не играет в предложенные в статье игры) выражает в тексте мысли, идеи, эмоции, образы, которые возникли у него до того, как оказались изложенными в виде текста. То есть первоначальная мысль, текст вторичен. Напротив, LLM составляют цепочки, последовательности слов, одно за другим, не имея представления о том, что из этого получится. Ни получившийся текст, ни даже слова они не воспринимают так, как люди (для них вся «информация», заключенная в словах, — только числа и математические расчеты). Никаких мыслей или эмоций у LLM нет, выражать им нечего. При этом ни отдельные слова, ни итоговый текст не первичны и не вторичны. В «мире» LLM они просто отсутствуют;

5) соответственно LLM, как и некоторые другие виды искусственного интеллекта, *не имитируют деятельность* человека, не подражают ему, а выполняют совершенно другие действия, которые человеку несвойственны (и для человека бессмысленны);

6) с определенными допущениями можно говорить об *имитации результатов деятельности* челове-

ка (постольку, поскольку человек признает результат работы LLM в качестве текста);

7) появление LLM высветило некоторые проблемы в сфере образования: если чат-бот успешно справляется с задачей, значит, для ее решения не требуются мышление и аналитические способности. А это, в свою очередь, означает, что необходимо вносить изменения в процессы обучения, чтобы формировать у будущих специалистов понимание, а не запоминание;

8) проблема дезинформации порождена не большими языковыми моделями (чат-ботами) и даже не искусственным интеллектом в целом, а самой природой человеческого общества. Эта проблема вызывала беспокойство у мыслителей задолго до появления искусственного интеллекта и обусловлена совершенно другими факторами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агранович М. Нейросеть или профессор: дипломную работу за москвича написал искусственный интеллект // Российская газета: сайт. — URL: <https://rg.ru/2023/02/01/reg-cfo/neiroset-ili-professor-diplomnuu-rabotu-za-moskvicha-napisal-iskusstvennyi-intellekt.html> (дата обращения: 30.04.2024).
2. Комашко М.Н. Экономика, автор и искусственный интеллект: (не)возможности правового регулирования // Право и экономика: стратегии регионального развития: сб. материалов III Вологодского регионального форума с международным участием. Вологда, 22–23 марта 2023 г. Вологда: Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 28–31.
3. Дудников К. Нейросеть ChatGPT дописала серию фэнтези-романов «Песнь льда и пламени» за Джорджа Мартина. — URL: <https://www.mentoday.ru/entertainment/news/20-07-2023/neiroset-chatgpt-dopisala-seriyu-fentezi-romanov-pesn-lda-i-plameni-za-djordja-martina/> (дата обращения: 30.04.2024).
4. Yuval Noah Harari argues that AI has hacked the operating system of human civilization // The Economist. 2023. Apr. 28. — URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2023/04/28/yuval-noah-harari-argues-that-ai-has-hacked-the-operating-system-of-human-civilisation> (дата обращения: 30.04.2024).
5. Kim S.G. Using ChatGPT for language editing in scientific articles // Maxillofac Plast Reconstr Surg. 2023. Mar. 8. T. 45(1). P. 13. DOI: 10.1186/s40902-023-00381-x. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9992464/> (дата обращения: 30.04.2024).
6. Голованов Г. ChatGPT за час написал научную статью с нуля. — URL: <https://m.hightech.plus/2023/07/07/>

- chatgpt-za-chas-napisal-nauchnyu-statyu-s-nulya (дата обращения: 30.04.2024).
7. Никифорова А. Может ли ChatGPT поставить диагноз: ученые провели эксперимент. — URL: <https://hightech.fm/2024/01/12/chat-wrong> (дата обращения: 30.04.2024).
 8. Barile J., Margolis A., Cason G. et al. Diagnostic Accuracy of a Large Language Model in Pediatric Case Studies // JAMA Pediatrics. 2024. Jan. 2. DOI: 10.1001/jamapediatrics.2023.5750. — URL: <https://jamanetwork.com/journals/jamapediatrics/article-abstract/2813283?resultClick=1> (дата обращения: 30.04.2024).
 9. URL: <https://sbermed.ai/gigachat-sdal-ekzamen-na-vracha> (дата обращения: 30.04.2024).
 10. URL: <https://lenta.ru/news/2024/02/13/vracha/> (дата обращения: 30.04.2024).
 11. URL: <https://habr.com/ru/news/793536/> (дата обращения: 30.04.2024).
 12. URL: https://investim.guru/obzory/metro-v-balashihe-poslednie-novosti-2023-goda?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 30.04.2024).
 13. Гладкова С. Нейросеть — конкурент или помощник? — URL: <https://journonline.msu.ru/articles/note/neyroset-konkurent-ili-pomoshchnik/> (дата обращения: 30.04.2024).
 14. Арджения Э. Нейросети и журналистика: как они взаимодействуют. — URL: <https://gazeta-ra.info/obshchestvo/item/1008-neiroseti-i-zhurnalistika-kak-oni-vzaimodejstvuyut> (дата обращения: 30.04.2024).
 15. URL: <https://t.me/khokhlovAR/411> (дата обращения: 30.04.2024).
 16. Wolfram St. What Is ChatGPT Doing ... and Why Does It Work? — URL: <https://writings.stephenwolfram.com/2023/02/what-is-chatgpt-doing-and-why-does-it-work/> (дата обращения: 30.04.2024).
 17. Соколов Е. ИИ несет в себе опасности, но совершенно не те, о которых все говорят // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6000421> (дата обращения: 30.04.2024).
 18. URL: <https://youtu.be/VVffXW8zw> (дата обращения: 30.04.2024).
 19. Тютчев Ф.И. Silentium! — URL: <https://www.culture.ru/poems/45928/silentium> (дата обращения: 30.04.2024).
 20. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». — URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma257710.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.04.2024).
 21. URL: <https://t.me/kremlinlive/4485> (дата обращения: 30.04.2024).
 22. URL: <https://www.block-chain24.com/articles/snizhenie-proizvoditelnosti-chat-botov-problemy-sdannymi-ugrozhayut-budushchemu> (дата обращения: 30.04.2024).
 23. Миттал А. Борьба с галлюцинациями в больших языковых моделях: обзор передовых методов. — URL: <https://www.unite.ai/ru/%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D0%B0-%D1%81-%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%D0%BC%D0%B8-%D1%81-%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D1%8C%D1%8E-%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B8%D1%85-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85-%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9%2C-%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85-%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2/> (дата обращения: 30.04.2024).
 24. Каминский Б. «Галлюцинации» ChatGPT стали предметом жалобы на конфиденциальность в ЕС // URL: <https://forklog.com/news/ai/gallyutsinatsii-chatgpt-stali-predmetom-zhaloby-na-konfidentsialnost-v-es> (дата обращения: 30.04.2024).
 25. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/АН4х6HgKWANwViMOFPhcbRpvd1HCCsv.pdf> (дата обращения: 30.04.2024).
 26. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/823410> (дата обращения: 30.04.2024).
 27. Шмонин А.А. 5 шагов: как разобраться в когнитивных нарушениях и помочь пациенту. — URL: https://www.1spbgmu.ru/images/home/universitet/Struktura/Kafedry/Kafedra_nevrologii_i_neirohirurgii/Prezentacii_Shmonin/2018/statie/%D0%A8%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BD_%D0%90.%D0%90_%D0%9A%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_-_%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B8_%D0%BB%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_2018.pdf (дата обращения: 30.04.2024).
 28. Комашко М.Н. Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности. Works on Intellectual Property. 2022. Т. 42. № 3. С. 98–109. — URL: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15939>

29. Комашко М.Н. К вопросу об осмыслении цифровых технологий (на примере искусственного интеллекта) // Цифровое право: технологическая, юридическая и этическая нормативность в условиях функционирования цифровой среды: сб. науч. тр. науч.-аналит. форума: ИФПР. Новосибирск, 2024. С. 117–127.
30. Metz C. "The Godfather of A.I." Leaves Google and Warns of Danger Ahead // The New York Times. 2023. May 1. — URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/01/technology/ai-google-chatbot-engineer-quits-hinton.html> (дата обращения: 30.04.2024).
31. Zheng W. ChatGPT: China detains man for allegedly generating fake train crash news, first known time person held over use of AI bot. — URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3219764/china-announces-first-known-chatgpt-arrest-over-alleged-fake-train-crash-news> (дата обращения: 30.04.2024).
32. URL: <https://digitalbusiness.kz/2023-05-10/v-kitae-arestovali-cheloveka-za-ispolzovanie-chatgpt/> (дата обращения: 30.04.2024).
33. URL: <https://dzen.ru/a/ZFpYh8k6vUrSBOBk> (дата обращения: 30.04.2024).
34. Воробьев Е. Не факт. Четыре невероятные истории журналистов, которые обманули всех // URL: <https://disgustingmen.com/history/4-zhurnalista-kotorym-vse-verili-a-zrya/> (дата обращения: 30.04.2024).
35. Снетков В.Н. СМИ как законотворческий элемент гражданского общества // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 6: в 3-х (4-х) т. Т. 1. М.: Юрист, 2006. С. 399–402.
36. Петражицкий Л.И. Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве. СПб: Тип. М-ва фин. (В. Киршбаума), 1898.
3. Dudnikov K. Neyroset' ChatGPT dopisala seriyu fentezi-romanov "Pesn' l'da i plameni" za Dzhordzha Martina. — URL: <https://www.mentoday.ru/entertainment/news/20-07-2023/neiroset-chatgpt-dopisala-seriyu-fentezi-romanov-pesn-lda-i-plameni-za-djordja-martina/> (date of the obrashheniya:30.04.2024).
4. Yuval Noah Harari argues that AI has hacked the operating system of human civilization // The Economist. 2023. Apr. 28. — URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2023/04/28/yuval-noah-harari-argues-that-ai-has-hacked-the-operating-system-of-human-civilisation> (date of the obrashheniya:30.04.2024).
5. Kim S.G. Using ChatGPT for language editing in scientific articles // Maxillofac Plast Reconstr Surg. 2023. Mar. 8. T. 45(1). P 13. DOI: 10.1186/s40902-023-00381-x. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9992464/> (date of the obrashheniya:30.04.2024).
6. Golovanov G. ChatGPT za chas napisal nauchnyu stat'yu s nulya. — URL: <https://m.hightech.plus/2023/07/07/chatgpt-za-chas-napisal-nauchnyu-statyu-s-nulya> (date of the obrashheniya:30.04.2024).
7. Nikiforova A. Mozhet li ChatGPT postavit' diagnoz: uchenye proveli eksperiment // URL: <https://hightech.fm/2024/01/12/chat-wrong> (date of the obrashheniya:30.04.2024).
8. Barile J., Margolis A., Cason G. et al. Diagnostic Accuracy of a Large Language Model in Pediatric Case Studies // JAMA Pediatrics. 2024. Jan. 2. doi:10.1001/jamapediatrics.2023.5750. — URL: <https://jamanetwork.com/journals/jamapediatrics/article-abstract/2813283?resultClick=1> (date of the obrashheniya:30.04.2024).
9. URL: <https://sbermed.ai/gigachat-sdal-ekzamen-na-vracha> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
10. URL: <https://lenta.ru/news/2024/02/13/vracha/> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
11. URL: <https://habr.com/ru/news/793536/> (date of the obrashheniya:30.04.2024).
12. URL: https://investim.guru/obzory/metro-v-balashihe-poslednie-novosti-2023-goda?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (date of the obrashheniya:30.04.2024).
13. Gladkova S. Neyroset' — konkurent ili pomoshchnik? — URL: <https://journalonline.msu.ru/articles/note/neyroset-konkurent-ili-pomoshchnik/> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
14. Ardzheniya E. Neyroseti i zhurnalistika: kak oni vzaimodeystvuyut. — URL: <https://gazeta-ra.info/obshchestvo/item/1008-neyroseti-i-zhurnalistika-kak-oni-vzaimodeystvuyut> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).

REFERENCES

1. Agranovich M. Neyroset' ili professor: diplomnyu rabotu za moskvicha napisal iskusstvennyy intellekt // Rossiyskaya Gazeta: [sayt]. — URL: <https://rg.ru/2023/02/01/reg-cfo/neiroset-ili-professor-diplomnuu-rabotu-za-moskvicha-napisal-iskusstvennyj-intellekt.html> (date of the obrashheniya:30.04.2024 g.).
2. Komashko M.N. Ekonomika, avtor i iskusstvennyy intellekt: (ne)vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya // Pravo i ekonomika: strategii regional'nogo razvitiya: Sbornik materialov III Vologodskogo regional'nogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem, Vologda, 22–23 marta 2023 g. Vologda: Severo-Zapadnyy institut (filial) Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2023. S. 28–31.

15. URL: <https://t.me/khokhlovAR/411> (date of the obrashheniya: 30.04.2024)
16. Wolfram St. What Is ChatGPT Doing ... and Why Does It Work? — URL: <https://writings.stephenwolfram.com/2023/02/what-is-chatgpt-doing-and-why-does-it-work/> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
17. Sokolov E. Il neset v sebe opasnosti, no sovershenno ne te, o kotorykh vse govoryat. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6000421> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
18. URL: <https://youtu.be/VVffXW8zw> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
19. Tyutchev F.I. Silentium! — URL: <https://www.culture.ru/poems/45928/silentium> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
20. Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka "Russkaya literatura i fol'klor". — URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma257710.htm?cmd=0&istext=1> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
21. URL: <https://t.me/kremlinlive/4485> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
22. URL: <https://www.block-chain24.com/articles/snizhenie-proizvoditelnosti-chat-botov-problemy-s-dannymi-ugrozhayut-budushchemu> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
23. Mittal A. Bor'ba s gallutsinatsiyami v bol'shikh yazykovykh modelyakh: obzor peredovykh metodov. — URL: <https://www.unite.ai/ru/%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D0%B0-%D1%81-%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%D0%BC%D0%B8-%D1%81-%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D1%8C%D1%8E-%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B8%D1%85-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85-%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9%2C-%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85-%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2/> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
24. Kaminskiy B. "Gallutsinatsii" ChatGPT stali predmetom zhaloby na konfidentsial'nost' v ES. — URL: <https://forklog.com/news/ai/gallyutsinatsii-chatgpt-stali-predmetom-zhaloby-na-konfidentsialnost-v-es> (date of obrashheniya: 30.04.2024).
25. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AH4x6HgKWANwVtMOFpDhcbRpvD1HCCsv.pdf> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
26. Ushakov D.N. Tolkovyy slovar'. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/823410> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
27. Shmonin A.A. 5 shagov: kak razobrat'sya v kognitivnykh narusheniyakh i pomoch' patsientu. — URL: https://www.1spbgmu.ru/images/home/universitet/Struktura/Kafedry/Kafedra_nevrologii_i_neirohirurgii/Prezentacii-Shmonin/2018/statie/%D0%A8%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BD_%D0%90.%D0%90._%D0%9A%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B8_%D0%BB%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_2018.pdf (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
28. Komashko M.N. Institut avtorstva i iskusstvennyy intellekt // Trudy po intellektual'noy sobstvennosti. Works on Intellectual Property. 2022. T. 42. No 3. S. 98–109. — URL: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.15939>
29. Komashko M.N. K voprosu ob osmyslenii tsifrovyykh tekhnologiy (na primere iskusstvennogo intellekta) // Tsifrovoe parvo: tekhnologicheskaya, yuridicheskaya i eticheskaya normativnost' v usloviyakh funktsionirovaniya tsifrovoy sredy: sb. nauch. tr. nauch.-analit. foruma: IFPR. Novosibirsk, 2024. S. 117–127.
30. Metz C. "The Godfather of A.I." Leaves Google and Warns of Danger Ahead // The New York Times. 2023. May 1. — URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/01/technology/ai-google-chatbot-engineer-quits-hinton.html> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
31. Zheng W. ChatGPT: China detains man for allegedly generating fake train crash news, first known time person held over use of AI bot. — URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3219764/china-announces-first-known-chatgpt-arrest-over-alleged-fake-train-crash-news> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
32. URL: <https://digitalbusiness.kz/2023-05-10/v-kitae-arestovali-cheloveka-za-ispolzovanie-chatgpt/> (date of the application: 30.04.2024).
33. URL: <https://dzen.ru/a/ZFpYh8k6vUrSBOBk> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
34. Vorobyev E. Ne fact. Chetyre neveroyatnyie istorii zhurnalstov, kotoryie obmanuli vsekh. — URL: <https://disgustingmen.com/history/4-zhurnalista-kotorym-vse-verili-a-zrya/> (date of the obrashheniya: 30.04.2024).
35. Snetkov V.N. SMI kak zakonotvorcheskiy element grazhdanskogo obshchestva // Nauchnyie trudy. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Vyip. 6. V trekh (chetyirekh) t. T. 1. M.: Yurist, 2006. S. 399–402.
36. Petrazhitskiy L.I. Aktsionernaya kompaniya. Aktsionernyye zloupotrebleniya i rol' aktsionernykh kompaniy v narodnom khozyaystve. SPb., 1898.

КРИТЕРИИ ТВОРЧЕСТВА ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА CREATIVITY CRITERIA FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Сона Вагановна ДЕ АПРО

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация,
s.deapro@yandex.ru,
ORCID: 0009-0005-6056-3408

Информация об авторе

С.В. Де Апро — аспирант кафедры компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация. В доктрине и научной литературе до сих пор не выработаны универсальные критерии творчества, которые могли бы стать надежными ориентирами в предоставлении защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности. Вопрос об авторстве и признании «творчества» искусственного интеллекта также остается открытым. В статье рассмотрена проблема творчества с юридической точки зрения, в частности вопросы охраноспособности произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта и непосредственно искусственным интеллектом. Обсуждаются роль воображения в творчестве и другие субъективные факторы, влияющие на творческую деятельность. Изложен взгляд на «мышление» искусственного интеллекта как алгоритмическое, лишенное человеческого духа. Обосновано предложение признать произведения, «созданные» искусственным интеллектом, вторичными, лишенными новизны объектами.

Ключевые слова: творчество, критерии творчества, искусственный интеллект, ИИ, объекты, создаваемые ИИ, результат творческой деятельности, алгоритмы, авторское право

Для цитирования: Де Апро С.В. Критерии творчества для искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024 Т. 50, № 3. С. 129–134; DOI: 10.17323/tis.2024.22308

• Sona V. DE APRO

• Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
• s.deapro@yandex.ru,
• ORCID: 0009-0005-6056-3408

• Information about the author

• S.V. De Apro — postgraduate student of the Department of Computer Law and Information Security at the Higher School of State Audit, Lomonosov Moscow State University

Abstract. The doctrine and scientific literature have not yet developed universal criteria for creativity that could become reliable guidelines in providing protection for rights to the results of intellectual activity. The question of authorship and recognition of AI “creativity” also remains open. The problem of creativity is considered from a legal point of view, in particular, the protectability of works created using artificial intelligence and directly by artificial intelligence. The role of imagination in creativity and other subjective factors influencing creative activity are discussed. It is proposed to consider the “thinking” of artificial intelligence as algorithmic, devoid of the human spirit. The proposal is substantiated to recognize works “created” by artificial intelligence as secondary objects devoid of novelty.

Keywords: creativity, creativity criteria, artificial intelligence, objects created by AI, the result of creative activity, algorithms, copyright

For citation: De Apro S.V. Creativity Criteria for Artificial Intelligence // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024 Vol. 50 (3) P. 129–134; DOI: 10.17323/tis.2024.22308

Вопрос о том, способен ли искусственный интеллект (далее — ИИ) на творческую деятельность в той же мере, что и человек, вызывает много разнообразных суждений и мнений специалистов. Некоторые считают, что ИИ может достигать творческих высот, другие же полагают, что он еще не дорос до уровня человека. Вопрос об авторстве и признании «творчества» ИИ также остается открытым. Кроме того, в научной литературе отсутствует единство мнений о том, что представляет собой творчество и какие его универсальные критерии могли бы выступить ориентирами для внесения определенности в обеспечение охраноспособности объектов, созданных как человеком, так и искусственным интеллектом или с использованием ИИ.

В Распоряжении Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2120-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» указано, что одной из основных проблем в правовом регулировании является правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием систем искусственного интеллекта [1]. Если обратиться к зарубежному опыту, то в резолюции Европарламента от 10 октября 2020 г. можно обнаружить два вида произведений — созданные человеком с использованием ИИ (AI-assisted human creations) и созданные непосредственно ИИ (AI-generated creations) [2]. Если в отношении первого вида предлагается применять действующее законодательство об интеллектуальной собственности, то в отношении второго вида пока нет определенности. В другой резолюции указано, что ИИ не наделен правоспособностью, единственная его цель — служение человеку.

В России в соответствии со ст. 1228 и 1257 ГК РФ автором произведения и результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создано произведение [3]. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием

технических средств [4]. Такой подход схож с предложенным в резолюции Европарламента от 10 октября 2020 г., где ИИ рассматривается как инструмент. При этом в том же Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 г. № 10 отмечено, что судам при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что таковым может быть только объект, созданный творческим трудом. «В правовой доктрине нет общепризнанного определения юридически значимого критерия как творческого труда, так и его результата, а стало быть, и произведения как объекта авторского права. Все это приводит к тому, что отечественная судебная практика по авторским спорам показывает отсутствие в ней стабильности и предсказуемости» [5].

Вопрос о том, что подразумевается под творческим трудом, приводит к необходимости определить понятие «творчество». Обратимся к некоторым высказываниям ученых. Так, Н.А. Бердяев считал, что творчество — это единственный вид деятельности, который делает человека человеком: «Творческий акт всегда есть освобождение и преодоление» [6]. По мнению Ю.М. Батурина, «творчество — это сильная эмоция, вспышка». Важную идею также высказал видный психолог Ф. Кликс: «Человеческий интеллект является, с одной стороны, проявлением творческих процессов, а с другой — представляет собой специфическое качество, связанное со способностью к творчеству» [7]. Специфическое качество, о котором говорил Ф. Кликс, раскрыл знаменитый математик Г. Биркгофф: «Способность воссоздания образов называется воображением. Его-то и не достает нашим тупым ЭВМ» [8]. В свою очередь, английский химик XVIII в. Дж. Пристли, открывший кислород, утверждал, что не стоит недооценивать роль воображения, ведь великие открытия способны делать лишь ученые, которые дают полный простор своему воображению. В.М. Бехтерев отмечал, что для всякого творчества помимо обучения необходима одаренность.

Выделяют следующие виды творчества: *научное, техническое, художественное, музыкальное, литературное, педагогическое*. Разберем некоторые из них.

Научное творчество связано с открытием — постижением истины. К особенностям научного творчества относят то, что продуктом такого творчества является новое знание, которое существует в виде образов, понятий, умозаключений, теорий и абстрактных идей. «Научное творчество — наивысший акт познания, характеризующийся оригинальностью, неповторимостью способов получения принципиально нового научного знания и повторимостью их результатов, акт, в основе которого лежит процесс преобразования интуитивного знания» [9].

Техническое творчество связано с практическим преобразованием действительности. Такое творчество опирается на наглядно-образные и наглядно-действенные компоненты мышления и выражается в изобретательстве. То, что изобретается, не существует до его создания. При этом необходимо опираться на имеющийся технический фундамент и достигнутый уровень научно-технического прогресса. В таком творчестве преобладает рациональность.

Художественное творчество подразумевает «эстетическое освоение действительности и удовлетворение эстетических потребностей людей» [9, с. 46]. Главным компонентом художественного творчества выступает эмоциональность, высшим его проявлением считается пиковое переживание, воспринимаемое в качестве очищения. Такое творчество создает возможность многозначного отражения разными людьми одного и того же произведения, что указывает на субъективизм восприятия.

Дадим необходимые определения.

Творчество — сознательно-созидательная деятельность, выходящая за рамки стандартных исполнительских операций и отражающая внутренний посыл автора (творческий замысел) в виде новшества в определенной форме.

Творческий труд — созидательный вклад, вносимый автором в создаваемый объект в процессе творчества.

Критерии творчества, часто встречающиеся в работах исследователей, включают в себя новизну, уникальность, оригинальность, индивидуальность, независимость и свободу творческой деятельности. Следует отметить, что творчество основывается на источниках и детерминантах, например на творческом порыве, вдохновении, воображении, душевных переживаниях, эмоциональном состоянии, целеполагании, интересе, внутреннем «освобождении», стремлении к самореализации, предложении социально значимых результатов. Если произведение, созданное с помощью ИИ, — это результат «алгоритмического мышления» [10], предлагающего квазитворческие решения (генерация изображений, текстов в разных

жанрах и т.д.), то произведение, созданное человеком, несет в себе его душевное состояние, посыл и видение — факторы, далекие от алгоритмизации.

Алгоритмическое мышление подразумевает выработку искусственным интеллектом решений, основанных на заданном пользователем запросе, а также на поиске и отборе наиболее релевантной по запросу информации из тех источников, которые «задействованы» в рамках его работы как программы. В качестве примера можно привести проект The Next Rembrandt, созданный ИИ. Программа распознавания лиц просканировала 346 картин художника и сгенерировала на основе алгоритмически проанализированной информации новую картину, состоящую из 148 млн пикселей и основанную на 168 263 фрагментах работ Рембрандта [11]. Это результат работы алгоритма.

В юридической научной литературе встречается мнение, что творчество следует рассматривать применительно к результату интеллектуальной деятельности (объекту), а не к труду его создателя. Такой подход также называют объективным, тогда как субъективный подход предполагает отражение в произведении личности автора. Применение объективного подхода может привести к частичному или полному упущению вклада автора, что может нарушить понимание цельности и творческого замысла произведения. Что хотел «сказать» искусственный интеллект, создавая картину на основе работ Рембрандта? Очевидно, что возможная задумка предположить, какую картину мог бы еще явить миру великий художник, принадлежала не ИИ, а человеку, который решил испытать «воображение» ИИ.

Вспомним высказывание Г. Биркгоффа. У программы действительно нет и не может быть воображения. Все, что предлагает ИИ, — лишь более или менее «удачная» генерация ответа на запрос человека или же реализация алгоритма, изначально в него заложенного. Именно «человек может определить, что произведение создано (закончено) и что то, что получилось, является произведением» [12]. Человек, но не ИИ, задается целью (причинами появления которой могут стать, к примеру, интерес, творческий порыв, всплеск эмоций, стремление к самовыражению) создать произведение. «ИИ не станет задавать самому себе цель, у ИИ отсутствует интерес, как и свобода воли — способность неалгоритмически делать выбор в условиях отсутствия внешнего принуждения» [10].

Одаренность — еще одно врожденное качество, присущее только человеку. Способен ли ИИ слышать музыку так, как слышит ее человек? Переживать, испытывать волнения души? Способна ли программа услышать музыку, как это случается с музыкально одаренным человеком? В свое время у известного советского композитора Арно Бабаджаняна спроси-

ли, как тот пишет музыку, на что музыкант ответил: «Слышу». Это, возможно, то самое человеческое, что не дано «испытать» ИИ. Одаренность — это наличие потенциально высоких способностей у индивида. Советский психолог и основатель школы дифференциальной психологии Б.М. Теплов дал определение одаренности как «качественно своеобразному сочетанию способностей, от которого зависит возможность достижения большего или меньшего успеха в выполнении той или иной деятельности» [13].

Генерируя (складывая из множества фрагментов искомого целое произведение) квазитворческие решения (в искусстве, музыке, литературе и поэзии, науке и т.д.), ИИ не способен уловить смыслообразующих связей между выбранными из обучающего массива фрагментами. Он лишь выбирает, усредняет и красиво складывает. Задача художника, писателя, ученого и любого другого творческого человека, напротив, заключается не столько в предложении новых идей и решений, сколько в том, что эти решения он находит на основе смысловых связей между фрагментами будущего решения, открывающих смысл того, в чем состоит суть такого критерия творчества, как новизна.

Наглядным примером может служить Периодическая система элементов. Д.И. Менделеев записывал информацию о свойствах химических элементов на карточках и, раскладывая из них «пасьянсы», пытался классифицировать (сегодня искусственный интеллект именно «раскладывает пасьянсы», частично выполняя черновую работу творческой личности). Поиски связей между карточками привели его к выводу, что свойства элементов изменяются с возрастанием их «атомного веса» (на языке современной физики — в зависимости от заряда атомного ядра), но не монотонно, а периодически. Так он нашел смыслообразующие связи между карточками. Каждый из черновых пасьянсов был другим, но не новым. Только открывшийся смысл придал таблице качество новизны. Таким образом, «смысл прячется не в координатных ячейках, а в связях между ними» [14].

В части совершенствования Периодической системы элементов Д.И. Менделеева ИИ (ChatGPT) предложил следующие решения:

- создание интерактивных приложений и веб-сайтов, где можно навести курсор на элемент и мгновенно получить визуальные и текстовые данные о нем, включая его физико-химические свойства, историю открытия и области применения (фактически — предложение по удобству работы с таблицей в образовательных целях и/или создание электронного справочника);
- разработка трехмерных периодических таблиц, которые могли бы показать пространственную

структуру периодической системы, возможно, с использованием дополненной реальности (AR) или виртуальной реальности (VR) (смысл таблицы не в измерениях пространства — можно было бы говорить и о четырехмерном и n-мерном пространстве; вопрос в том, с каким свойством связать третье измерение таблицы — именно в этом была бы новизна);

- включение гипотетических элементов, предсказанных существующими теоретическими моделями, с указанием их возможных свойств (а для них уже предусмотрены клетки в таблице — оказывается, ИИ не понимает суть таблицы Менделеева);
- включение данных об энергиях ионизации и сродстве к электрону, что также может помочь в объяснении реактивности элементов (тоже вариант справочника);
- представление информации об электронных орбиталях и подуровнях, что может лучше объяснить химическое поведение элементов и их взаимосвязь (вариант справочника);
- более явное выделение диагональных закономерностей между элементами, таких как связи между элементами, находящимися на диагонали (например, бериллий и алюминий) (слишком общее предложение: не сформулирована ни одна «диагональная закономерность», неясно, что означает «более явное выделение» и как оно повлияет на структуру таблицы);
- отдельное представление групп элементов, образующих особые группы соединений (например, металлы платиновой группы) (фактически предлагается декомпозиция таблицы, т.е. ее упрощение и снижение информативности).

Видно, что советы ИИ очень похожи на ответы студента, много читавшего, но не понимающего сути вопроса. Он, конечно, готовился, но пятерки не заслуживает. Таким образом, предлагаемые ИИ решения не содержат указаний на дополнительные анализы и поиски смыслообразующих связей между элементами Периодической системы. Получены лишь возможные решения («разложены пасьянсы»), с помощью которых можно удобнее объяснять открытие, сделанное Менделеевым.

Рассмотрим модель произвольного творческого произведения на основе декартовой системы координат (рис. 1), где закрашенные клетки-ячейки представляют собой содержание того или иного фрагмента «интеллектуальной» деятельности. Смысловые связи между предложенными результатами неясны, это лишь отдельные, отстраненные друг от друга координатные ячейки. ИИ может обучаться на множестве стихов, произведений искусства. Он, возможно,

даже обнаруживает связи между ними, чтобы правдоподобно соединить фрагменты, но не устанавливает их смысл, что мы и видели на примере с таблицей Менделеева.

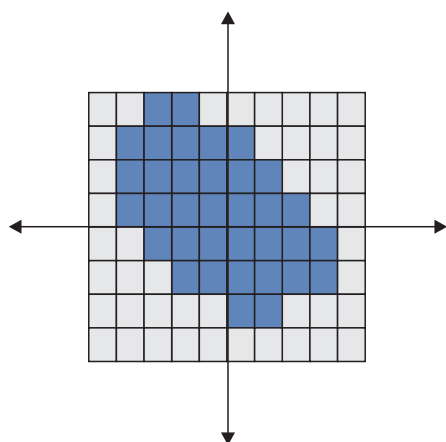

Рисунок 1. Начальная стадия работы с моделью творческого акта

На рис. 2 смысловые связи между клетками ячейками установлены актом творчества и сливаются в единый смысл (для таблицы Менделеева это периоды и группы), называемый на юридическом языке *новизной*, тогда как в случае предложенных ИИ решений ее нет.

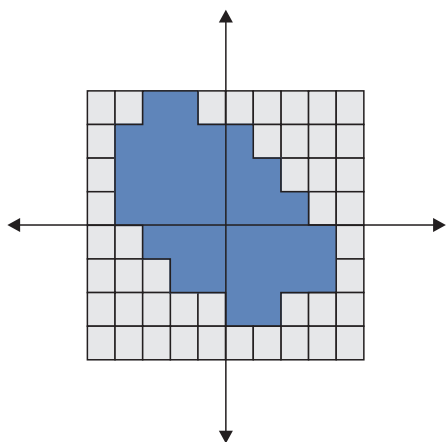

Рисунок 2. Финальная стадия работы с моделью творческого акта

Если рассматривать проблему творчества с юридической точки зрения, то возникает вопрос: почему в принципе мы говорим о необходимости правовой охраны произведения? Суть правовой охраны отношений, регулируемых авторским правом, заключается в том, чтобы защитить результаты творчества конкретной личности. Лишь после анализа созданного объекта по критериям творчества и признания его экспертами и судом творческим ему может быть придана правовая охрана.

До сих пор законодателю не удалось дать четкого перечня критериев творчества. Вопрос предоставления или непредоставления результату деятельности правовой охраны чаще всего решается судебной практикой.

В заключение предложу ориентиры, необходимые для предоставления произведению правовой охраны:

- основа творчества — субъективное самовыражение автора в произведении; индивидуальное самовыражение присуще человеку, но не ИИ как программе с алгоритмическим «мышлением»;
- при субъективном подходе к приданию или не приданию правовой охраны созданному объекту принимается во внимание личность автора как творца, т.е. учитывается творческий вклад;
- права на произведения, созданные с использованием ИИ, следует признавать за физическими лицами (индивидуумами и коллективами), предпринявшими усилия по их созданию, то есть за теми, кто использует ИИ как инструмент, как вспомогательное техническое средство;
- произведения создаются ИИ на основе алгоритмов, в которых отсутствуют такие элементы, как воображение и свобода воли, что лишает ИИ способности ставить перед собой цели, побуждаемые интересом, творческим порывом и т.д.;
- ИИ может обучаться на множестве произведений искусства, однако он не обнаруживает и не устанавливает смыслообразующие связи между ними, что и обуславливает отсутствие в предлагаемом решении новизны.

Итак, ИИ является результатом интеллектуальной деятельности разработчика и может быть причислен к объектам гражданского права (ст. 128 ГК РФ) в качестве технологического решения, программы для ЭВМ, т.е. произведение, «созданное» ИИ, оказывается вторичным (а значит, лишенным оригинальности и новизны) результатом интеллектуальной деятельности разработчика ИИ при участии лица, сформулировавшего запрос.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2120-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.».
2. A report "On intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies" from 10 October 2020. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.europarl.europa.eu/doceo/>

- document/A-9-2020-0176_EN.html (дата обращения: 10.02.2024).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ: с изм. и доп. от 11 июня 2021 г. № 213-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 24 (ч. I), ст. 4231.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
5. Нестеров А.В. Критерий творчества: юридический аспект // Российский судья. 2018. № 1. С. 31–37.
6. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Юрайт, 2023. 256 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/515786> (дата обращения: 10.02.2024).
7. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М.: Прогресс, 1983. 302 с.
8. Биркгофф Г. Математика и психология. М.: Советское радио, 1977. 96 с.
9. Ирина В.Р., Новиков В.Р. В мире научной интуиции: интуиция и разум. М.: Наука, 1978. 191 с.
10. Де Апро С.В. Проблема «свободы воли» робота с искусственным интеллектом. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/8000/report/request_1134524/158137/uid206292_report.pdf?1678398342 (дата обращения: 10.02.2024).
11. The Next Rembrandt. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.nextrembrandt.com> (дата обращения: 10.11.2023).
12. Комашко М.Н. Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 42, № 3. С. 98–107.
13. Теплов Б.М. Способности и одаренность // Психология индивидуальных различий. Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
14. Батурич Ю.М. Поиск новаций в «смысловом поле» исследуемого объекта // История науки и техники: импровизация в стиле jazz. М.: РТСофт-Космоскоп, 2016. С. 244.
- from 10 October 2020. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2020-0176_EN.html (data obrashcheniya: 10.02.2024).
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya): [feder. zakon: ot 18 dek. 2006 g. No 230-FZ: s izm. i dop. ot 11 iyunya 2021 g. No 213-F3] // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2021. No 24 (ch. I), st. 4231.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23 aprelya 2019 g. No 10 "O primeneni chasti chetvyortoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii".
5. Nesterov A.V. Kriterij tvorchestva: yuridicheskij aspekt // Rossijskij sud'ya. 2018. No 1. S. 31–37.
6. Berdyayev N.A. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka. M.: Yurajt, 2023. 256 s. [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <https://urait.ru/bcode/515786> (data obrashcheniya: 27.01.2024).
7. Kliks F. Probuzhdayushcheesya myshlenie. U istokov chelovecheskogo intellekta. M.: Progress, 1983. 302 s.
8. Birkhoff G. Matematika i psihologiya. — M.: Sovetskoe radio, 1977. 96 s.
9. Irina V.R., Novikov A.A. V mire nauchnoj intuiicii: intuiiciya i razum. Moskva: Nauka, 1978 191 c.
10. De Apro S.V. Problema "svobody voli" robota s iskusstvennym intellektom. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/8000/report/request_1134524/158137/uid206292_report.pdf?1678398342 (data obrashcheniya: 10.02.2024).
11. The Next Rembrandt. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.nextrembrandt.com> (data obrashcheniya: 10.02.2024).
12. Komashko M.N. Institut avtorstva i iskusstvennyj intellekt // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. T. 42, № 3. S. 98–107.
13. Teplov B.M. Sposobnosti i odarennost' // Psihologiya individual'nyh razlichij. Teksty. M.: izd-vo Mosk. un-ta, 1982.
14. Baturin Yu.M. Poisk novatsiy v "smyslovom pole" issleduyemogo ob'yekta // Istoriya nauki i tekhniki: improvizatsiya v stile jazz. M.: RTSoft-Kosmoskop, 2016. S. 244.

REFERENCES

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 19 avgusta 2020 g. No 2120-r "Ob utverzhdenii Konceptcii razvitiya regulirovaniya otnoshenij v sfere tekhnologii iskusstvennogo intellekta i robototekhniki na period do 2024 g."
2. A report "On intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies"

Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» (сокращенно — «Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ») создан решением Ученого совета НИУ ВШЭ в октябре 2020 г. в соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) от 7 августа 2020 г.

Свою историю Центр ведет от Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, созданной по инициативе Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО в 1993–1998 гг., Чрезвычайного и Полномочного посла РФ в отставке, доктора юридических наук, профессора М.А. Федотова. Соглашение о создании Кафедры ЮНЕСКО на базе Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ, ныне — Московский университет имени А.С. Грибоедова) было подписано 12 июня 1998 г. В 2009 г. Кафедра по согласованию с Секретариатом ЮНЕСКО была передислоцирована в Высшую школу экономики.

Кафедра ЮНЕСКО является научно-образовательным структурным подразделением НИУ ВШЭ. Одновременно она входит во всемирную сеть кафедр ЮНЕСКО в соответствии с Программой UNITWIN/UNESCO Chairs, учрежденной по решению 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г. для развития межуниверситетского сотрудничества на глобальном, межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях по отдельным направлениям образования, науки, культуры и коммуникации. Программа UNITWIN/UNESCO Chairs объединяет в настоящее время более 830 кафедр и 20 специализированных кафедральных сетей в 110 странах.

Во всем мире кафедры ЮНЕСКО, действуя в духе академической солидарности, стимулируют процесс формирования крепких и устойчивых связей между университетами и академическими учреждениями, правительствами, местными властями, предпринимательскими кругами, гражданским обществом и т.д. основополагающим принципом программы UNITWIN/UNESCO Chairs является полноценное и равноправное партнерство университетов, которые через кафедры ЮНЕСКО инициируют и реализуют в ее рамках различные проекты, уважая университетскую автономию и академическую свободу.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ специализируется в областях авторского права и смежных прав, культурных и информационных прав, включая правовое регулирование киберпространства, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Деятельность Кафедры осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Секретариата ЮНЕСКО, в особенности с Сектором культуры и Сектором информации и коммуникации, с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, а также с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Разносторонняя исследовательская, образовательная, просветительская, законопроектная, консультационная и экспертная деятельность Кафедры ЮНЕСКО в сферах свободы творчества и свободы выражения мнений,

правовых и этических аспектов информационного плюрализма, развития информационного общества, многоязычия в киберпространстве, преодоления цифрового неравенства, технологий трансгуманизма, влияния искусственного интеллекта на институты права и общественное развитие требует стабильного функционирования открытой дискуссионной площадки для обмена мнениями, обсуждения идей, передачи и популяризации знаний.

С 1999 г. Кафедра ЮНЕСКО выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности» (Works on Intellectual Property) (www.tis.hse.ru). У его истоков стояли такие выдающиеся российские правоведы, как И.Л. Бачило, М.М. Богуславский, Э.П. Гаврилов, В.А. Дозорцев, А.П. Сергеев, М.А. Федотов и их зарубежные коллеги Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) и др.

Журнал публикует научные статьи и аналитические материалы, рецензии на книги, экспертные мнения по широкому кругу правовых проблем интеллектуальной собственности и современной информационной экосистемы. В числе тем, привлекающих внимание авторов и читателей журнала, — актуальные проблемы авторского права и смежных прав, право интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, культурные и информационные права в контексте конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО, права человека в цифровую эпоху, правовое регулирование киберпространства, массовых коммуникаций, цифровых платформ и экосистем, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма.

Журнал выпускается на основании Соглашения между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Входит с 2014 г. в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК при Минобрнауки России). Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Свежий номер и архив журнала доступны на сайте Кафедры ЮНЕСКО: <https://hse.ru/unesco/tis>, а также на странице журнала <https://tis.hse.ru/>.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ «Высшая школа экономики» выпускает также ежемесячный информационный бюллетень «Среда», который бесплатно рассылается в электронном виде по подписке. Бюллетень содержит информацию о вступающих в силу нормативных правовых актах, о проектах новых законов, указов и постановлений, о прецедентных судебных решениях, о прошедших и предстоящих научных конференциях, семинарах, форумах и т.д.

Контакты Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ:
109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3, каб. 436;
тел./факс +7(495) 772-95-90 * 23017;
www.hse.ru/unesco/
tis@hse.ru

About the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at HSE University

The International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights” (abbreviated as “UNESCO Chair at the HSE University”) was built by the decision of the Academic Council of the HSE University in October 2020 under the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics (HSE University) dated August 7, 2020.

The Center traces its history back to the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights, established by initiative of the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO in 1993–1998, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation (ret.), Doctor of Legal Sciences, Professor Mikhail A. Fedotov. The Agreement on the organization of the UNESCO Chair based on the A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics (IMPE, now — A.S. Griboyedov Moscow University) was signed on June 12, 1998. In 2009, the Chair, on the UNESCO Secretariat approval, was relocated to the HSE University.

The UNESCO Chair is a scientific and educational structural subdivision of the HSE University. It participates in the worldwide network of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program. The program works based on the decision of the 26th session of the General Conference of UNESCO (1991). The Program focuses on inter-university cooperation at the global and regional levels of education, science, culture, and communication. The UNITWIN/UNESCO Chairs Program currently unites more than 830 Chairs and 20 specialized chair networks in 110 countries.

All over the world, UNESCO Chairs, acting in the spirit of academic solidarity, stimulate sustainable ties between universities and institutions, governments, local authorities, business circles, civil society, etc. The fundamental principle of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program is an equal partnership of universities, which, through the UNESCO Chairs, initiate and implement various projects within its framework, respecting university autonomy and academic freedom.

The UNESCO Chair at the HSE University specializes in copyright, neighboring, cultural and information rights, including the legal regulation of cyberspace, artificial intelligence technologies, and transhumanism. The Chair cooperates with the relevant divisions of the UNESCO Secretariat, particularly the Sector of Culture and the Sector of Information and Communication. The Chair cooperates with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education and the Commission of the Russian Federation for UNESCO.

The UNESCO Chair realizes versatile research, education, consulting, and expert activities in the field of freedom of creativity and freedom of expression, legal and ethical aspects of information pluralism. The Chair works on the progress of the informational society and multilingualism in cyberspace. The Chair toils on overcoming the digital divide, transhumanism technologies, and the impact of artificial intelligence on social and legal institutions. All this requires the stable func-

tioning of an open discussion platform for the exchange of opinions, discussion of ideas, transfer and popularization of scientific knowledge.

Since 1999, the UNESCO Chair has published a quarterly scientific and analytical journal named Works on Intellectual Property (www.tis.hse.ru). Its origins were such prominent Russian jurists as professors Illariya L. Bachilo, Mikhail M. Boguslavsky, Eduard P. Gavrilov, Viktor A. Dozortsev, Alexander P. Sergeev, Mikhail A. Fedotov, and their foreign colleagues Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) and others.

The journal publishes scientific articles and analytics, book reviews, and expert opinions on a wide range of IP problems and the modern information ecosystem. Among the topics that attract the attention of the authors and readers of the journal are topical issues of copyright and neighboring rights, other intellectual property rights in the context of digitalization, as well as cultural and information rights in the context of UNESCO conventions and recommendations. The list embraces human rights in the digital age, legal regulation of cyberspace, mass communications, digital platforms and ecosystems, artificial intelligence technologies, and transhumanism.

The journal published based on the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics. Since 2014 the journal presented in the List of peer-reviewed scientific publications publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science for the degree of Doctor of Science (the List of Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia). The journal presenyed in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The latest issue and archive of the journal are on the website of the UNESCO Chair: <https://hse.ru/unesco/tis>; and on the journal web page <https://tis.hse.ru/>.

The UNESCO Chair at the HSE University also publishes a monthly newsletter "Sreda", distributed free of charge in electronic form by subscription. The newsletter contains information about normative legal acts coming into force, drafts of new laws, decrees and resolutions, precedent judicial decisions, past and upcoming scientific conferences, seminars, forums, etc.

Contacts of the UNESCO Chair at the HSE University:
109028, Moscow, B. Trekhsvyatitsky per., 3, room. 436;
tel./fax +7(495) 772-95-90 * 23017;
website: www.hse.ru/unesco/
e-mail: tis@hse.ru